

Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Кузбасский государственный технический университет имени Т.Ф. Горбачева»

На правах рукописи

Слесаренко Екатерина Владимировна

**СТРУКТУРНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ЭКОНОМИКИ
В УСЛОВИЯХ МАКРОЭКОНОМИЧЕСКОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ**

Специальность 08.00.01 – Экономическая теория

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени
кандидата экономических наук

Научный руководитель:

доктор экономических наук, доцент

Жиронкин Сергей Александрович

Кемерово – 2021

Оглавление

Введение	4
Глава 1 Теоретические основы трансформации структуры экономики	14
1.1 Методология исследования структурной трансформации экономики	14
1.2 Принципиальная основа и типология структурной трансформации экономики	36
1.3 Классификация факторов трансформации структуры экономики	54
Глава 2 Макроэкономическая нестабильность в системе структурной трансформации экономики	69
2.1 Макроэкономическая нестабильность в свете рыночной энтропии современной экономики	69
2.2 Пути взаимной трансляции макроэкономической нестабильности в структурную деиндустриализацию российской экономики	89
2.3 Периоды и индикаторы оценки взаимного влияния структурной трансформации экономики и макроэкономической нестабильности	115
Глава 3 Основные направления макростабилизирующей структурной политики государства	130
3.1 Макростабилизация и антирецессивная роль структурной политики в защите экономики от внешних шоков	130
3.2 Развитие экономических отношений в воспроизводственной системе как основа макростабилизирующей структурной политики	153
3.3 Императив социальной стабилизации в системе структурной политики в российской экономике	169
Заключение	181
Список литературы	187
Приложение А Индексы промышленного производства в России	218

Приложение Б Показатели динамики воспроизводственной структуры российской экономики.....	220
Приложение В Структура инвестиции в основной капитал по отраслям экономики в России	222
Приложение Г Показатели динамики состояния основных фондов в России	224
Приложение Д Международные сопоставления изменений отраслевой структуры ВВП	225
Приложение Е Справка о внедрении результатов от Министерства труда и занятости населения Кузбасса.....	226
Приложение Ж Справка о внедрении результатов от Министерства сельского хозяйства и перерабатывающей промышленности Кузбасса	227
Приложение И Справка о внедрении результатов от Министерства экономики и регионального развития Красноярского края.....	228
Приложение К Справка о внедрении результатов от ФГБОУ ВО «Кузбасский государственный технический университет им. Т.Ф. Горбачева».....	229

Введение

Актуальность темы исследования. В условиях цифровизации экономических отношений перед экономической наукой стоит задача глубокого переосмысления проблем структурной трансформации экономики и ее дестабилизации на макроуровне, сокращения подверженности внешним шокам и санкционному давлению, уменьшения зависимости от конъюнктуры мирового рынка сырья, преодоления рецессивных трендов. В последние десятилетия экономика передовых стран характеризуется структурными трансформациями, формирующими новое качество мобильности факторов производства, привлечения инвестиций, повышения производительности труда, роста добавленной стоимости и общественного благосостояния.

В Российской Федерации за период 2000-2007 гг. ежегодный прирост физического объема ВВП составлял 4-8%, замедлившись в 2013-2019 гг. до 0,5-2%. При этом быстрый рост инвестиций, наметившийся в 2000-2007 гг., с 2013 года также замедлился до 2,5-4,5% в долларовом исчислении, а валовое накопление основного капитала не превысило 22% с 2000 года¹. Также в российской экономике в течение всего периода современных трансформаций сохраняются структурные проблемы, препятствующие ускорению экономического роста. Это актуализирует разработку теоретических и методических положений исследования взаимной обусловленности макроэкономической нестабильности и структурной трансформации экономики, ее типологизации, выявления принципов и факторов, способных заложить основу стабильной позитивной динамики в процессе преодоления деиндустриального тренда экономического развития.

Усиление структурных диспропорций снижает эффект от комплекса мер макроэкономической стабилизации за счет увеличения государственных

¹ Федеральная служба государственной статистики (по разделам) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gks.ru> (дата обращения: 10.09.2020).

инвестиций, использования инструментов денежного рынка и фискальной системы. Вместе с тем, «всплески» макроэкономической нестабильности, свойственные трансформационной экономике, снижают эффективность структурной политики государства, затрудняют переток капитала, трудовых ресурсов, диффузию инноваций между отраслями и секторами экономики, перераспределение доходов. В таких условиях стратегически востребованным становится исследование воспроизводственных, инновационно-технологических, институциональных основ структурной политики государства, способной обеспечить макроэкономическую стабилизацию и выход из рецессии. Не менее актуальной является социализация структурной политики, призванная снизить остроту влияния макроэкономической нестабильности на благосостояние населения в условиях цифровой экономики.

Вышесказанное обуславливает актуальность исследования проблематики структурной трансформации экономики в условиях макроэкономической нестабильности в современных условиях.

Степень разработанности проблемы. На данный момент экономическая наука располагает определенным массивом публикаций по проблематике структурной трансформации, задающей долгосрочные перспективы стабилизации экономического развития. Вместе с тем, преобладающие подходы к анализу источников макроэкономической нестабильности связывают ее со свойственной рынку энтропией и волатильностью, и не позволяют выявить структурно-воспроизводственные, инновационно-технологические, секторально-отраслевые условия и факторы ее снижения, сформулировать основы структурной политики, учитывающей деиндустриальную природу макронестабильности в российской экономике. Существующий на настоящий момент спектр публикаций, посвященных различным вопросам структурной трансформации экономики и ее нестабильности на макроуровне, целесообразно представить следующим образом.

Исследованию содержания, принципов и факторов структурной трансформации экономики посвящены труды А.Г. Аганбегяна, Р. Барра (Barre), В.И. Данилова-Данильяна, О.Ю. Красильникова, Ф.Н. Завьялова,

С.В. Любимцевой, Ж. Ломма (Lomme), О.С. Сухарева, В.К. Сенчагова, П.А. Ореховского, О.Б. Кошовец, Ю.В. Яковца и др.

Ключевую роль структурным изменениям в воспроизводственной системе отводили в своих работах Л.И. Абалкин, А.И. Буданов, С.К. Демченко, Е. Домар (Domar), Р. Харрод (Harrod), Э. Хансен (Hansen) и др. Макроэкономическую значимость изменений в секторальной, инновационно-технологической структуре экономики подчеркивали Д. Белл (Bell), С.Ю. Глазьев, Э.А. Гасанов, Н.Д. Кондратьев, М.Е. Коновалова, В.В. Дементьев, К. Кларк (Clark), Р. Нельсон (Nelson), Р. Рейч (Reich), Ж. Фурастье (Fourastié), Й. Шумпетер (Schumpeter), С.Дж. Уинтер (Winter) и др. Деиндустриальный характер структурной трансформации российской экономики в период рыночных реформ отмечали А.А. Амосов, М.А. Гасанов, С.С. Губанов, С.А. Жиронкин, В.Л. Иноземцев и др.

В зарубежной экономической науке фундаментальные исследования в области анализа макроэкономической нестабильности были представлены в работах Л. Вальраса (Walras), М. Вульфа (Wolf), К. Викселля (Wicksell), Дж.М. Кейнса (Keynes), Г. Менша (Mensch), Д. Норта (North), Ч. Плоссера (Plosser), Дж. Хикса (Hicks), Р.Дж. Хоутри (Hawtrey) и др. Анализу теоретических основ макроэкономической нестабильности посвящены труды российских ученых: В.Е. Дементьева, Ю.Д. Зельвенского, А.Л. Кудрина, В.Е. Маневича, В.А. Мау, М.И. Туган-Барановского, М.В. Дубовик и др.

Исследование вопросов государственного регулирования воспроизводственных и распределительных процессов в экономике содержится в трудах О.Г. Голиченко, А.Н. Клепача, Р.А. Кучукова, В.Т. Рязанова, А.Н. Ряховской, Н.Т. Саврукова, В.К. Сенчагова, Е.Г. Ясина, С.А. Толкачева, Л.Г. Чередниченко и др. Преобразование институциональной структуры экономики рассматривалось Е.В. Балацким, Г.Б. Клейнером, М.В. Курбатовой, С.Н. Левиным, Р.М. Нуреевым, В.М. Полтеровичем, О. Уильямсоном (Williamson) и др.

Вопросам формирования и реализации структурной политики государства были посвящены исследования А.В. Быстрова, И.А. Благих, К. Варвика (Warwick),

Р.С. Гринберга, Ф. Перру (Perroux), Х. Пака (Pack), В.В. Пименова, С.Д. Розмировича, К. Сагги (Saggi), Х.Б. Ченери (Chenery) и др.

В работах отечественных и иностранных авторов значительное внимание уделено проблематике негативных структурных сдвигов в экономике переходного типа, источников и форм свойственной ей нестабильности на макроуровне. Наряду с этим, недостаточно изученными остаются теоретические основы определения причинно-следственных связей макроэкономической нестабильности и структурной трансформации экономики, влияния на них деиндустриальных последствий цифровых преобразований. Значимость научного анализа данных проблем обусловила тематику диссертации и представленные в ней основные направления исследования.

Цель и задачи исследования. Цель исследования заключается в развитии теоретических подходов к выявлению экономических связей, раскрывающих процессы структурной трансформации экономики в условиях макроэкономической нестабильности.

На основе поставленной цели были определены следующие задачи:

- систематизировать научные подходы к исследованию структурной трансформации экономики;
- обосновать теоретический подход к исследованию взаимообусловленности структурной трансформации экономики и макроэкономической нестабильности,
- разработать типологию структурной трансформации экономики, отражающую ее сущностную связь с факторами макроэкономической нестабильности;
- раскрыть экономическое содержание периодов нарастания макроэкономической нестабильности в экономике России;
- обосновать сценарии макроэкономической нестабильности экономики в системе ее взаимного влияния на структурную трансформацию экономики;
- определить основные направления макростабилизирующей структурной политики государства, отражающие императивы макроэкономической стабилизации.

Объект исследования – трансформационные процессы, раскрывающие содержание изменений структурных пропорций экономики.

Предмет исследования – экономические отношения, развивающиеся в ходе структурной трансформации экономики в условиях макроэкономической нестабильности.

Соответствие диссертации паспорту специальности. Область исследования соответствует требованиям паспорта научной специальности ВАК РФ «08.00.01 Экономическая теория – общая экономическая теория: п. 1.1. Политическая экономия: эффективность общественного производства; инновационные факторы социально-экономической трансформации; п. 1.3. Макроэкономическая теория: экономические аспекты научно-технического прогресса и его влияние на макроэкономические процессы».

Научная новизна полученных результатов:

1. Предложен теоретический подход к исследованию взаимообусловленности структурной трансформации экономики и макроэкономической нестабильности, позволяющий на основе комплексного анализа цепного характера воспроизводственных проблем, трансляции внешних шоков в национальную экономику и негативных изменений в ее структуре формировать направления нивелирования негативного воздействия макроэкономической нестабильности на развитие экономики.

2. Разработана типология структурной трансформации экономики, раскрывающая сущностное содержание макростабилизирующего и макродестабилизирующего типов структурной трансформации. Авторская типология структурной трансформации позволяет системно анализировать диспропорции факторной, отраслевой, технологической структуры экономики в исследовании проявления особого рода волатильности – структурно-индуцированной макроэкономической нестабильности.

3. Обоснованы сценарии макроэкономической нестабильности экономики – краткосрочный, колебательный, пиковый, долгосрочный – на основе уточнения экономического содержания периодов нарастания макроэкономической

нестабильности в экономике и проведения индикативной оценки связи макроэкономической нестабильности и структурной деиндустриализации в обеспечении формирования на этой основе направлений структурной политики государства.

4. Определены основные направления макростабилизирующей структурной политики государства, основанной на переходе от краткосрочных мер по предупреждению развития экономики от внешних шоков к целенаправленной трансформации структуры экономики. Обоснована необходимость структурных изменений экономических отношений в воспроизводственной системе на основе развития новых форм инвестирования инноваций в системе сетевых взаимодействий науки, бизнеса и государства, вовлечения в этот процесс коммерческих банков, ключевых групп частных инвесторов.

Теоретическая значимость исследования заключается в разработке теоретического подхода к исследованию взаимообусловленности структурной трансформации экономики и макроэкономической нестабильности; представленном автором уточнении определений структурной трансформации экономики и макроэкономической нестабильности, которые раскрываются через содержательность понятийных взаимосвязей. Примененный в диссертационном исследовании авторский подход позволил раскрыть причинно-следственные связи структурной трансформации экономики и макроэкономической нестабильности, выявить принципы и факторы их взаимного влияния, обосновать сценарии реализации макроэкономической нестабильности при переходе к долгосрочной рецессии или росту. Сформулированные в ходе исследования выводы и положения призваны способствовать решению макроэкономических проблем, обусловленных деиндустриальным типом структурной трансформации экономики, ее высокой подверженности внешним шокам и внутренним источникам дестабилизации на макроуровне.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования совокупности авторских результатов органами государственной власти при определении форм и инструментов макростабилизирующей

структурной политики. Предложенные в диссертации теоретические положения и выводы могут быть использованы при разработке федеральных и региональных нормативных актов, программ в сферах регулирования структурных пропорций экономики, ее стабилизации на макроуровне. Помимо этого, отдельные результаты и выводы исследования могут быть использованы при составлении рабочих программ и чтении курсов по экономической теории и макроэкономике в системе высшего и дополнительного профессионального образования.

Информационно-эмпирическую базу диссертационного исследования составили теоретические разработки и опубликованные результаты научных исследований российских и зарубежных ученых, нормативные акты федерального и регионального уровня, данные Федеральной службы государственной статистики, Правительства Российской Федерации, международных информационных агентств, стратегические и программные документы в сфере экономического развития.

Методология и методы исследования. Методология диссертационного исследования сформирована на основе трудов видных отечественных и зарубежных ученых, принадлежащих различным направлениям экономической мысли, посвященных проблемам трансформации структуры экономики и макроэкономической нестабильности, воздействия государства на экономику. Диссертационное исследование было выполнено с использованием таких общенаучных и специальных методов, как: системно-структурный метод (для анализа научных подходов к исследованию трансформационных процессов); абстрактно-логический и историко-диалектический методы (для раскрытия взаимообусловленности структурной трансформации и макроэкономической нестабильности); методы группировки и классификации, аналогий (для типологизации структурной трансформации и макроэкономической нестабильности, выявления их принципов и факторов); методы причинно-следственного и ситуационного анализа (для раскрытия взаимного влияния дестабилизирующих и структуро-преобразующих сил в реформируемой российской экономике); метод синтеза научных подходов (для формулирования

направлений макростабилизационной структурной политики), а также эмпирических методов – наблюдения измерения, сравнения (для уточнения связи между усилением структурной деиндустриализацией и макроэкономической нестабильностью).

Основные положения диссертации, выносимые на защиту:

1. На основе системного изучения теоретических основ трансформации структуры экономики предложен теоретический подход к исследованию взаимообусловленности структурной трансформации экономики и макроэкономической нестабильности. Авторский подход позволяет на основе комплексного анализа цепного характера воспроизводственных проблем, трансляции внешних шоков в национальную экономику и негативных изменений в ее структуре формировать направления нивелирования негативного воздействия макроэкономической нестабильности на развитие экономики.

2. Обобщение и уточнение принципов структурной трансформации экономики обусловило разработку типологии структурной трансформации экономики, раскрывающую сущностное содержание макростабилизирующего и макродестабилизирующего типов трансформации. Предлагаемая типология позволяет системно анализировать диспропорции факторной, отраслевой, технологической структуры экономики в исследовании проявления особого рода волатильности – структурно-индуцированной макроэкономической нестабильности.

3. Уточнение экономического содержания периодов нарастания макроэкономической нестабильности в экономике предопределило целесообразность проведения индикативной оценки связи макроэкономической нестабильности и структурной деиндустриализации, что позволило обосновать краткосрочный, колебательный, пиковый, долгосрочный сценарии макроэкономической нестабильности.

4. Сформированы основные направления макростабилизирующей структурной политики государства. Обосновано, что структурная экономическая политика должна основываться на целенаправленной трансформации структуры

экономики путем проведения структурных изменений экономических отношений в воспроизводственной системе, внедрения новых форм инвестирования инноваций в системе сетевых взаимодействий науки, бизнеса и государства, вовлечения в этот процесс коммерческих банков, ключевых групп частных инвесторов.

Степень достоверности и апробация результатов исследования.

Результаты диссертационного исследования внедрены в учебный процесс ФГБОУ ВО «Кузбасский государственный технический университет имени Т.Ф. Горбачева» при преподавании дисциплин «Экономическая теория», «Российская экономика», «Макроэкономическое регулирование национальной экономики», «Современные проблемы национальной экономики» (справка о внедрении от 19.04.2021 г. № 06/6-1031).

Основные результаты и положения диссертационного исследования были представлены в докладах на XXV Международной научно-практической конференции «Современные подходы к формированию концепции экономического роста: теория и практика» (Санкт-Петербург, 2014 г.); VI Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых с международным участием «Россия молодая» (Кемерово, 2014 г.); Международной научно-практической конференции «Современная наука: проблемы и пути их решения» (Кемерово, 2015 г.); Международной научно-практической конференции «Новая наука: история становления, современное состояние, перспективы развития» (Уфа, 2020 г.), X Международной научно-практической конференции «Современные тенденции и инновации в науке и производстве» (Междуреченск, 2021 г.) и других научных мероприятиях.

Кроме того, результаты диссертационного исследования применяются в деятельности Министерства экономики и регионального развития Красноярского края (акт внедрения от 04.05.2021 г. № 85-758), Министерства труда и занятости населения Кузбасса (акт внедрения от 27.04.2021 г. № 1776), Министерства сельского хозяйства и перерабатывающей промышленности Кузбасса (акт внедрения от 11.05.2021 г. № и01-09/1702).

Публикация результатов исследования. По теме диссертационного исследования опубликовано 18 работ общим объемом 11,08 п.л. (авт. – 6,45 п.л.), в т.ч. 7 статей общим объемом 6,38 п.л. (авт. – 3,21 п.л.) – в рецензируемых ВАК научных изданиях; 2 публикации – в международной базе Scopus объемом 0,97 п.л. (авт. – 0,28 п.л.); 9 публикаций общим объемом 3,73 п.л. (авт. – 2,96 п.л.) – в других изданиях.

Объем и структура работы. Диссертационная работа состоит из введения, трех глав, заключения, библиографического списка и приложений. Работа содержит 186 страниц основного машинописного текста, 24 таблицы, 5 рисунков, 9 приложений, список литературы из 316 наименований.

Глава 1 Теоретические основы трансформации структуры экономики

1.1 Методология исследования структурной трансформации экономики

Преобразования российской экономики, начавшиеся с перехода к рынку, к настоящему моменту не завершены, поскольку структурные диспропорции, неустойчивость макроэкономической динамики, негативный отрыв от передовых стран в социально-экономическом и технологическом плане не находят своего разрешения, а только нарастают. Поэтому необходим научный анализ проблем структурной трансформации экономики в комплексе взаимосвязей с ее дестабилизацией на макроуровне.

В общем смысле под трансформацией экономики понимается процесс радикального преобразования институтов, форм, способов, пропорций экономической деятельности, изменение их целевой направленности, создание новых и отмирание старых [172, с. 435].

Как основополагающую составляющую трансформации экономики следует рассматривать трансформацию ее структуры. При этом нельзя не отметить сложившийся консенсус мнений ученых, занимающихся исследованием структурного аспекта развития экономики на современном этапе (С.Ю. Глазьев [40, с. 49], О.Ю. Красильников [98, с. 56-71], О.С. Сухарев [205, с. 56] и др.), относительно определения структуры как таковой (совокупность взаимосвязанных и взаимовлияющих элементов экономической системы, находящихся в определенных пропорциях). Однако методологическая основа трансформации структуры экономики пока не имеет законченной формы.

В общем виде, как процесс масштабных и радикальных изменений пропорций в экономической структуре [246, с. 620], структурная трансформация

тесно связана с такими понятиями как «структурные изменения», «структурный сдвиг» и «структурные реформы», которые следует различать. Вместе с тем, мы полагаем, что трансформация экономики как таковая не мыслима без ее структурных изменений. Структурная трансформация экономики включает в себя понятие структурных сдвигов, вызванных изменениями в структуре размещения экономических ресурсов как постепенных количественных накоплений, но не тождественна им.

Структурные изменения характеризуются количественными изменениями пропорций между сопоставимыми элементами экономической системы, что ведет к изменению положения отдельной отрасли или комплекса отраслей в системе национального хозяйства.

Структурные сдвиги, являясь одной из форм трансформации экономики, заключают в себе совокупность структурных изменений воспроизводственного, институционального, технологического, отраслевого характера, и проявляются уже в форме количественных и качественных изменений компонентов системы. Структурные сдвиги, обладая менее динамичной природой, представляют собой результат накопленных изменений, протекающих под влиянием совокупности факторов (объективных и субъективных). Объективные факторы, как правило, определяются мировыми научно-технологическими трендами, развитием институциональной среды, воспроизводственных связей. Субъективные факторы определяются регулируемыми процессами, осуществляемыми в рамках государственной экономической политики.

Под структурной реформой мы понимаем целенаправленно реализуемые изменения в структуре экономики, осуществляемые через механизм структурной политики государства с целью достижения стабильного экономического роста и повышения общественного благосостояния. При этом проведение структурной реформы позволяет разрешить объективные противоречия в развитии экономики, учесть объективные потребности различных ее субъектов.

В настоящее время проблема структурной трансформации ввиду серьезнейшей дифференциации стран по уровню социально-экономического

развития на фоне углубления дисбалансов в структуре экономики на национальном и глобальном уровнях становится весьма актуальной не только для развивающихся государств, но и для стран с развитой рыночной экономикой. Для промышленно развитых государств структурная трансформация, прежде всего, связана с необходимостью возврата и восстановления ряда промышленных производств, активно переносимых в первой половине XX в. в страны периферийной зоны, при одновременном сокращении доли фиктивного сектора.

Структурная трансформация для государств с переходной экономикой определяется необходимостью формирования развитого индустриального сектора, повышения конкурентоспособности национальной экономики и ее присутствия на внешних рынках, а также снижения импортной зависимости по жизненно важным товарам потребительского назначения. В частности, для российской экономики необходимость структурной трансформации обусловлена реализуемой экспортно-сырьевой моделью развития, формирующей тесную зависимость долгосрочного роста экономики от высокой нестабильности мировых ресурсных цен [183; 191]. Такая модель неэффективна как с точки зрения текущей динамики доходов, так и будущих структурных пропорций, за счет ухудшения условий для движения капитала, рабочей силы, инноваций [189]. Актуализируется представленная проблема и в силу нарастающего технологического отставания России, с одной стороны, от наиболее развитых государств – лидеров технологического прогресса, с другой – от активно набирающих преимущества в мировой системе государств азиатско-тихоокеанского региона [12, с. 8].

Накопленные в российской и зарубежной экономической науке результаты исследований различных аспектов структурных изменений и преобразований формируют мощный теоретический задел для дальнейшего осмысления выбранной проблематики. Однако за пределами внимания ученых остаются теоретические аспекты взаимосвязи структурной трансформации экономики и достижения макростабилизации в экономике. Вследствие этого до сих пор не сформированы теоретические основы регулирования экономики, направленного на преодоления связанных процессов деиндустриализации российской экономики (сокращения

доли промышленного сектора, а в нем самом – высокотехнологичных производств, за исключением отдельно стоящего сектора IT-услуг) и ее дестабилизации.

Анализ накопленного опыта исследования структурной трансформации экономики позволил выделить ряд подходов (внешне-рыночный, структурно-воспроизводственный, секторально-отраслевой, структурно-институциональный, технологический, структурно-декомпозиционный), позволяющих определить ее сущностные связи с макроэкономической нестабильностью. Критерием для их выделения стали доминирующие движущие силы, меняющие макроэкономические пропорции, в результате чего возникает волатильность экономической динамики.

В соответствии с внешне-рыночной группой подходов, структурная трансформация экономики исследовалась с точки зрения изменений в соотношении экспорта и импорта капитала, товаров и услуг.

Необходимость структурной трансформации определялась защитой национальной экономики от негативного воздействия иностранной конкуренции, а также возрастанием конкурентоспособности национальной продукции на внутренних и внешних рынках. В частности, меркантилисты (Т. Ман, А. Де Монкретьен) [197, с. 92-96], основатель теории протекционизма Ф. Лист [114, с. 96-70] (историческая школа), а также представители теории зависимого развития (С. Фуртадо [274], П. Баран [259], Ш. Беттельхейм [21], А. Франк [228; 271], С. Амин [11] и др.) выступали за ограничение импорта при одновременном стимулировании экспорта как источника увеличения благосостояния нации.

Р. Пребиш [168] и Х. Зингер [304], в свою очередь, видели необходимость в изменении товарной структуры экспорта как толчок в развитии национальной экономики и возможность создания самоподдерживающего роста. Данный факт ученые объясняли условиями торговли, в частности, соотношением динамики цен на сырье и готовую продукцию с высокой долей добавленной стоимости, реализуемых на мировом рынке. Идея состояла в том, что цены на продукцию отраслей обрабатывающей промышленности в долгосрочном периоде увеличиваются более быстрыми темпами, нежели цены на сырье. Выявленная закономерность определяла преимущества роста экономики и увеличения

благосостояния нации тех государств, которые в основном экспортировали готовые изделия, а соответственно те, кто их, в основном, импортировал – обречены были на отставание.

Дж. Итуэлл [77] отстаивал изменения структуры соотношения экспорта и импорта как условие для поддержания экономического роста в национальной экономике. На практике достижение представленной перспективы осуществляется на основе импортозамещающей (ограничение импорта) или экспортоориентированной (увеличение экспорта) стратегий, реализация которых на том или ином этапе развития социально-экономической системы создавала благоприятную почву для структурного обновления народного хозяйства.

В период активного развития мировой торговли (1950-1960-е гг.) стратегию расширения экспорта за счет поддержания низкого курса национальной валюты и субсидирования экспортных отраслей промышленности использовала Германия и Италия, что позволило им создать платформу для быстрого технического обновления, существенно модернизировав структуру общественного производства. Структурному преобразованию и достижению впоследствии устойчивых темпов экономического роста способствовало экспортоориентированное развитие и в КНР. Так, по мере увеличения экспорта продукции с высокой долей добавленной стоимости (до 90% в структуре экспорта), существенно менялась и структура народного хозяйства, обеспечивая стране одни из самых высоких темпов роста ВВП в мире (6,7-10%) [223].

В целом, надо признать, что сложившиеся в определенных пропорциях товарные структуры экспорта и импорта (их соотношение), определяющие отраслевую специализацию страны, ее место и роль в международном разделении труда и мировой экономике, являются лишь следствием существующей национальной воспроизводственной системы, изменение которой зависит от множества факторов (темпы научно-технического прогресса, институциональная среда, состояние производительных сил общества и др.).

Таким образом, внешне-рыночный подход акцентирует внимание на механизмах вовлечения национального хозяйства в мировую систему, таких как

международное движение капитала и труда, международный товарный обмен и научно-техническое сотрудничество. Авторы данного подхода увидели, что действие этих механизмов неодинаково для разных стран, благодаря их воспроизводственным, отраслевым, технологическим, демографическим и др. особенностям. В результате трансформация структуры национальных экономик в рамках данного подхода рассматривается агрегировано – как взаимосвязанные процессы роста импортозависимости и импортозамещения. Ее связь с макроэкономической нестабильностью рассматривается здесь как адаптация экономики (стихийной или регулируемой) к энтропии и нестабильности мирового рынка, вызванной многообразием, наложением различных объективно и субъективно вызванных процессов в мировой экономике. Вместе с тем, рассматривая преимущественно внешние проявления структурной трансформации национальной экономики – как субъекта мирового рынка, – авторы внешне-рыночного подхода упускают из виду внутриэкономические источники трансформации.

В этой связи особенно значимой для нашего исследования видится группа подходов к анализу структурной трансформации экономики, которую можно условно назвать структурно-воспроизводственной. В нее входят подходы, разработанные известными школами экономической науки:

1. Немецкая школа политэкономии (К. Маркс [124], Р. Гильфердинг [37] и др.) – изменения в пропорциях производительных сил и производственных отношений, во-первых, и пропорций выпуска средств производства и предметов потребления (I и II подразделениями), во-вторых. Достижение структурной трансформации экономики происходит с развитием производительных сил и повышением эффективности производственных отношений, что выражается в увеличении доли производства предметов потребления.

Идеи К. Маркса и в современных условиях не теряют своей актуальности, поскольку содержание реальной концепции структурной трансформации экономики должно быть нацелено на развитие производственных отношений и производительных сил в их совокупности. Именно поэтому можно говорить о

провале перестройки структуры российской экономики в 1990-х гг., поскольку изменения в системе экономических отношений свелись к массовой приватизации, за которой не последовали ни ускорение воспроизводства промышленного капитала, ни повышение качества человеческого капитала.

2. Классическая и неоклассическая политэкономия – изменения в структуре факторов производства (земля, труд, капитал, знания, информация), которые обусловлены конкурентно-рыночным механизмом (А. Смит [194], Д. Рикардо [177], А. Пигу [158], А. Маршалл [126] и др.). Соответственно монетаристы предлагают регулировать пропорции вовлечения факторов производства в хозяйственную деятельность при помощи манипулирования денежной массой, нормой процента и банковских резервов) [272], а сторонники экономики предложения (А. Лаффер, Дж. Самур и др.) – при помощи налогов [289].

Увеличение значимости инновационных факторов воспроизводственного процесса на современном этапе все больше определяет возможности повышения конкурентоспособности государств, отстающих по темпам экономического развития. Особенно актуальной трансформация факторной структуры представляется и для российской экономики, в условиях ее критического научно-технологического отставания, приобретающего необратимый характер.

3. Кейнсианская (Дж. М. Кейнс [83]), некейнсианская (Дж. Хикс [235], Р. Харрод, Э. Хансен [233, 234], Е. Домар [269] и др.) школы – анализ пропорций участия факторов производства (главным образом, инвестиций в производственные ресурсы и труд) в создании национального продукта, а также пропорций между материальным производством и денежным рынком. Особую роль в нашем исследовании играют идеи Р. Харрода о влиянии пропорций образования и использования капитала (соотношение сбережений, инвестиций, совокупного предложения) на уровень экономического роста.

Нельзя не отметить мнение российских авторов (Л.И. Абалкин [1], А.И. Буданов [26], С.К. Демченко [60], Л.Г. Чередниченко [239] и др.) по исследуемой проблематике, в рамках которого структурная трансформация экономики в целом определяется изменениями в ее воспроизводственной системе.

Увеличение нормы накопления признавалось материальной основой воспроизводства в текущем периоде, определяя возможность предотвращения циклических кризисов, неизбежно возникающих в капиталистической системе (по Дж. Кейнсу) и бесперебойность функционирования экономики, ее динамическое равновесие на любой стадии экономического цикла (по Р. Харроду и Э. Хансену). При этом именно государству надлежало контролировать динамику капиталовложений и ограничивать склонность к сбережениям преимущественно за счет установления соответствующей системы налогообложения и фиксирования нормы процента.

Таким образом, в фокусе внимания сторонников структурно-воспроизводственной группы подходов к структурной трансформации экономики находятся глубинные эндогенные процессы, меняющие все макроэкономические пропорции, такие как преобразование отношений собственности, углубление разделения и интеллектуализация труда, сетевизация и пр. Эти процессы более долгосрочные, они «вбирают в себя» различные поверхностные изменения и сдвиги в ней, поскольку глубокие изменения в воспроизводстве происходят постепенно, по мере накопления капитала и изменения его строения.

Вместе с тем, в рамках воспроизводственной группы подходов мы не видим единства относительно связи рыночных процессов и структурных изменений экономики. Так, неоклассическая школа содержит в себе идею подчиненности изменения макроэкономических пропорций особенностям протекания рыночных процессов, а кейнсианская – действующим моделям государственного вмешательства в экономику. Поэтому связь структурной трансформации экономики и ее нестабильности в рамках воспроизводственного подхода передается через кризисы перепроизводства и переинвестирования, отрыва финансового капитала от создаваемых средств производства, которые, в свою очередь, формируются в ходе долгосрочных структурных изменений в системе воспроизводства.

Мы полагаем, что в рамках исследования структурных причин макроэкономической нестабильности в российских условиях, ориентироваться

исключительно на воспроизводственные пропорции означало бы оставить без должного внимания технологическую и институциональную структуры, оказывающие непосредственное влияние на систему воспроизводства [190].

Секторально-отраслевая группа подходов объединяет ученых, исследующих трансформацию структуры экономики через изменение пропорций в секторальном и отраслевом строении национального хозяйства (К. Кларк [264] – трехсекторная модель, Д. Белл [260] и Р. Рейч [301] – пятисекторные модели, Э. Тоффлер [215] – теория доиндустриальной, индустриальной и постиндустриальной «волн», Д.К. Гэлбрейт [55] – модель экономики с корпоративно-плановым и предпринимательно-рыночным секторами, российские экономисты А.Г. Аганбегян [5], В.И. Данилов-Данильян [57], С.В. Любимцева [117], Г.Г. Фетисов [225], Ф.Н. Завьялов [68], В.К. Сенчагов [188, с. 318] и др.).

В трудах приведенных зарубежных авторов была развернута методология исследования процессов в секторальной структуре национальной экономики, которая эволюционирует в направлении перехода от первичного (доиндустриальный), ко вторичному (индустриальный), а затем и к третичному (постиндустриальный) секторам. Упомянутые выше российские авторы исследуют проблемы соотношения материальной и нематериальной сфер, реального и финансового секторов в структуре переходной экономики.

По мере усложнения экономических отношений, развития высоких технологий и расширяющихся масштабов непроизводственной сферы современными учеными предпринимаются все новые попытки классифицировать отраслевую структуру экономики. Так, В.К. Сенчагов и С.В. Любимцева структурную трансформацию национального хозяйства определяют необходимостью развития реального сектора (на основе роста передовых информационных технологий) и сокращения необоснованного роста спекулятивной.

Надо признать, что последовательное доминирование представленных секторов экономики является эволюционно оправданным, поскольку по мере роста душевого дохода и изменений в структуре потребительского спроса сначала

происходит удовлетворение потребностей в продуктах первичной экономики, затем – в промышленных товарах. Достигнув уровня насыщения в продукции первых двух секторов, формируется потребность и соответственно спрос на услуги. Однако преимущественное производство услуг в общем выпуске экономики не означает полного отказа от развития отраслей обрабатывающей промышленности, работающих в том числе на удовлетворение внутренних потребностей населения в продуктах материальной сферы. Так, Д. Белл, несмотря на наметившиеся тенденции в общественном производстве многих стран мира, настаивал на развитии индустриального сектора даже на постиндустриальном этапе с учетом технологических изменений и изменений структуры современных потребностей.

Многие современные руководители государств также понимают жизненно важную необходимость развития индустриального сектора в экономике. К слову, экс-президент США Д. Трамп признавая чрезмерную «финансиаризацию» национальной экономики, определил приоритет экономической политики в репатриации промышленного производства и инвестиций в его развитие (решоринг) [216].

Исследования особого места сырьевого сектора в структуре экономики представлены в трудах Т. Галфесена [280], Дж. Стейнса [308], Е. Сусловой, Н. Волчковой [309], М. Кордена, Дж. Ниэри [265], Р. Хаусманна, Дж. Хванга, Д. Родрика [281], С.М. Гуриева, А.С. Плеханова, К.И. Сони́на [54], Н.И. Сулова [202] и др. Ими определена необходимость сокращения доли сырьевого сектора, который заметно снижает потенциал национального хозяйства и неизбежно приводит к деградации обрабатывающей промышленности, что, как следствие, тормозит долгосрочный экономический рост. Г.Г. Фетисов, в свою очередь, отстаивал важность расширения и развития конкурентоспособного Т-сектора (отрасли, производящие торгуемый продукт, то есть продукцию и услуги, которые можно свободно экспортировать и импортировать) на основе государственного регулирования экономического развития в партнерстве с бизнесом. При этом доля М-сектора (сырьевой) и Н-сектора (отрасли, производящие неторгуемый продукт –

государственный сектор экономики, автодорожное, жилищно-коммунальное хозяйство, сфера услуг населению) должна быть существенно снижена.

Несомненно, подходы, в которых трансформация структуры экономики рассматривается через изменения секторально-отраслевых пропорций, являются весьма значимыми в рамках представленной проблематики. Особую актуальность преобразование секторально-отраслевой структуры приобретает и в российской экономике, учитывая сложившиеся в ее структуре диспропорции, усиливающиеся в периоды экономических спадов. Основные секторальные диспропорции включают в себя гипертрофированное развитие сырьевого комплекса и сферы обращения на фоне сокращения наукоемкой и высокотехнологичной сфер.

Таким образом, с позиции секторально-отраслевого подхода, структурная трансформация экономики представляет собой определенную последовательность структурных сдвигов различной направленности в воспроизводственной, отраслевой структуре, суммирующихся в изменении пропорций между секторами экономики, и проявляющихся в процессах ее цифровизации, сервисизации, финансиаризации, деиндустриализации. Связь данных структурно-трансформационных процессов с макроэкономической нестабильностью видится нам в трансляции неопределенности субъектов рынка, вызванных изменениями воспроизводственных пропорций, в мезо- и микроуровневые процессы – ценообразование, банкротства, инновации, слияния и поглощения. Это можно представить, как эффект «спилловер», при котором структурные изменения на макроуровне дают частные микроэкономические эффекты.

Вместе с тем, отраслевая структура определяется сложившимися отраслевым распределением инвестиций, используемыми технологиями, а потому ее трансформация всецело зависит от воспроизводственных, технологических и институциональных преобразований.

В соответствии с институциональным подходом структурная трансформация экономики определяется изменениями в ее институциональном строении при одновременном повышении качества формальных и неформальных институтов

(Д. Норт [145], О. Уильямсон [219], Л.А. Кривцун [101], Е.Г. Ясин [254], А.А. Гриценко [51], В.В. Дементьев [267] и др.).

В частности, Д. Норт руководствовался необходимостью увеличения институтов, действующих в интересах предпринимателей, которые, на его взгляд, являлись важнейшей предпосылкой к экономическому росту, а также снижения количества институтов, функционирующих в интересах и под влиянием сильных политических группировок, которые, в свою очередь, приводили к увеличению монопольной власти, финансовой дифференциации населения и росту трансакционных издержек. А.А. Гриценко трансформацию структуры экономики видел в необходимости выправления институциональных деформаций, в качестве которых рассматривал институциональную петлю (взаимосвязь между институтами, которая не позволяет этим институтам обеспечивать необходимые процессы), институциональный провал (изменение законодательной основы без изменений институционального каркаса) и институциональные пустоты (часть пространства, в котором отсутствуют институциональные учреждения, законы, правила и т.д.). М.В. Курбатова, С.Н. Левин [109] рассматривали проблемы взаимодействия российского государства и бизнеса на мезоуровне экономики.

В ряде работ (В.М. Полтерович [164], Е.В. Балацкий [15], Г.Б. Клейнер [85], М.Ю. Малкина [119] и др.) раскрывается термин «институциональные ловушки», описывающий институты, снижающие эффективность существующей институциональной структуры. Существование различных деформаций, провалов или ловушек в институциональном строении экономики, способствует олигархизации экономики, идущей, как правило, вразрез с общественными интересами, что, в конечном счете, препятствует повышению уровня благосостояния населения и обеспечению экономического роста в долгосрочной перспективе. В условиях низкой эффективности институтов в российской экономике, связанной с наличием таковых деформаций, безусловно, не менее актуальной задачей становится трансформация институциональной структуры. Однако проблема преобразования всей структуры российской экономики не может быть решена исключительно через трансформацию институтов и их взаимосвязей.

Изменение институционального «каркаса», повышение качества и эффективности институтов, ликвидация провалов должно стать отправной точкой структурной трансформации экономики.

В целом структурную трансформацию экономики в рамках институциональной экономической теории можно представить как смену институционального режима (под которым чаще всего понимают порядок принятия и применения норм и правил, принуждения к их исполнению) и изменения институциональной среды – самого комплекса норм и правил. Связь изменения институциональной структуры с макроэкономической нестабильностью мы видим в том, что новые институты оказывают неодинаковое воздействие на экономическую активность различных субъектов, усиливая информационную асимметрию. В результате дестабилизация экономики, начавшись с неопределенности и предпринимательских рисков на микроуровне, перерастает в мезо- и макроэкономическую, усиливаясь институциональными ловушками.

Технологическая группа подходов к структурной трансформации детерминирует ее темпами научно-технического прогресса, вследствие которых происходят серьезные изменения в технологическом базисе общества – Й. Шумпетер [245], Ж. Фурастье [230], К. Эрроу [249], П. Ромер, Х. Узава, Р.Э. Лукас [116] сторонники теории эволюционной экономики (Р.Р. Нельсон, С.Дж. Уинтер [143] и др.), теории «длинных волн» (Н.Д. Кондратьев [93]) и технологических укладов (С.Ю. Глазьев [41]), нео- и постиндустриальной экономики (М.И. Абузьярова [2], М.А. Гасанов [36] С.С. Губанов [53], В.Л. Иноземцев [76], О.С. Сухарев [208] и др.). В целом структурная трансформация представляется данными учеными как процесс последовательной смены технологически обусловленных «волн» или укладов, движимых инновационным процессом.

Наиболее ярко влияние смены поколений технологий на структуру экономики отражено в следующих концепциях и моделях:

– «созидательное разрушение» Й. Шумпетера – изменение в отраслевой структуре экономики под влиянием перетока капитала, вызванного инновациями, позволяющими снижать издержки;

– эволюционная экономика, предполагающая изменения в структуре предпринимательской деятельности под влиянием постоянного превращения новых идей в технологические и институциональные инновации, адаптации к ним различных субъектов экономики;

– «технологический детерминизм» Ж. Фурастье (глубокие секторальные и структурные изменения в форме перехода от индустриальной к постиндустриальной нематериально-производственной экономике, вызванные научно-техническим прогрессом, по мере которого экономический рост замедляется и стабилизируется);

– модель экономического роста Эрроу-Ромера – связывает постоянную модернизацию технологической структуры экономики на основе «перелива знаний» (межотраслевой диффузии технологий и непрерывного инновационного процесса – «обучения в процессе деятельности») и долгосрочный экономический рост в условиях совершенной конкуренции;

– модель экономического роста Узавы-Лукаса – отражает связь экономического роста в условиях совершенной конкуренции и накопления человеческого капитала в секторе образования – ключевой области создания новых технологий.

Проблема формирования прогрессивной технологической структуры для современной российской экономики стоит очень остро. В условиях сильнейшей деиндустриализации и деградации технологического базиса, начавшихся еще в период рыночных реформ, на фоне возникающих внешних шоков, многократно возрастают угрозы экономической безопасности и потери конкурентоспособности отечественной экономики не только на внешних, но и внутренних рынках. Угроза научно-технологической отсталости, с одной стороны, от развитых государств, с другой – от активно набирающих преимущества в мировой системе государств

Азиатско-тихоокеанского региона, признается в качестве наиболее опасной и в Стратегии экономической безопасности России [221].

В этой связи структурная трансформация экономики должна осуществляться на базе формирования национальных высокотехнологичных и технотронных, отвечающих мировым стандартам, производительных сил, что требует серьезных изменений в технологической структуре. На этот счет М.А. Гасанов справедливо замечает, что именно распространение передового технологического уклада обеспечивает структурную оптимизацию всех элементов экономики и устойчивое экономическое развитие [35, с. 112].

Таким образом, трансформация структуры экономики в рамках технологического подхода может быть представлена как чередование радикальных, сдвиговых технологических изменений и постепенной адаптации к ним отраслевых субъектов, а также отдельных воспроизводственных процессов – потребления, инвестирования, сбережения. Связь технологически обусловленного инновационного развития с макроэкономической нестабильностью заключается в том, что инновации вводят качественно новые требования к эффективности субъектов экономики, вызывая банкротство неэффективных фирм и перераспределение ресурсов в пользу инновационно активных субъектов, что вызывает отрицательный эффект «спилловер», дестабилизируя первоначально отдельные рынки, затем – всю национальную экономику, по мере снижения эффективности государственного регулирования в новых производственно-технологических условиях.

Вместе с тем, рассмотренные выше модели и концепции влияния технологических инноваций на структуру экономики и, в конечном итоге, на стабилизацию экономического роста, имеют одно важное ограничение. Они основаны на положении о достаточности самого наличия новых знаний и технологий для цепного изменения структурных пропорций в высоко конкурентной развитой рыночной экономике – от технологической структуры к отраслевой и далее – к секторальной, социальной. Однако в российских условиях низкой нормы накопления, высоких барьеров межотраслевого перетока капитала,

концентрации инвестиций в сырьевом секторе и зависимости от импорта высокотехнологичной продукции (п. 2.2 диссертации), наличие новых технологий само по себе не способно инициировать структурную трансформацию.

Изменения структуры экономики в разрезе ее уровней, групп и видов, а также связей между ними, наиболее значимых отраслей исследовались в рамках экономического структурализма (теория «полюсов роста» – наиболее динамичных отраслей – Ф. Перру [155], декомпозиционный подход Ж. Ломма [115], Р. Барра [18], современные российские авторы – П.А. Ореховский [151], О.Б. Кошовец [97], Э.Ф. Баранов [17]). Структурная трансформация связана с управляемыми комплексными изменениями макро- и мезоэкономических пропорций. Так, например, Ф. Перру определял изменение всей декомпозиции через изменение трех групп элементов: духа (межфирменные связи), формы (соотношений между формами собственности, пропорции отраслевого производства) и субстанции (уровень развития техники и технологий). Р. Барр, в свою очередь, представлял преобразование экономической структуры как изменение пропорций производственных видов деятельности (сельскохозяйственной, промышленной, торговой и финансовой) и секторов (капиталистического, докапиталистического или ремесленного и внекапиталистического или государственного). Что, в свою очередь, оказывало влияние на изменения в структуре распределения национального дохода по группам населения, а также соотношения экспорта и импорта. Для нас наиболее важным выводом сторонников структуралистской школы является выделение двух типов структурных изменений: краткосрочных – технологических, рыночно-отраслевых пропорций, и долгосрочных – в сфере отношений собственности, в системе воспроизводства. Долгосрочные структурные изменения приводят к смене доминирующих форм хозяйствования, с характерными радикальными изменениями в отраслевой структуре, со сменой главенствующих видов экономической деятельности. Мы полагаем краткосрочные структурные изменения локальными и поэтому вызывающими флуктуации мезо- и макроэкономических индикаторов на непродолжительном временном интервале, не связанном с периодом амортизации основного капитала или сменой поколений

техники. Напротив, долгосрочные структурные изменения являются системными, многоуровневыми и всеохватывающими. В результате возникают долгосрочные колебания занятости и доходов, ВВП и инвестиций, динамика которых более устойчива. Вместе с тем, в рамках структурно-декомпозиционной группы подходов не объясняется влияние на структуру экономики экономической основы технологических изменений – инвестиций, институтов, механизмов государственного регулирования экономики.

В целом, следует отметить, что большинство подходов определяют структурную трансформацию экономики с точки зрения изменения определенных видов макро- и мезоэкономических пропорций (секторальных, отраслевых, технологических, институциональных, воспроизводственных). При этом главной движущей силой структурных изменений рассматривается рынок. Анализ подходов к определению структурной трансформации экономики, представленных в таблице 1.1, показал постепенное смещение акцентов в понимании ее основы от изменения факторных и отраслевых пропорций производства к сдвигам в технологической структуре. В свою очередь, эволюция взглядов различных научных школ на макроэкономическую нестабильность движется от выделения ее эндогенных (неравновесие рынка, неопределенность инвесторов, оппортунизм) источников к экзогенным (научно-технический прогресс, технологии, знания). Мы видим это важной методологической предпосылкой нашего исследования, поскольку технологическая деградация российской экономики во многом послужила росту ее нестабильности на макроуровне (подробнее – в п.2.2).

Далее, в рамках большинства рассмотренных подходов изменения в структуре экономики рассматриваются автономно от макроэкономической нестабильности. Однако в период рыночных преобразований такая логика не оправдана, поскольку внешние и внутренние шоки переходного периода определяют не только характер структурной трансформации (в российской экономике – дегенеративный, более подробно – во 2-й главе диссертации), но и необходимость в становлении новых форм структурной политики, учитывающей высокий уровень макроэкономической нестабильности.

По нашему мнению, структурная трансформация подразумевает комплекс взаимосвязанных изменений макроэкономических пропорций и межэлементных связей в системе экономики, в конечном счете, приводящих к росту национальной конкурентоспособности, к повышению уровня благополучия за счет преодоления отрицательного структурного сдвига и негативной макроэкономической динамики. Следовательно, структурную трансформацию экономики нельзя рассматривать в отрыве от макроэкономической нестабильности, поскольку уменьшение последней органически связано с приведенными выше целями воздействия на структуру экономики. В связи с этим мы полагаем, что понимание структурной трансформации экономики не должно ограничиваться изменениями в воспроизводственной, технологической или отраслевой структуре. Не объясняют сложность, комплексность структурной трансформации, доминирующие в неоклассической школе идеи о подчиненности структурных изменений экономики рыночным процессам распределения ресурсов и доходов. Наряду с этим, одних технологических инноваций, на ведущую роль в структурных сдвигах которых полагаются сторонники теории постиндустриальной экономики, недостаточно без изменений в воспроизводственной системе. Поэтому мы присоединяемся к методологии кейнсианства в понимании ведущей роли изменений в структуре воспроизводства и структурализма в плане комплексной декомпозиции структуры экономики для выявления источников ее трансформации, определения приоритетов структурной политики. Нам также близки положения эволюционной экономической теории о сложном переплетении технологических факторов изменения структуры экономики. Вместе с тем, нам сложно согласиться с таким положением эволюционизма, как спонтанность технологических изменений в экономике, затрагивающих ее структуру.

Таким образом, анализ подходов к исследованию структурной трансформации экономики позволил типизировать их, взяв за основу связь с макроэкономической нестабильностью (подробнее – в п. 2.1 настоящей диссертации), и сформулировать авторский подход следующим образом (таблица 1.1).

Таблица 1.1 – Типизация подходов к анализу структурной трансформации экономики в контексте ее связи с макроэкономической нестабильностью

1 Группировка подходов к анализу структурной трансформации экономики	2 Понимание структурной трансформации экономики	3 Связь с макроэкономической нестабильностью
<p>Внешне-рыночная группа: – меркантилизм (Т. Ман, А. Де Монкретьен); – теория зависимого развития (С. Фуртадо, Ш. Беттельхейм, Р. Пребиш, Х. Зингер и др.)</p>	<p>Изменение структурных пропорций экспорта и импорта, выражающееся в импортозамещении или импортозависимости экономики</p>	<p>Адаптация экономики к нестабильности мирового рынка, имеющая регулируемый или стихийный характер</p>
<p>Структурно-воспроизводственная группа: – классическая и неоклассическая политэкономия (А. Смит, Д. Рикардо, А. Пигу, А. Маршалл и др.); – немецкая школа политэкономии (К. Маркс, Р. Гильфердинг и др.); – кейнсианство и неокейнсианство (Дж. Хикс, Р. Харрод, Э. Хансен, Е. Домар и др.).</p>	<p>Изменения в структуре факторов производства (классическая и неоклассическая политэкономия), в структуре производительных сил (немецкая школа), в структуре образования и накопления капитала (кейнсианство и неокейнсианство), вызванные действием рыночных сил</p>	<p>Нестабильность – результат нарушения рыночного равновесия на микро- и макроуровне и неопределенности будущих инвестиций: – классическая и неоклассическая школы ассоциировали нестабильность с краткосрочным неравновесием на микроуровне, усиливающимся при вмешательстве государства в экономику; – немецкая школа выделяла длительные колебания промышленного выпуска, кредита вследствие перепроизводства монополий; – кейнсианская трактовка нестабильности связана с мультиплицируемой изменчивостью инвестиций в условиях неопределенности – следствия постоянного нарушения макроэкономического равновесия.</p>
<p>Секторально-отраслевая группа: – секторальные модели структуры экономики (К. Кларк, Д. Белл, Р. Рейч и др.); – исследования структурной роли сырьевого сектора (Т. Галфесен, Дж. Стейнс, С.М. Гуриев, К.И. Сонин и др.).</p>	<p>Изменения межсекторных пропорций, суммирующие сдвиги в отраслевой структуре экономики в ходе изменения соотношения материальных и нематериальных производств</p>	<p>Нестабильность – микроуровневые флуктуации доходов, количества фирм, занятости, вызванные «отраслевой неопределенностью» – непредсказуемого эффекта от расширения нематериальных производств, внедрения динамично развивающихся технологий и цифровизации экономики.</p>

Продолжение таблицы 1.1

1	2	3
<p>Институциональный подход (Д. Норт, О. Уильямсон, В.М. Полтерович, Г.Б. Клейнер и др.)</p>	<p>Изменение институционального режима и институциональной среды</p>	<p>Нестабильность – проявление предпринимательских рисков и неопределенности рыночной экономики (следствия информационной асимметрии, ограниченной рациональности, оппортунистического поведения).</p>
<p>Технологическая группа: - теория «созидательного разрушения» Й. Шумпетера; - эволюционная экономика (Р.Р. Нельсон, С.Дж. Уинтер и др.); - технологический детерминизм (Ж. Фурастье); - теория технологических укладов и нео- и постиндустриальной экономики (С.Ю. Глазьев, С.С. Губанов, О.С. Сухарев и др.); - модели роста за счет накопления знаний и человеческого капитала в структуре экономики (К. Эрроу, П. Ромер, Х. Удзава, Р.Э. Лукас).</p>	<p>Изменения в отраслевой структуре экономики вследствие априорного стремления предпринимателей к инновациям (теория Й. Шумпетера), чередования радикальных технологических изменений и адаптации к ним отраслевых субъектов (эволюционная экономика, технологический детерминизм), постоянного воспроизводства знаний и накопления человеческого капитала, расширения нематериальной производств (постиндустриальная экономика, модели накопления и «перелива знаний»).</p>	<p>Нестабильность – колебания предпринимательской активности под влиянием научно-технического прогресса: – теория Й. Шумпетера – нестабильность вызвана колебаниями эффективности и банкротствами фирм на микроуровне вследствие появления новых комбинаций ресурсов в результате разного рода инноваций; – эволюционная экономика, технологический детерминизм – нестабильность обусловлена колебаниями выпуска, инвестиций на макроуровне под влиянием научно-технического прогресса, накопления знаний.</p>
<p>Экономический структурализм: - теория «полосов роста» (Ф. Перру); - декомпозиционный подход (Ж. Ломм, Р. Барт, П.А. Ореховский, Э.Ф. Баранов и др.).</p>	<p>Долгосрочные комплексные изменения макроэкономических пропорций, инициируемые в отраслях «полосах роста», противопоставляемые краткосрочным локальным изменениям (технологическим, рыночным)</p>	<p>Нестабильность рассматривается как мезоуровневые шоки отраслевых инвестиций, спроса и предložения, занятости, цен в результате развития одних видов хозяйственной деятельности и депривации других</p>

Продолжение таблицы 1.1

1	2	3
<p>Структурная трансформация экономики в рамках существующих подходов рассматривается с точки зрения количественных изменений определенных видов макро- и мезоэкономических пропорций под влиянием рыночных сил, автономно от макроэкономической нестабильности, вне связи с развитием отношений в системе воспроизводства материального и человеческого капитала, развития связей государства и бизнеса, играющих особую роль в условиях рыночных преобразований.</p> <p>В свою очередь, существующие подходы к анализу макроэкономической нестабильности связывают ее с рыночными явлениями: неравновесием, монополизацией, оппортунистическим поведением, неопределенным эффектом от появления новых технологий, рассматривая ее автономно от изменения структуры экономики (межотраслевого и межсекторного перераспределения факторов производства, изменения отраслевых пропорций создания добавленной стоимости, накопления капитала и пр.).</p>		
<p>Авторский подход структурной трансформации экономики раскрывает ее обобщенную связь с макроэкономической нестабильностью</p>	<p>Комплекс количественных и качественных изменений макроэкономических пропорций и экономических отношений в процессе становления более прогрессивных форм хозяйствования, неотделимый от их целенаправленного государственного регулирования</p>	<p>Макроэкономическая нестабильность – волатильность макропоказателей, вызванная рыночными (неравновесие, неопределенность, оппортунизм) и структурными (изменение пропорций использования факторов производства, накопления и потребления, создания добавленной стоимости, технологической модернизации) процессами, воздействующая при этом на структурную трансформацию экономики через создание негативных условий для перераспределения ресурсов и трансфера технологий (обобщенная связь).</p>

Источник: разработано автором

Под структурной трансформацией экономики будем понимать комплекс количественных (макро- и мезоэкономические пропорции) и качественных (эффективность использования факторов производства, появление новых технологий и институтов, новых субъектов) изменений, вызванных преобразованием экономических отношений в процессе становления более прогрессивных форм хозяйствования и целенаправленного государственного регулирования. В отличие от распространенного понимания структурного сдвига (радикальное изменение мезо- и макроэкономических пропорций под влиянием рыночных сил), трансформация структуры экономики органически связана со структурной политикой.

Структурная трансформация состоит с макроэкономической нестабильностью в обоюдной связи причинно-следственного характера [82]. Обоюдность здесь проявляется в том, что структурная трансформация экономики служит и источником макроэкономической нестабильности, и средством ее сокращения; при этом сама нестабильность в значительной мере определяет характер структурной трансформации. Оба этих макроэкономических феномена есть части явления более высокого уровня – экономического развития, которое невозможно без изменения структуры и определенной дестабилизации. Изменения макроэкономических пропорций вызывают возмущения в деятельности субъектов рынка, меняя сложившийся порядок распределения факторов производства, отраслевых пропорций создания добавленной стоимости. А структурная трансформация есть ответ на присущую рыночной экономике нестабильность – сдерживающий, стабилизирующий (если структурная трансформации имеет регулируемый характер) и дестабилизирующий (если трансформационные процессы в структуре экономики происходят стихийно и проявляются деградационно).

Запаздывание процессов изменения всего социально-экономического устройства в российских реалиях макроэкономической нестабильности требует анализа принципов и факторов структурной трансформации экономики.

1.2 Принципиальная основа и типология структурной трансформации экономики

Необходимость анализа принципов структурной трансформации экономики обусловлена потребностью в критериях для разграничения ее различных типов, по-разному связанных с макроэкономической нестабильностью. Между тем, принципы трансформации структуры экономики в трудах как зарубежных, так и отечественных ученых, в целом, следует признать недостаточно проработанными, а в отдельных случаях – малопригодными для современных российских условий. Во многом мы связываем это с преобладанием идей обусловленности структурных изменений в экономике экзогенными силами – научно-техническим прогрессом, глобализацией, экономической конвергенцией, государственной политикой.

Говоря об общеметодологических принципах анализа структуры экономики, следует отметить, прежде всего, принципы кооперации отдельных субъектов, замещения факторов производства при убывании их отдачи А. Маршалла [126], принципы структурирования экономики, основанные на приоритете анализа воспроизводственных процессов и экономических отношений собственности, данные К. Марксом [125], принцип сравнения экономических процессов разных стран без идеализации отдельных из них Ф. Листа [114]. Мы используем данные принципы в качестве ориентиров для анализа принципов структурной трансформации экономики, содержащихся в трудах представителей ведущих школ экономической науки, а также при разработке наших авторских принципов.

Впервые попытка разработать основные принципы изменения структуры экономики была предпринята меркантилистами, которые во главу угла ставили приоритет государственного воздействия на структуру международной торговли с целью сохранения положительного сальдо платежного баланса.

Принципиальные основы регулирования структурных изменений в экономике, заложенные меркантилистами, нашли свое продолжение в трудах

представителей камералистской теории (И. Юсти [252]), которые, во-первых, возвели в принцип защиту национальной экономики от иностранной конкуренции путем государственной политики протекционизма, приоритетом которой признавалось развитие промышленного сектора в структуре национальной экономики.

Позже представители теории зависимого развития (т.н. депендентизм – Р. Пребиш, Ф. Кардозо [95]) в рамках общей политики государственного регулирования экономики обосновывали принцип доминирования в структуре экономики отраслей, ориентированных на экспорт, которые, по их мнению, способствуют утечке капитала и ресурсов за рубеж, ослабляя национальную экономику и повышая ее импортозависимость.

Таким образом, меркантилистские принципы структурной трансформации экономики, подхваченные позже депендентизмом, сводятся ко всемерному расширению доли национальной промышленности (в том числе посредством государственного вмешательства), работающей на внутренний рынок, сдерживания оттока капитала, невзирая на темпы его воспроизводства внутри страны. Несмотря на все преимущества импортозамещения, если оно происходит в виде наращивания участия экономики страны в глобальных производственных цепочках [90], эти принципы не могут быть актуальными для российской экономики, поскольку отход от международного трансфера технологий усиливает технологическую отсталость и сдерживает рост производительности труда.

Сторонники классической политической экономии (А. Смит, Д. Рикардо, Ж.Б. Сэй [209]) представили принципы изменения структуры экономики, основанные на приоритете рыночных сил в формировании общеэкономических пропорций, на невмешательстве государства в процессы межотраслевого распределения ресурсов, структурирования экспорта и импорта. Однако социально-экономические процессы позднекапиталистической формации, например, регулирование научно-технологического развития, социализация частной собственности и доходов крупнейших корпораций, не вписываются в идеологию раннего либерализма. Так, Дж. Стиглиц на этот счет заявлял, что «...я

не настолько глуп, чтобы поверить в то, что рынок сам по себе способен решить все социальные проблемы. Неравенство, безработица, загрязнение окружающей среды непреодолимы без активного государственного участия» [307, р. 22].

Кроме того, наиболее важным упущением представителей классической школы было и то, что они, стремясь к полному использованию сравнительных преимуществ национальной экономики в международной торговле, отстаивали принцип ее полной либерализации, усматривая, что рынок во всем остальном справится самостоятельно. Однако, либерализация внешней торговли в период перехода российской экономики к рыночной форме хозяйствования, по мнению В.К. Сенчагова, усугубила структурные проблемы, закрепила за Россией статус периферийного государства [189].

Представители неоклассического направления достаточно узко подходили к исследуемому вопросу, ограничиваясь принципом выстраивания эффективных государственных и политических институтов и определением значимости монетаристских методов для уравнивания рынков – основной, по их мнению, движущей силы структурных преобразований. Монетаристы, в частности, принципиальную основу структурной трансформации видели в воздействии на всю систему воспроизводства, занятость, факторные доходы через регулирование денежного обращения и денежного рынка. При этом принципиально важным монетаристская теория считает противодействие роста бюджетного дефицита. По мнению М. Фридмана, источник экономической нестабильности связан не с присущей рынку энтропией, а с неэффективной макрополитикой [229].

Фактически трансформация отечественной экономики, осуществляемая в 1990-х годах, была основана на применении радикально-рыночных принципов, с копированием структурных пропорций США и стран Западной Европы (с высокой долей сферы обращения и финансового сектора, низкой долей госинвестиций), вызвавших, как впоследствии показала практика, стихийный характер структурных изменений, породивший глубокий структурный кризис. Сторонники либерально-рыночной доктрины в российской экономике (Е.Т. Гайдар [34], А.А. Илларионов [72] и др.) отстаивали начавшуюся в 1990-х гг. структурную трансформацию на

основе полной либерализации ценообразования и внешней торговли, а также повсеместной приватизации государственного имущества.

Кроме того, активно отстаивались и принципы школы монетаризма, главный из которых – приоритет стабилизации денежного обращения и кредита как ключевое рыночное условие позитивного структурного сдвига. В частности, Е.Т. Гайдар был убежден в том, что поддержание стабильно низких темпов роста денежного предложения и бюджетного дефицита с целью достижения финансовой стабилизации в 1990-х годах, так и не были реализованы в полной мере, что не позволило, на его взгляд, в то время запустить механизм структурного преобразования российской экономики. Однако, по замечанию В.А. Мау [127, с. 21], монетарные принципы регулирования могут лишь купировать кризис, не допустив его развертывание, но сами по себе не способны обеспечить структурную трансформацию и достичь стабильного экономического роста.

В отличие от представителей либеральных теорий, сторонники кейнсианства подходили к исследуемому вопросу, отстаивая необходимость дополнения рыночного механизма мерами государственного регулирования. В качестве принципиальной основы структурной трансформации кейнсианцами были предложены: отказ от абсолютизации рыночного механизма структурных изменений, использование прямых инструментов, как государственные инвестиции и партнерство с частным бизнесом, а также стимулирование роста потребительских расходов.

Однако в традиционном кейнсианском понимании, изменение структуры экономики не связано с развитием научно-технологической сферы, созданием с этой целью необходимой инфраструктуры за счет государственных средств. В российских условиях технологической деградации и нестабильности промышленного производства процессы деиндустриализации продолжают набирать обороты. На фоне волатильности цен на кредитные ресурсы и спада инвестиций при высоком износе основных фондов, проблема дефицита капитальных вложений в отрасли обрабатывающей промышленности остается по-прежнему первоочередной для нашей страны. Мы однозначно полагаем, что в

условиях российской действительности у бюджетных методов стимулирования структурного преобразования экономики есть свои ограничители, поэтому требуется сложный комплекс мер, не привязанных исключительно к денежно-кредитным или налогово-бюджетным принципам, характерным для кейнсианства.

В российской экономической среде родоначальниками управляемого перехода к рыночной системе и, соответственно, к формированию структуры экономики на основе эндогенных факторов выступали такие известные экономисты, как И.И. Харланов, И.В. Нит, П.А. Медведев [131]. Основываясь, главным образом, на принципах кейнсианского регулирования, ученые отстаивали постепенную адаптацию к рынку на основе широкого государственного вмешательства в воспроизводственные процессы, поддержку и развитие инфраструктурного сектора (принцип градуализма в осуществлении таких системных преобразований, как структурная трансформация экономики).

Сегодня последовательные изменения в структуре экономики передовых стран также происходят планомерно, растягиваясь на десятилетия, и под сильным воздействием государства (а также ряда надгосударственных образований, таких как Еврокомиссия). Вместе с тем, в основу государственной экономической политики ряда промышленно развитых государств положены традиционные принципы, отвечающие либерально-рыночной доктрине. К основным из них В.Б. Супян [201] относит создание условий для развития предпринимательской деятельности, благоприятного инвестиционного климата, сокращение доли государственной собственности, которая представлена в основном в стратегически важных и социально значимых отраслях экономики (атомная энергетика, производственная инфраструктура, здравоохранение, образование).

Однако достичь высоких темпов социально-экономического развития, высокого технологического уровня производительных сил, уровня и качества жизни населения и, в целом, инициировать структурную трансформацию экономики, адаптируя ее к вызовам XXI-го в., развитым странам помогли не столько и не только либеральные принципы.

Во-первых, при осуществлении политики либерализации во главу угла были поставлены такие цели, как повышение конкурентоспособности отечественных товаропроизводителей, защита их интересов на внутреннем и внешнем рынках, что требует долгосрочных структурных изменений.

Во-вторых, следует отметить, что в 1980-х гг. в Западной Европе произошла волна приватизации с целью повышения эффективности отраслей инфраструктуры (включая железные дороги, электроэнергетику), в результате чего отдача от них возросла, равно как и технологический уровень. Однако при этом европейская приватизация носила планомерный программируемый характер; при этом в отраслях естественных монополий и телекоммуникаций до конца 1990-х доля государства достигала двух третей.

В-третьих, в отличие от стран с развитой рыночной экономикой, в России макроэкономическая нестабильность вызвана не только имманентной рынку неопределенностью, а структурными проблемами реформирования экономики, не нашедшими решения как в период стихийного перехода к рынку, так и по мере нарастания доли государства в экономике. Поэтому прямое использование принципов структурных преобразований, накопленных за рубежом, затруднено спецификой российской экономики, в том числе ее структурно-обусловленной нестабильностью.

Черты координируемой государством экономики, наряду с либерально-рыночными принципами, европейская структурная политика сочетает в себе уже достаточно давно. Как отмечает С.С. Дзарасов [62, с. 73], Германия, Франция, Дания прибегают к координации экономики через нерыночные связи. Целевым ориентиром в такой экономике становится повышение значимости обмена информацией и сотрудничество корпораций вместо их конкуренции, ускорение межотраслевого и межсекторного трансфера технологий, что вызывает постепенные, а не радикальные, изменения структуры экономики, снижая опасность ее дестабилизации на макроуровне.

Таким образом, сбалансированное применение неоклассических и кейнсианских принципов структурной трансформации экономики в передовых

странах Европы и Северной Америки, наряду с отчетливо видимым сегодня протекционистским вектором развития государственного воздействия на экономику, ознаменовало их масштабное индустриальное (сегодня – постиндустриальное) развитие. В странах т.н. «азиатского экономического чуда», включая КНР, применяется система индикативного планирования, которая также эффективно сочетает в себе преимущества централизованного и децентрализованного регулирования, демонстрируя убедительные успехи в структурном преобразовании национального хозяйства и достижении высокого уровня макроэкономической стабильности и позитивной динамики.

Напротив, в российской экономике неудачи в проведении структурной политики, оторванной от ее воспроизводственных основ и императива технологической модернизации, дестабилизировали макроэкономическую динамику (что раскрыто более подробно во второй главе диссертации).

Е.Г. Ясин [254], Р.М. Нуреев [146, 147], В.М. Полтерович [162], О.С. Сухарев [204] отстаивают приоритет институциональных принципов трансформации структуры. В частности, В.М. Полтерович к наиболее важным из них относит следующие: принцип последовательного развития институтов власти и бизнеса, а также культуры их взаимодействия и увеличения взаимного доверия; формирование системы институтов научно-технологического развития, координацию их действий; принцип иерархического планирования деятельности институтов.

О.С. Сухарев отстаивает принцип систематических институциональных коррекций с целью противодействия институциональным схемам, ослабляющим перераспределение внутреннего и внешнего рынков в пользу иностранных компаний. Е.Г. Ясин, в свою очередь, концентрирует внимание на необходимости «выращивания» институтов на основе следующих принципов: последовательного и комплексного характера институциональных изменений (как формальных, так и неформальных институтов); комплементарности институтов; обеспечения превосходства сил поддержки институциональных реформ над силами противодействия; адекватного финансирования институциональных изменений.

Все представленные институциональные принципы, безусловно, имеют особенно значимый характер для реализации их в российских условиях структурной трансформации, учитывая низкое качество и эффективность существующих в России институтов при наличии значительных институциональных деформаций, ограничивающих возможности структурного преобразования. Вместе с тем, без должного внимания ученые оставляют такие аспекты регулирования структурной трансформации, как институциональное обеспечение межотраслевого перетока ресурсов в высокотехнологичные отрасли, создание институциональных условий ускоренного воспроизводства человеческого капитала.

Подводя итог вышесказанному, следует отметить, что на данный момент принципы структурной трансформации, успешно реализуемые в передовых зарубежных странах, не находят успешного применения в российской экономике. В свою очередь, отечественные экономические стратегии не имеют в своей основе четко скоординированных принципов и инструментов, выстроенных в соответствии с целями и задачами развития в области инвестиций, инноваций, развития человеческого капитала [42]. На это накладывается бедность принципов структурной трансформации реформируемой экономики, позволяющих реализовать ее макростабилизирующий характер в современной экономической теории.

Поэтому мы предложили ряд авторских принципов структурной трансформации экономики, учитывающих достижения научных экономических школ, но акцентирующих внимание на обусловленности макроэкономической нестабильности структурной трансформацией экономики. Мы полагаем, что более полное понимание структурной трансформации экономики можно получить через ее типологию, которая, в свою очередь, должна базироваться на принципах, связывающих ее с нестабильностью.

В условиях фактического противопоставления друг другу кейнсианских, протекционистских и либерально-рыночных принципов регулирования, роль государства определяется как комплексное, многоуровневое целенаправленное

воздействие, прежде всего, на воспроизводственные пропорции, запускающее механизм трансформации всей структуры целиком. В этой связи целесообразно представить ряд задач, стоящих перед государством, раскрывающих принцип структуро-трансформирующей роли государства в экономике:

- расширение инвестиционного потенциала инновационного развития базовых отраслей на основе новейших технологий;
- развитие экономических отношений в воспроизводственной системе, стимулирование организации государственно-частного партнерства, особенно в наиболее чувствительных к директивному вмешательству отраслях высоких технологий;
- государственное программирование смены технологических укладов;
- совершенствование институциональной основы ускорения воспроизводства капитала до уровня технологически передовых стран;
- формирование устойчивой социальной группы, деятельность которой связана с постоянной и всеохватывающей инноватикой; экспансия данной группы с отрасли IT-технологий на базовые отрасли промышленности, в сферу государственного и общественного управления.

Помимо принципа структуро-трансформирующей роли государства в экономике, фундаментальную основу структурной трансформации российской экономики в условиях макроэкономической нестабильности должен составлять принцип обоюдной связи структурной трансформации и макроэкономической нестабильности, которые, будучи двумя частями одного явления более высокого порядка – экономического развития, находятся между собой в неразрывной причинно-следственной связи и при этом взаимно исключают друг друга. Их взаимный переход проявляется в том, что любой структурный сдвиг (как форма структурной трансформации, вне зависимости от того, позитивный он или негативный) порождает определенную нестабильность на макроуровне экономики; и наоборот, макроэкономическая нестабильность провоцирует изменение структурных пропорций в ходе перераспределения ресурсов и перетока капитала

(позитивные в случае управляемой трансформации и негативные в случае стихийной).

К другим принципам структурной трансформации экономики мы относим:

– принцип долгосрочной управляемой макростабилизации (антирецессивный), который обусловлен взаимным влиянием структурной трансформации и макростабилизации, и представляет собой воздействие трансформационных процессов как на сокращение самой нестабильности в протекании основных макроэкономических процессов (автономные и индуцированные инвестиции, распределение факторных доходов, ценообразование, создание совокупных спроса и предложения и пр.), так и факторов, вызывающих дестабилизационные процессы в экономике. Данный принцип имеет смысл при условии управляемого характера структурной трансформации экономики, когда комплексные изменения структуры обеспечивают долгосрочные воспроизводственные основы стабилизации, связанные с ускорением накопления капитала, с повышением производительности труда и технологической модернизацией промышленности, с расширением участия экономики страны в глобальных цепочках создания стоимости – как препятствие трансляции внешних шоков в экономику. Именно реализация данного принципа структурной трансформации связана с обеспечением выхода из рецессии, которой неизбежно предшествуют внешние или внутренние шоки;

– принцип долгосрочной дестабилизации на макроуровне (рецессивный), связанный со стихийным характером структурной трансформации в условиях рыночных реформ, когда структурная политика проводится непоследовательно, без должного институционального обеспечения и в угоду интересов узких заинтересованных групп. В данном принципе проявляется связь между такими негативными сторонами неуправляемой структурной трансформации, как замедление обновления и старение основного капитала, деградация человеческого капитала, недостаток автономных инвестиций, «отвечающих» за модернизацию производства, монополизация экономики. В результате снижение производительности труда и рост издержек, нарастание скрытой безработицы,

снижение национальной конкурентоспособности и сокращение места национальной экономики в глобальных цепочках производства добавленной стоимости (процессы, лежащие в основе макроэкономической нестабильности) обретают структурный характер и не могут быть преодолены ни в ходе использования монетаристских инструментов (процентные ставки, нормы резервов и пр.), ни за счет кейнсианских «встроенных стабилизаторов» (налоги, субсидии, дотации и пр.);

– принцип общности целей структурной и антирецессивной (макростабилизационной) политики, который подразумевает определение приоритетов для снятия ограничений с целенаправленного развития определенных отраслей и секторов экономики, перетока капитала между ними, перераспределения инновационных, инвестиционных льгот (цели структурной политики). Это, в свою очередь, корреспондирует с приоритетами повышения создаваемой в стране добавленной стоимости и стабильного роста инвестиционного и потребительского спроса, увеличения числа предпринимательских фирм и рабочих мест, повышения инвестиционной привлекательности реального сектора по сравнению с финансовым, а в нем самом – обрабатывающих производств, сдерживания инфляции и обеспечения доступности кредита (цели макростабилизационной политики). Проведение управляемой структурной трансформации, таким образом, означает целенаправленное осуществление ряда позитивных сдвигов в различных видах структуры национальной экономики (воспроизводственной, секторальной, отраслевой, рыночной, социальной), которые снижают подверженность экономики внутренним и внешним шокам (сверх волатильности цен, процентных ставок и курсов валют, спроса и предложения на товарных и финансовом рынках, притока инвестиций и создания рабочих мест);

– принцип инициирования структурной трансформации экономики в ее воспроизводственной системе, которая в цепочке создания добавленной стоимости – от инвестирования и выпуска средств производства до промежуточной и потребительской продукции – играет ключевую роль в кругообороте капитала,

ресурсов и доходов. Следовательно, от пропорций финансового, промышленного и человеческого капитала зависит эффективность использования ресурсов, производительность труда, уровень издержек и цен – параметров макроэкономической (не)стабильности. А в условиях угрозы потери российской экономикой технологической идентичности, окончательного отставания в уровне социально-экономического развития от передовых государств мира вследствие консервации реликтовых технологических укладов и увеличении доли доиндустриального сектора, нельзя говорить только о трансформации технологической и секторально-отраслевой структур, которая не наступит без необходимых воспроизводственных, институциональных, рыночно-конкурентных условий.

Взяв за основу проделанный в п. 1.1 анализ подходов к исследованию структурной трансформации экономики, а также выделенные выше принципы, мы разработали ее типологию, базируясь на ее связи с макроэкономической нестабильностью. Элементами данной типологии являются критерии, типы, источники [193].

Авторская типология структурной трансформации экономики, в совокупности ее принципов, критериев и источников, представлена в таблице 1.2.

Таблица 1.2 – Типология структурной трансформации экономики

Элементы типологии	Типы структурной трансформации экономики	
	Макростабилизирующий	Макродестабилизирующий
1	2	3
Принципы структурной трансформации		
Обоюдная связь структурной трансформации и макроэкономической нестабильности	Допущение первоначальной дестабилизации и краткосрочного спада вследствие изменения структуры экономики	Невозможность стабилизации и избежания рецессии в долгосрочном периоде
Структуро-трансформирующая роль государства	Государство – партнер высокотехнологичного и обрабатывающего бизнеса	Государство – монетарный регулятор экономики и собственник предприятий
Общность целей структурной и макростабилизационной политики	Принятие целей и задач структурной трансформации за отправную точку политики макроэкономической стабилизации роста	Концентрация на краткосрочном сглаживании кризисных процессов, вызванных внешними шоками

Продолжение таблицы 1.2

1	2	3
Иницирующая роль воспроизводства	Акцент государства на ускорении обновления основного капитала, притоке технологически связанных инвестиций	Акцент на сферах обращения и распределения (государственные резервы, помощь госбанкам, сборе налогов)
Управляемая макростабилизация в ходе регулируемой структурной трансформации	Достижение целей макроэкономической стабилизации за счет позитивных структурных сдвигов	–
Стихийная дестабилизация в ходе спонтанной структурной трансформации	–	Дальнейшее усиление макроэкономической нестабильности вследствие углубления структурных проблем
Критерии типизации структурной трансформации		
Характер влияния структурной трансформации экономики на процесс ее дестабилизации	Краткосрочная дестабилизация в результате структурных сдвигов с последующим снижением подверженности экономики внутренним и внешним шокам	Длительная дестабилизация и рецессия в результате конъюнктурно-обусловленных структурных изменений деградиационного характера
Необратимость структурной трансформации экономики	Преодоление инерции структурных проблем экономики	Закрепление структурных диспропорций и технологическая деградация экономики
Обратное влияние макроэкономической нестабильности на структурную трансформацию экономики	Рост деловой активности в частном секторе с повышением эффективности использования государством инструментов макростабилизации	Стагнация частного сектора и снижение эффективности макростабилизационных действий государства
Институциональное обеспечение структурной трансформации	Имплементация целей структурной трансформации в стратегических документах по социально-экономическому развитию	Деинституционализация структурной политики
Влияние структурной трансформации экономики на стабилизацию социальных процессов	Рост личных доходов вследствие радикального повышения производительности труда	Падение личных доходов и качества жизни вследствие снижения производительности труда
Источники типизации структурной трансформации		
Экономические отношения собственности	Государственно-частное партнерство в высокотехнологичном и обрабатывающем секторах	Экспансия госсобственности со снижением эффективности инвестиций
Рыночные связи между субъектами экономики	Рост числа конкурентоспособных субъектов рынка, удлиняющих цепочки производства добавленной стоимости в стране	Усиление монополий госкорпораций, наряду со снижением их технологического уровня

Продолжение таблицы 1.2

1	2	3
Институты структурной политики	Стратегическое и программно-целевое обеспечение регулирования макро-и мезоэкономических пропорций	Игнорирование целей структурной трансформации в макростабилизационных программах
Инвестиционные связи в национальной инновационной системе	Инновационная модернизация базовых отраслей, рост автономных инвестиций	Технологическая примитивизация промышленности, рост индуцированных инвестиций
Накопление капитала и распределение фондов в экономике	Ускорение обновления средств производства, рост нормы накопления, увеличение доли частных инвестиций	Снижение нормы накопления и «старение» средств производства, рост доли низкоквалифицированного труда

Источник: разработано автором

В качестве критериев типологии структурной трансформации экономики, в соответствии с предметом диссертационного исследования, нами были использованы следующие:

– характер влияния всего комплекса изменений в структуре экономики на процесс дестабилизации экономических процессов на макроуровне. В соответствии с предложенным нами принципом обоюдной связи, прогрессивные структурные сдвиги – как составляющая структурной трансформации экономики, – сопровождающиеся расширением сектора высокотехнологичного нематериального производства, ростом доли автономных инвестиций, экспансией инновационно-активных социальных групп, способны дестабилизировать экономику на макроуровне, но на непродолжительный период. Это обусловлено тем, что перераспределение материальных, инвестиционных, трудовых ресурсов порождает определенную энтропию в предпринимательской среде, но при этом и меняет место национальной экономики в мировых цепочках производства добавленной стоимости. В дальнейшем, по мере того как положительные структурные сдвиги проявляются в росте производительности и добавленной стоимости, в улучшении инновационной и деловой инфраструктуры, в технологической модернизации экономики, структурные источники макроэкономической дестабилизации (стагнация инвестиций, банкротства предпринимательских фирм, рост инфляции издержек, подверженность внешним

рыночным шокам) значительно сокращаются. Напротив, в соответствии с принципом долгосрочной дестабилизации экономики при структурных изменениях деградиационного характера, сопровождающихся нарастанием технологической примитивизации промышленного выпуска, сокращением несырьевого экспорта, действие макродестабилизирующих факторов усиливается;

– необратимость процессов структурной трансформации экономики, которые могут завершиться позитивным структурным сдвигом, качественно усложняющим связи между субъектами экономики, удлиняющим цепочки производства добавленной стоимости, в котором преодолевается инерция старой структуры, благодаря эффективной структурной политике государства (в соответствии с принципом ее структуро-трансформирующей роли). В этом случае необратимые прогрессивные изменения структуры экономики устраняют возможность ее дестабилизации в текущих условиях, так как возврат к старым пропорциям с ухудшением макроэкономических процессов становится невозможен. Напротив, стихийно протекающие структурные изменения, со временем образуя трансформацию структуры деградиационного характера, усиливают ее инерцию и снижают эффективность предпринимаемых государством мер по стабилизации экономики на макроуровне [64];

– обратное влияние макроэкономической нестабильности на протекание структурной трансформации экономики. В соответствии с принципом долгосрочной дестабилизации, в случае негативного характера структурной трансформации экономики ослабляется действие регулирующих мер государства по исправлению структурных перекосов. Так, рост инфляции, сокращение платежеспособного спроса, инвестиций, промышленного производства, рост доли бедного населения – все это заставляет государство применять меры сиюминутного, конъюнктурного характера (контроль над ценами и тарифами, перераспределение промышленных субсидий, поддержка убыточных компаний), которые идут вразрез с долгосрочными мерами структурной политики. Напротив, выход на новый уровень темпов роста выпуска, доходов, инвестиций в результате позитивных структурных сдвигов создает основу дальнейших изменений в

структуре экономики, обусловленных ускорением научно-технического и общественно-экономического прогресса (в соответствии с принципами регулируемой макростабилизации и общности целей структурной и макростабилизационной политики);

– институциональное обеспечение структурной трансформации, которое заключается в учете ее связи с макроэкономической нестабильностью в программных и регулирующих государственных документах по структурной политике (стратегиях, целевых программах, законах, приказах министерств – в соответствии с принципом общности целей структурной и макростабилизационной политики). Эти формальные институты, соответственно, должны отражать обоюдность связи структурных изменений экономики и макроэкономической нестабильности, и выстраивать соответствующим образом комплекс долгосрочных и краткосрочных мер;

– влияние структурной трансформации на стабилизацию социальных процессов, которое заключается в трансмиссии изменений в социальной структуре экономики (они являются частью комплекса структурной трансформации и невозможны без изменения пропорций накопления капитала, межотраслевого распределения инвестиций и технологий, в соответствии с принципом инициирования структурной трансформации в воспроизводственной структуре) в такие процессы, как распределение факторных доходов, развитие частного предпринимательства, инфляция потребительских цен. Последние, в свою очередь, напрямую определяют стабильность соотношения различных социальных групп, уровня потребления, частных сбережений и инвестиций.

Источниками разграничения типов структурной трансформации экономики выступают экономические отношения, их разноплановость и множество форм проявления, которые определяют действие ее критериев.

Наконец, типы структурной трансформации экономики, определенные нами с учетом приведенных выше критериев и источников, следующие.

Первый тип – макростабилизирующая структурная трансформация, источниками которой являются:

– инвестиционные отношения в рамках государственно-частного партнерства в высокотехнологичном и обрабатывающем секторах (в соответствии с принципом структурно-управляемой макроэкономической стабилизации). К таким отношениям мы относим межсубъектные связи, в которых происходит накопление капитала, распределение и использование фондов, технологий, ноу-хау, формируются стимулы их инвестирования. При этом, с одной стороны, в данные отношения вовлечено государство, с другой – фирмы бизнеса, занятые в создании, диффузии и эффективном использовании новых технологий;

– развитие рыночной конкуренции в добывающих и обрабатывающих отраслях, рост числа субъектов рынка, способных удлинить цепочки производства добавленной стоимости, в том числе на международном уровне (в соответствии с принципом структурно-трансформирующей роли государства);

– институционализация структурной политики, стратегическое и программно-целевое обеспечение регулирования макро- и мезоэкономических пропорций (в соответствии с принципом общности структурных и стабилизационных целей);

– инновационная модернизация базовых отраслей; ускорение обновления средств производства, рост нормы накопления до уровня не менее 40%, обеспечивающего максимальные темпы экономического роста в первой половине 21-го века, увеличение доли частных инвестиций и высокотехнологичных рабочих мест (в соответствии с воспроизводственно-инициирующим принципом).

Реализация критериев макростабилизирующей структурной трансформации подразумевает: краткосрочную дестабилизацию в результате структурных сдвигов с последующим снижением подверженности экономики внутренним и внешним шокам совокупного спроса, цен на ресурсы, курсов валют и процентных ставок, торговых и технологических санкций (в соответствии с принципом обоюдной связи структурной трансформации и макроэкономической нестабильности); преодоление инерции структурных проблем экономики в ходе увеличения доли отраслей с высокой добавленной стоимостью, высокоэффективных конкурентоспособных субъектов рынка, перераспределения капитала между сырьевым и обрабатывающим секторами; рост деловой активности в частном

секторе за счет увеличения доли автономных и технологически связанных иностранных инвестиций, усложнение экспорта, что повышает эффективность использования государством традиционных макростабилизирующих инструментов (процентные ставки, налоговые льготы, субсидии, социальные выплаты); имплементация целей глубокой структурной трансформации в развитии формальных и неформальных институтов государства в экономике; рост личных доходов вследствие радикального повышения производительности труда.

Второй тип – макродестабилизирующая структурная трансформация. К ее источникам мы относим экспансию государственной собственности в промышленности со снижением эффективности инвестиций; усиление монопольной власти государственных или близких к государству холдинговых компаний, наряду со снижением технологического уровня производства и конкурентоспособности, сокращением добавленной стоимости; игнорирование целей и направлений структурной трансформации при формировании макростабилизационных программ; технологическая примитивизация промышленности; рост индуцированных инвестиций, снижение нормы накопления менее 25% и «старение» средств производства, рост доли средне- и низкоквалифицированного труда.

Действие критериев макродестабилизирующей структурной трансформации означает длительную дестабилизацию в результате стихийных структурных изменений, с усилением подверженности внутренним и внешним шокам, скачками инфляции, девальвации, волнами корпоративных дефолтов и банкротств; закрепление структурных диспропорций и снижение национальной конкурентоспособности, сокращение доли субъектов обрабатывающих отраслей на мировом рынке и доминирование добывающих отраслей в инвестициях; стагнация частнопредпринимательского сектора и снижение эффективности действий государства по стабилизации макроэкономических индикаторов; деинституционализация структурной политики; сокращение личных доходов и качества жизни вследствие снижения производительности труда.

1.3 Классификация факторов трансформации структуры экономики

Фактор структурной трансформации – совокупность движущих сил, оказывающих как прямое, так и опосредованное воздействие на изменение структуры экономики. В экономической науке на этот счет существует достаточное количество трудов, определяющих значимость тех или иных факторов в процессах изменения структуры экономики. Анализ наиболее полной совокупности данных факторов необходим для выделения из них тех, которые в наибольшей степени отражают влияние трансформации структуры экономики на ее нестабильность на макроуровне.

В частности, представители классической политической экономии (А. Смит, Д. Рикардо, Л. Вальрас [22, с. 527-540]) в качестве действующей трансформационной силы определяли свободный конкурентно-рыночный механизм, обеспечивающий наиболее эффективное и рациональное распределение ресурсов в воспроизводственной системе на базе внутренних экономических механизмов.

В условиях глобализации хозяйственных систем при современном развитии производительных сил и производственных отношений, рыночные факторы структурной трансформации национальной экономики, несомненно, представляются весьма важными. На начальном этапе российских рыночных реформ ключевое значение перехода к рынку для изменения воспроизводственной структуры экономики придавали Е.Т. Гайдар, С.С. Шаталин [33] и др., которые при строительстве новой структуры промышленности особое значение отводили таким рыночным факторам, как свободный перелив ресурсов, конкуренция, обеспеченность национальной экономики факторами производства, рынок труда и т.д. А. Березной [19], М. Клинова [88, с. 32, 43], С. Хаймер [232] в качестве ключевых рыночных факторов, определивших масштабную индустриализацию в развивающихся странах Азии, выделяли иностранные инвестиции ТНК.

Оппоненты либерально-рыночного подхода в качестве ключевого фактора изменения структуры экономики выделяют регулирующие действия государства. В частности, государственное регулирование внешней торговли как фактор структурной трансформации национальной экономики отстаивали меркантилисты, представители камералистской теории и теории зависимого развития.

Характерное увеличение роли государственных органов власти в условиях высокой нестабильности рыночной экономики признавалось и представителями кейнсианской школы экономической мысли. В российской научной среде представленную позицию разделяют С.С. Губанов [52], А.А. Амосов [12], Р.А. Кучуков [111], В.Т. Рязанов [179] и др. В частности, О.Г. Голиченко [45] видит государство в качестве стабилизационной силы, способной ликвидировать и смягчать «провалы» свободно-рыночного механизма.

В современных условиях интенсификации процессов структурной трансформации во всем мире, сопровождаемых высокой неравномерностью социально-экономического развития и общей неопределенностью, в качестве особенно важного фактора структурных изменений на национальном уровне все чаще выделяют государственную структурную политику (ассоциируемую с промышленной политикой в широком смысле). На эту тему высказываются авторитетные как зарубежные, так и отечественные ученые (Х. Пак (H. Park), К. Сагги (K. Saggi) [298], К. Варвик (K. Warwick) [314], Е.Г. Ясин [254], С.Д. Розмирович [200], В.К. Сенчагов [188], В.В. Пименов и А.В. Быстров [161], С.А. Толкачев [214] и др.).

Р. Харрод, Э. Хансен, Е. Домар, Дж. Хикс, а также Дж. Ст. Милль в качестве важнейшего фактора трансформации воспроизводственной структуры экономики признавали накопление капитала и инвестиции. Х.Б. Ченери [263] также определял инвестиционные ресурсы движущей силой структурных изменений, которые на первом этапе развития экономических систем должны максимально поглощаться для обеспечения выравнивания сбережений и нормы инвестирования, затем пополняться внешним притоком, а на третьей фазе – обеспечиваться за счет

оптимального перераспределения инвестиционных потоков, призванных обеспечить экспортную экспансию и импортозамещение.

Р. Лукас [291], Р. Солоу [305], Г. Мэнкью, Д. Ромер и Д. Уэйл [293], в свою очередь, широкомасштабные инвестиции в развитие человеческого капитала признавали определяющей основой накопления знаний. К основным формам инвестиций в человеческий капитал ученые относили вложения в развитие образования, здравоохранения, НИОКР, воспитание, профессиональную переподготовку кадров.

В современных научных публикациях учеными также поднимается вопрос о накоплении капитала и его инвестировании как важнейшего трансформационного фактора. Так, А.И. Буданов [26] высказывается о необходимости использования имеющегося избыточного сбережения для инвестиционных нужд экономики в целях изменения ее структуры. Л.П. Орленко, в свою очередь, «паралич внутреннего накопления» видит «одной из главных причин, заклинивших экономическое развитие страны» [152, с. 30].

Отметим, что именно инвестиции в научно-технологическое развитие в западных странах послужили серьезным толчком к структурному преобразованию национальной экономики. А.Г. Аганбегян на этот счет замечает, что повышение нормы инвестиций во все времена было основным условием запуска технологического обновления и структурной перестройки народного хозяйства [5, с. 60]. Так, длительное время в «новых индустриальных странах» Юго-Восточной Азии сохранялся положительный баланс инвестиций, а норма накопления оставалась одной из самых высоких в истории структурных преобразований (в 1990-2010 гг. – рост с 30% до 47% [78, с. 134]).

Ряд ученых в качестве наиболее значимого фактора структурной трансформации определяет научно-технический прогресс (НТП). Так, С. Кузнец [105] выделял прямую зависимость отраслевой структуры экономики от технологических инноваций. Й. Шумпетер, Н.Д. Кондратьев, П. Леон [289] и Л. Пазиннети [299], В.В. Дементьев [59] усматривали зависимость экономического развития от темпов научно-технических достижений. В частности, Й. Шумпетер

двигателем НТП признавал промышленную революцию, оказывающую структурообразующее действие на экономику.

В трудах С.Ю. Глазьева [39], В. Бетелина [20], Т.А. Селищевой [187] и Л.А. Кострюковой [96] научно-технический прогресс следствием которого становится распространение передовых технологических укладов, создание национальной инновационной системы также определяется в качестве наиболее важного фактора структурного преобразования экономики. В условиях структурной трансформации российской экономики неоспоримым обстоятельством является необходимость активации действия научно-технологического фактора. В результате технологической обструкции современное значение удельного веса высоко- и среднетехнологичных производств в структуре ВВП России не превышает 20%, что гораздо меньше показателей Германии (42,8 %), США (28,5 %), Китая (32,9 %) и Южной Кореи (46 %), а доля высокотехнологичной продукции российского производства оценивается в 0,1 %, что соответствует уровню Португалии и Чехии.

Роль инновационного фактора в структурном преобразовании национальной экономики подчёркивается в трудах Л. Козински [285], Н.И. Комкова [92], М.М. Бутаковой, О.Н. Соколовой [28], М.А. Гасанова [71] и др. Инновационный фактор, безусловно, является одним из ведущих факторов структурной трансформации экономики, определяя контуры дальнейшего развития и обеспечение стабильного роста. К настоящему времени в технологически передовых странах мира от 70 % до 85 % прироста национального дохода приходится на инновации и технологии, произведенные с использованием новейших знаний, управленческих и внедренческих решений.

П.П. Савиотти, У. Витт, Б. Лоусби и Дж. С. Меткаф [181] выделяют в качестве значимого фактора трансформации структуры современной экономики изменение структуры спроса и предложения, связывая его с ростом потребления и быстрой сменой потребительских предпочтений.

Ряд ученых в качестве наиболее важных факторов структурной трансформации на современном этапе определяют знаниевый и информационный.

Так, С.П. Земцов, В.М. Комаров [70] двигателем структурной трансформации видят создание в национальной экономике системы научной организации образовательной деятельности и экономики знаний. О.Ю. Красильников [98], Дж. Нейсбит [296] и К. Шваб [240], Л.Г. Мельник [132] отстаивают создание в экономике высокоэффективной информационной среды. Дж. Нейсбит в качестве наиболее важных информационных факторов структурной трансформации выделяет: возрастающую роль телекоммуникаций в принятии управленческих решений, увеличение значимости интеллектуальной собственности, рост значимости биотехнологий.

Довольно внушительная группа ученых в качестве ключевого фактора структурной трансформации отмечает институционально-правовой, связанный с необходимостью выстраивания новых и качественного преобразования старых как формальных, так и неформальных институтов при одновременном создании более эффективного правового поля.

В частности, структурная трансформация национальной экономики на основе заимствования институциональных принципов и отдельных институтов из передовых гражданских обществ отстаивается многими российскими учеными (Р.М. Нуреев [146], Г.А. Сатаров [186] и др.). Безусловно, в развитых странах накоплен значительный опыт создания и реформирования институтов преобразования структуры экономики. Например, институты частного-государственного партнерства созданы и эффективно функционируют в таких государствах, как США, Япония, Великобритания, Германия и в ряде других. Создание институциональной основы системы взаимодействия науки, бизнеса и власти в США стало одним из условий обеспечения их технологического лидерства. Институты содействия развитию человеческого капитала, инноваций успешно реализуются в Японии, Франции, Германии. Однако зачастую, как показывает практика, трансплантированные институты не приживаются в условиях национальной самобытности государств, а потому демонстрируют крайне низкую эффективность или вовсе оказываются бесполезными. Так, О.С. Сухарев [206] в качестве плохо приживаемых в российской среде институтов выделяет институт

партнерства государства и бизнеса, институт свободной и добросовестной конкуренции, а также институты предпринимательской и трудовой культуры.

Д. Аджемоглу, Д.А. Робинсон [8], Н.М. Плискевич [16] и Е.В. Балацкий [14] в качестве фактора, создающего благотворную основу для технологического обновления национального хозяйства, более рационального распределения ресурсов в обществе выделяют инклюзивные институты. Инклюзивные институты в отличие от экстрактивных, ориентированных на перераспределение дохода в пользу узкой группы правящей элиты, поддерживают вовлечение как можно большей части населения в экономически активное состояние при соблюдении гражданских прав и свобод (права на частную собственность, свобода выбора экономической деятельности, профессий, поддержание свободной конкуренции и т.д.). Мировой опыт наглядно демонстрирует, что высоких темпов экономического роста и уровня общественного благосостояния смогли достичь те государства, которым удалось в силу объективных или субъективных причин запустить процесс создания именно инклюзивных институтов.

Институционализация перехода России к цифровой экономике, в том числе в связи со становлением ее особой инвестиционной системы, рассмотрена М.Е. Коноваловой и О.Ю. Кузьминой [94]. Данные авторы настаивают на необходимости формирования новых финансовых институтов, отвечающих реалиям современной цифровой экономики. Однако в том виде, в котором в России сегодня существуют институты создания и распространения передовых технологических укладов, они вряд ли принципиально изменят ситуацию с деиндустриализацией российской экономики, а потому требуется их серьезное формирование [152, с. 31].

Немаловажное значение рядом ученых (А.Ю. Коковихиным, Т.А. Кансафаровой и Н. В. Шараповой [89], А. И. Татаркиным, О. А. Романовой, Н.Ю. Бухваловым [210]) отводится развитию институтов профессиональной подготовки кадров и, как следствие, структурным изменениям на рынке труда. На наш взгляд, формирование устойчивой социальной группы с высоким инновационным потенциалом, а также преобразование институтов рынка труда в

соответствии с современным уровнем технологизации промышленности, представляется важной задачей в условиях структурной трансформации российской экономики.

Ресурсно-сырьевой фактор структурной трансформации экономики рассмотрен в трудах Алена С. Линча (Allen C. Lynch) [292], К.А. Авдотьева [3], Л.М. Григорьева, С.М. Плаксина, М.Р. Салихова [49], Д.В. Трубицына [217]. При этом стоит заметить, что ресурсно-сырьевая обеспеченность российской экономики, в большей степени, трактуется учеными как сдерживающий фактор ее структурной трансформации.

В частности, Д.В. Трубицын высокую обеспеченность природными ресурсами определяет как фактор, препятствующий структурной трансформации российской экономики, приходя к выводу, что некоторая стесненность в ресурсах, в том числе и достигнутая искусственным путем, напротив, будет являться необходимым условием модернизации. К.А. Авдотьев также признавал сырьевой фактор причиной слабо-инновационного типа российской промышленности, унаследованный, впрочем, от СССР. Однако именно он, по мнению ученого, и определяет траекторию перспективного социально-экономического развития российской экономики.

Кроме уже описанных факторов, проведенный анализ позволил обнаружить достаточное количество работ, классифицирующих действующие силы структурной трансформации по различным основаниям. Так, например, И.Г. Морозова [138] выявила внешние и внутренние факторы динамики структуры общественного воспроизводства в условиях макроэкономической нестабильности. К внешним факторам, позитивно влияющим на обеспечение стабильного роста, ученый отнесла благоприятную ценовую конъюнктуру на мировых рынках сырьевых товаров, а также доступность внешних кредитных ресурсов; к внутренним – достаточную обеспеченность ресурсами и ускоренное развитие рыночных отношений. В число негативных внутренних факторов определила деиндустриализацию экономики, недостаточный уровень инвестиций, невысокую производительность труда и низкий уровень доходов населения. Однако, если с

представленными данным автором негативными факторами структурной трансформации, в целом, следует согласиться, то озвученные благоприятные должны быть подвергнуты большому сомнению в условиях современной действительности.

Анализ факторов структурной трансформации позволил выявить взаимную связь между структурными изменениями и макроэкономической нестабильностью, которая может проявлять себя в замедлении темпов экономического роста, демонстрируя впоследствии выход в отрицательную зону макроэкономической динамики, а также высоких рецессивных ожиданий на фоне устойчивых темпов деиндустриализации, причиной которой выступают накопленные последствия негативного структурного сдвига.

Периоды краткосрочного подъема в российской экономике, как правило, основывались на экстенсивных факторах, определяемых ростом сырьевых экспортных цен, и справедливо оценивались А.Г. Аганбегяном [4] как рост без развития. Так, например, наибольший вклад в рост промышленного производства России за период с 2005-2017 гг. вносил именно добывающий сектор, а темп роста обрабатывающего сектора не превышал и 90% от уровня 1991 года. Для ряда отраслей (производство машин, оборудования, текстильное, швейное производство и пр.) ситуация оказывалась еще хуже. В сравнении с советскими показателями современные российские значения свидетельствуют не иначе как о деиндустриализации национальной экономики. К слову, в период активной индустриализации СССР рост промышленного производства (118-124%) всецело определялся ростом именно обрабатывающей промышленности, который в среднем составлял 119-125% против 110-115% [140, с. 95] в сфере добычи полезных ископаемых.

В качестве ключевой стабилизационной основы при выходе в повышательную фазу цикла Ю.В. Яковцом, К.К. Колиным [253], И.Р. Курнышевой [110], в свою очередь, признается инновационное обновление экономики на основе научных открытий, значимых технологических разработок, с помощью реализуемых мер государственной поддержки.

Подводя итог исследованию факторов структурных изменений в экономике, следует отметить, что в силу динамично меняющихся условий функционирования национальных хозяйств, многие из представленных факторов как, например, благоприятная ценовая конъюнктура на мировых рынках сырьевых товаров, доступность внешних кредитных ресурсов, развитие рыночных отношений, трансфер технологий, теряют свою актуальность для современной российской экономики; другие же, напротив, еще более актуализируются (государственная структурная политика, рыночные факторы, инвестиционный, научно-технологический, знаниевый, институциональный факторы).

Помимо перечисленных выше, учитывая сложившиеся особенности функционирования национальной экономики и ее неустойчивые темпы роста, сменяющиеся и вовсе отрицательной динамикой, к известным факторам добавляются и новые, не являвшиеся предметом исследования научных трудов. В качестве таких факторов структурной трансформации мы предложили антирецессивный, неоиндустриальный, сетевой.

Антирецессивный фактор мы полагаем весьма важным для структурной трансформации российской экономики, поскольку, определяя взаимное влияние ее дестабилизации и негативных структурных изменений, отмечаем, что данный фактор сосредотачивает в себе целенаправленный, управляемый характер структурных изменений, противоположный энтропии рыночных сил, вызывающих стихийные процессы негативного структурного сдвига.

Действие данного фактора подразумевает влияние антирецессивных мер, стимулирующих активизацию деловой активности, на трансформацию структуры экономики. Такие меры, как регулирование процентных ставок, предоставление налоговых льгот бизнесу, поддержка малого предпринимательства, поддержка потребительского спроса должны сопровождать меры по перераспределению факторов производства, собственности, рыночной активности между секторами и отраслями экономики, ее технологической модернизации. Регулируемая структурная трансформация зависит от улучшения бизнес-климата.

Неоиндустриальный фактор структурной трансформации заключается в последовательном осуществлении трансформации структуры экономики, начиная с увеличения накопления и модернизации в базовых отраслях, и использованием их материальных и инвестиционных ресурсов для развития конкурентоспособного обрабатывающего и высокотехнологичного секторов. Роль сырьевого сектора в неоиндустриальном развитии экономики заключается в создании спроса на новые технологии, разрабатываемые в России, и инвестиционном обеспечении их трансфера. Более подробно роль сырьевого сектора в инновационном развитии экономики России рассмотрена С.А. Жиронкиным [67], Н.П. Ездиной, Е.Ю. Доценко, Е.В. Бурденко [66].

Сетевой фактор, во многом связанный с неоиндустриальным, подразумевает исследовательскую, инвестиционную и производственную кооперацию научных и образовательных организаций, фирм, бизнеса на бесцентричной основе. При этом важно отметить, что формирование сетевых рыночных структур должно стать органическим элементом структурной политики государства, что требует формирования соответствующего институционального обеспечения регулирования и поддержки децентрализованных форм научно-производственной кооперации (подробнее – в п. 3.2 настоящей диссертации). При этом важно отметить, что если на начальном этапе становление сетевой формы организации инвестирования инноваций и их коммерциализации возможен рост энтропии на рынке капитала за счет перераспределения инвестиционных ресурсов между интегрированными и сетевыми структурами, то по мере расширения доли последних неизбежен рост производительности добавленной стоимости в системе горизонтальных инвестиционно-инновационных межфирменных взаимодействий.

Подытоживая анализ принципов и факторов структурных преобразований экономики в условиях макроэкономической нестабильности, мы делаем следующий вывод. Связь данных принципов и факторов проявляется в тесной количественной и качественной связи комплексных изменений структуры экономики и ее дестабилизации на макроуровне. Макростабилизирующее и

дестабилизирующее действие факторов структурной трансформации экономики было определено автором и представлено в таблице 1.3.

Так, согласно принципу обоюдной связи структурной трансформации и макроэкономической нестабильности, последняя, хотя и неотъемлема от рыночных отношений как таковых, однако, связана с изменениями структуры экономики – не только количественно, но и качественно.

Например, рыночные реформы в России 1990-х гг. повлекли беспрецедентную дестабилизацию и волатильность на макроуровне, но также сформировали новое качество связей между субъектами экономики, которое определило кризисный характер дестабилизации в будущем (2008 г. – н.в.).

Это означает, что под действием различных приведенных выше факторов, принципы структурной трансформации могут воплотиться в экономической действительности по-разному, в результате чего результат воздействия структурной трансформации на макроэкономическую нестабильность может также быть различным.

Так, действие факторов государственного регулирования и институциональных изменений может реализовать принцип структуро-трансформирующей роли государства в форме последовательной серии позитивных структурных сдвигов, с усилением неоиндустриального фактора; и напротив – в дегенеративной форме, с примитивизацией структуры отраслей и экспорта, с ослаблением инновационно-технологического и знаниево-информационного факторов.

В результате принцип общности целей структурной и макростабилизационной политики будет нарушен, и реализуется принцип стихийной дестабилизации экономики.

Таблица 1.3 – Классификация факторов структурной трансформации экономики

Факторы	Макростабилизирующее действие	Макростабилизирующее действие
Внешнеэкономические	Расширение международного транфера инвестиций, технологий и научно-производственных кадров, усиление экспорта и импорт сырья	Ранее сформулированные факторы структурной трансформации
Ресурсно-сырьевые	Использование ресурсной обеспеченности для снижения издержек и увеличения доли благ с высокой добавленной стоимостью	Использование ресурсов для экспорта продукции с низкой добавленной стоимостью (доминирование сырья в структуре экспорта)
Рыночно-конкурентные	Формирование рыночно-конкурентной структуры экономики, соответствующей месту высокотехнологичных производств и инновационных стартапов в современной экономике, развитие системы защиты прав интеллектуальной собственности	Высокая степень монополизации ключевых отраслей экономики, несовершенство законодательной основы защиты интеллектуальной собственности, низкая правовая и судебная защита иностранных инвесторов
Государственно-регулирующие	Формирование структурной политики, отвечающей целям комплексной трансформации структуры экономики в соответствии с современными технологическими укладами	Изменение структуры собственности в угоду заинтересованным группам, проведение денежно-кредитной политики в интересах экспортеров сырья, рост природной ренты в факторных доходах
Инвестиционные	Соотношение государственных и частных инвестиций, норм накопления и потребления, затрат бизнеса на инновации и административные проверки, индуцированных и автономных инвестиций в пользу последних	Превышение сбережений над инвестициями, потребления над накоплением, экспорта капитала над импортом, государственных инфраструктурных инвестиций над технологически связанными иностранными, индуцированными инвестициями над автономными
Институциональные	Наличие эффективных институтов регулирования инвестиционных, технологических процессов в экономике, высокий уровень предпринимательской, инновационной активности, доверия к государству	Наличие институциональных «провалов» и «ловушек», высокий уровень бюрократизации экономики, низкое качество институтов развития, подрыв доверия населения к государству, низкая предпринимательская активность населения
Инновационно-технологические	Превышение спроса на новые технологии над спросом на материальные ресурсы, инновационных товаров над сырьем в экспорте, капитализации инновационных компаний над сырьевыми	Низкий спрос на новые технологии в целом, и отечественного производства в частности, превышение затрат на лоббирование интересов над затратами на инновации, превышение импорта технологий над собственными разработками
Знаниево-информационные	Превышение внедрения отечественных изобретений над импортом патентов, подготовки специалистов для высокотехнологичных отраслей над сырьевыми, спроса на высококвалифицированных специалистов над низкоквалифицированными	Существенные расходы по структуре потребностей в специалистах и сложившейся профессиональной структурой выпускников, снижение численности научно-исследовательского персонала, а также результативности научных открытий и разработок
Антирессивный	Факторы структурной трансформации, предложенные автором	Предложенные автором
Неоиндустриальный	Антирессивные меры как форма поддержки структурной трансформации экономики; оживление деловой активности и улучшение инвестиционного климата как условие регулируемой структурной трансформации	Антирессивное регулирование как форма перераспределения ресурсов между «группами интересов», стагнация деловой активности и ухудшение предпринимательского климата, сопровождающие стихийную трансформацию экономики
Сетевой	Использование ресурсной обеспеченности и инвестиционного потенциала добывающего сектора экономики для развития ее обрабатывающего и высокотехнологичного секторов	«Замыкание» инвестиционных потоков сырьевого сектора на добывающих отраслях, экспорт ресурсов и импорт обработанной продукции
	Рост производительности добавленной стоимости в системе горизонтальных инвестиционно-инновационных межфирменных взаимодействий	Краткосрочная дестабилизация инвестирования в ходе перераспределения инвестиционных ресурсов между интегрированными и сетевыми структурами

Источник: составлено автором

Далее, действие инвестиционного, рыночно-конкурентного, сырьевого факторов должно осуществляться в соответствии с принципом иницирующей роли воспроизводства в осуществлении структурной трансформации, что позволит активизировать сетевой фактор, и реализовать принцип управляемой макростабилизации в ходе регулируемой структурной трансформации экономики. Напротив, если объективные потребности экономики в ускорении воспроизводственных процессов будут проигнорированы, то ключевым фактором структурной трансформации будет субъективный, с характерным усилением макродестабилизации, что, в свою очередь, еще больше усложнит иницирование комплексных изменений структуры экономики.

Такую схему связей между принципами и факторами структурной трансформации можно применить к определению качественной связи последней с макроэкономической нестабильностью следующим образом – разделив ее на два типа:

1. Рыночно-индуцированная макроэкономическая нестабильность, достаточно изученная в экономической науке к настоящему моменту. Она обусловлена неопределенностью и энтропией, априори свойственной рынку, и включающая как микроуровневые флуктуации (спрос и предложение на ресурсы и готовый продукт, цены, нормы процента, ожидания потребителей и инвесторов), так и макроуровневые колебания, затрагивающие совокупный спрос и предложение, рынки факторов производства, экспорт и импорт. Детально анализ подходов к исследованию неопределенности, связанной с рынком, представлен в п. 2.1 диссертации.

2. Структурно-индуцированная макроэкономическая нестабильность – следствие соединения действия определенных факторов структурной трансформации экономики, порождающих дегенеративные структурные преобразования, искажающих пропорции вовлечения факторов производства и ресурсов в производство, вызывающих сужение технологической базы экономики и замедление воспроизводства, сокращение производительности труда. Кумулятивным проявлением данных негативных структурных процессов

выступает усиление волатильности макроэкономических показателей, закладывающих основу длительной рецессии – прямого следствия макродестабилизирующей структурной трансформации и ухудшения макроэкономических пропорций.

Первопричиной структурно-индуцированной макронестабильности выступает серия стихийных сдвигов в ключевых элементах структуры (к примеру, тотальной приватизации в результате радикальных рыночных преобразований, отказа от государственно-плановой модели воспроизводства), в условиях отсутствия структурной политики государства, направленной на исправление негативных структурных изменений. В результате последующие негативные сдвиги в отраслевой, технологической, социальной структуре порождают рецессию и трансляцию внешних шоков обратно – в структуру экономики – через высокую волатильность основных макроэкономических показателей. В итоге вся структурная политика государства становится неадекватной тем вызовам, которые возникают перед экономикой страны в меняющихся условиях, а антирецессивные и макростабилизационные меры не учитывают структурные причины дестабилизации экономики.

В этом заключается отличие структурно-индуцированной макроэкономической нестабильности от той, которая вызвана неопределенностью, свойственной рыночной экономике, поскольку последняя не провоцирует углубление новых структурных диспропорций. Напротив, структурно-индуцированная нестабильность выступает силой, ослабляющей действие важнейшего фактора структурной трансформации – антирецессивного.

В итоге анализа теоретических основ трансформации структуры экономики, предложенный в диссертации подход к ее исследованию в условиях макроэкономической нестабильности можно представить в следующем виде:

1. Структурная трансформация экономики, движимая объективными процессами (развитие экономических отношений в системе воспроизводства, распределение и использование факторов производства, создание и трансфер инноваций), в отличие от структурных сдвигов (ее формы), включает в себе

структурную политику государства, субъективные силы которой связаны с регулированием как макроэкономических пропорций, так и динамики. Это следует из обоюдной связи структурной трансформации и макроэкономической нестабильности, которые, находясь в причинно-следственной взаимосвязи, попеременно выступают стабилизирующе-дестабилизирующими силами, как применительно к структурным пропорциям в экономике, так и к ее динамике на макроуровне.

2. Типология структурной трансформации экономики должна учитывать ее связь с макроэкономической нестабильностью, поскольку эта связь отражает переход качественных изменений в экономике в количественные и наоборот, создавая, тем самым, целостную картину экономического развития. В основе такой типологии лежит разделение действия факторов структурной трансформации на макростабилизирующее и дестабилизирующее, в соответствии с определенными принципами и критериями.

3. Обоюдность связи структурной трансформации и макроэкономической нестабильности позволяет выделить две формы последней: рыночно- и структурно-индуцированную, которая является следствием макродестабилизирующей структурной трансформации экономики, и сама во многом затрудняет целенаправленные позитивные структурные изменения. В ней соединены высокая волатильность макроэкономических процессов и деградация их определяющих структурных пропорций.

Глава 2 Макроэкономическая нестабильность в системе структурной трансформации экономики

2.1 Макроэкономическая нестабильность в свете рыночной энтропии современной экономики

Нестабильность социально-экономической системы на макроуровне определяется таким ее состоянием, которое характеризуется постоянной изменчивостью, колебаниями макроэкономических показателей в той степени, в которой это выходит за рамки ожиданий общества и противоречит его интересам. С другой стороны, нестабильность – это форма взаимосвязей, протекающих процессов и явлений в экономике, которая противопоставляется стабильному и устойчивому состоянию.

Зачастую макроэкономическая нестабильность обусловлена циклическим характером экономического развития. Именно цикл, являясь динамической характеристикой и неотъемлемой чертой любой рыночной экономики, образует первопричину макроэкономической нестабильности. Нарушения макроэкономического равновесия проявляются в негативной динамике основных макроэкономических показателей. При этом, чем сильнее колебательный характер, тем сильнее спад макроэкономических показателей, провоцирующих состояние крайней нестабильности – рецессии, а впоследствии и самой острой фазы негативной макроэкономической динамики – стагнации.

С одной стороны, крайние формы проявления макроэкономической нестабильности в условиях отсутствия стабилизационной, антирецессивной силы обостряют имеющиеся у национальной экономики проблемы, предвещая наступление кризиса. С другой – наличие проблем воспроизводственного,

институционального характера на фоне возникающих внешних шоков, препятствуют выходу национальной экономики на траекторию стабильного роста.

На данный момент в российской и зарубежной научной экономической среде сложился определенный консенсус относительно неудовлетворительных перспектив экономического роста в России на ближайшие 3-5 лет и в перспективе до 2025 г. Разногласия имеют место лишь в оценках ежегодных темпов роста (от 0,5 до 1,5% с высокой вероятностью «околонулевой» или слабоотрицательной динамики), но, в целом, предел среднегодового роста ВВП к 2025 г. оценивается в 2,5%, а к 2030 г. – в 3,5%; инвестиций – в 5% и 10%, а ежегодный рост реальных денежных доходов населения – в 1,5% и 3,5% соответственно. Все это позволяет признать консенсус-оценку российского макроэкономического тренда как нестабильную.

Вместе с тем следует признать, отсутствие единого подхода к определению категории макроэкономической нестабильности в экономической науке, в том числе и крайних форм этого явления – рецессии и стагнации. В различных направлениях экономической мысли макроэкономическая нестабильность воспринимается исходя из научных установок и представлений, господствующих в рамках той или иной экономической школы, опираясь на различные причины и связь с экзогенными и/или эндогенными факторами макроэкономической динамики.

Так, в соответствии с классическим представлением (Л. Вальрас, Дж. Б. Кларк, А. Маршалл, В. Парето, К. Викселль [315] и др.), основанным на модели общего экономического равновесия, оценивающей развитие рыночной экономики как переход из одного равновесного состояния в другое, превосходящее первое по степени экономической эффективности, макроэкономическая нестабильность ассоциируется с неравновесностью, наблюдаемой вследствие ограничения свободы принятия решений экономическими агентами и создании искусственных преград для развития частной инициативы и конкуренции. Так, в теории Л. Вальраса макроэкономическая нестабильность определялась отклонениями рыночной цены от оптимальной, которая, балансируя спрос и

предложение, автоматически достигала в рыночной экономике равновесного состояния. А. Маршалл, в свою очередь, представлял макроэкономическую нестабильность как нарушение равновесия в объемах предлагаемой продукции на рынке.

Именно свободный, ничем не ограничиваемый рынок, признавался единственной силой, способной поддерживать стабильное, устойчивое состояние в экономике, обеспечивая ее дальнейшее функционирование.

В дальнейшем, в монетарной теории (Р. Дж. Хоутри [236], М. Фридмен [273]) регулирование экономического роста полагалось осуществлять исключительно через манипулирование процентными ставками, как ответ на изменения деловой активности, что ставит макроэкономическую нестабильность в разряд «ошибок» монетарной политики государства. Во многом понимание нестабильности как результата «ошибки» экономической политики присуще Ф. Кидлэнду и Э. Прескотту [288], рассматривавших налоговые связи государства и субъектов рынка в качестве важного фактора среднесрочных макроэкономических колебаний.

Иного мнения придерживались Р.М. Гудвин [276], Ч. Нельсон и Ч. Плоссер [297], доказывая взаимосвязь экономического роста (макроуровень) со сменой инвестиционных стратегий корпораций (мезоуровень экономики), а также влияния совокупного предложения на макроэкономическую динамику. В их трактовке попытки государства регулировать совокупное предложение при помощи манипуляций с процентными ставками обуславливают крайнюю фазу макроэкономической нестабильности – рецессию. Схожей позиции придерживаются Л. Мизес [133] и Ф. Хайек [261], рассматривая колебания макроэкономических показателей как следствие дисбалансов между общественным стремлением осуществлять сбережения и желанием государства стимулировать инвестиции.

Несмотря на различные позиции, связывающие экономический рост с монетарной политикой и с дисбалансами в сбережениях и инвестициях, возлагаемые надежды на способность рыночного саморегулирования

автоматически создать условия для макроэкономической стабилизации и обеспечить равновесный рост экономики не оправдались при рыночной трансформации в России в 1990-х гг., не представляется это возможным и на современном этапе развития национальных экономик. В частности, Ю.Д. Зельвенский [69], представляя макроэкономическую нестабильность как отсутствие равновесия, вместе с тем замечал, что у данного явления есть и иная сторона, ввиду противоречивости его пониманий, которая заключается в достижении разноплановых целей стабилизации, и невозможности их реализации одновременно.

То есть, в рамках неоклассической концепции достижение макроэкономического равновесия исследуется в заданных границах количественных изменений (при существующих институтах, на основе свободного экономического поведения индивида). Принимая во внимание неизменность основных параметров, такой подход не учитывает важной характеристики функционирования социально-экономической системы – изменения ее структуры (качественных параметров).

Кейнсианское понимание макроэкономической нестабильности (Дж. М. Кейнс, Дж. Хикс, Р. Харрод, Е. Домар) связано с состоянием неопределенности в национальной экономике, возникающим в результате совокупности внешних и внутренних факторов, которые невозможно достоверно спрогнозировать, а также оценить последствия каждого из них. В сущности, основная идея, высказанная сторонниками кейнсианства, сводится к тому, что некоторая степень неопределенности является неотъемлемой и характерной чертой любой рыночной экономики, глубина и протяженность которой может, в некотором роде, корректироваться управляющими действиями государственных органов власти.

В частности, Дж. М. Кейнс установил связь между макроэкономической нестабильностью и ее интегральной составляющей – инвестициями, которые зависят от потребительского и инвестиционного спроса. Так, сокращение совокупного спроса приводит к снижению инвестиционного интереса, запуская

механизм свертывания масштабов производственной деятельности в национальном хозяйстве, что обуславливает тем самым безработицу и способствует снижению национального дохода. Таким образом, по Дж. М. Кейнсу, макроэкономическая нестабильность в национальной экономике характеризуется отсутствием полной занятости, которая определяется не состоянием рынка труда, а уровнем совокупного выпуска.

Впоследствии Дж. Хикс развил идеи Дж. Кейнса о мультипликации расходов, в том числе государственных, выдвинув на место дестабилизирующего фактора мультипликатор инвестиций – индикатор, обратный предельной склонности к сбережению, и показывающий, насколько сильно колеблется национальный доход в результате небольших колебаний инвестиций. Соответственно избежать дестабилизирующих процессов в национальной экономике возможно через гибкое регулирование государственных расходов и стимулирование инвестирования сбережений.

Р. Харрод и Е. Домар дополнили теорию мультипликатора Дж. Кейнса и Дж. Хикса идеей акселератора экономического роста, который заключается в росте совокупного предложения вследствие роста спроса на инвестиции. Увеличение спроса на инвестиции, в свою очередь, зависит от увеличения доходов предпринимателей, которые они хотят инвестировать. Таким образом, согласно посткейнсианской концепции Харрода-Домара, экономический рост обеспечивается капиталоемкостью экономики, при условии, что она не будет ниже предельной склонности к сбережению; в противном случае, возникает спад основных макроэкономических показателей.

В этой связи для противодействия дестабилизирующим процессам в экономике посткейнсианцами предлагается регулирование государственных расходов, что обеспечит стимулирование потребления и процентных ставок (стимулирование инвестиций). Схожей идеи придерживается Э. Хансен [233] в своей инвестиционной теории циклов, представитель русского циклизма М.И. Туган-Барановский [218], отстаивающий идеи колебательного характера

инвестиций, и Т. Тевес [310], замечая связь денежного и товарного рынков с нормой процента.

Мы полагаем, что кейнсианские теории позволили связать воедино процессы создания, распределения и потребления национального дохода, образования сбережений и инвестирования в системе государственного регулирования национального воспроизводства. Ориентируясь на развитую рыночную экономику, с эффективными государственными расходами, расширенным предложением кредита, высоким уровнем потребления и частных инвестиций, а также развитыми институтами рынка и значимой ролью анализа рыночной информации в принятии инвестиционных решений, они справедливо связывают макроэкономическую нестабильность со снижением потребления на фоне роста денежных сбережений при одновременном сокращении инвестиций и госрасходов.

Вместе с тем, в российских условиях отсутствия эффективной институциональной структуры, формирования отраслевых приоритетов и стимулов инвестирования в угоду сырьевым группам интересов, макростабилизационные рекомендации сторонников кейнсианства недостаточно эффективны. Плодотворному действию инвестиционного мультипликатора мешает также глубокая деформированность производственной структуры российской экономики, провоцирующая технологическое отставание от передовых стран, и высокая доля государственных инвестиций с низкой эффективностью.

Макроэкономическая нестабильность в институциональной теории рассматривается с точки зрения неопределенности, образующей предпринимательские риски (Д. Норт, У.К. Митчелл [135], У.Дж. Самуэльс [185]). Состояние риска сторонники институциональной теории объясняют уровнем транзакционных издержек (функция неопределенности), присущих любой рыночной системе хозяйствования, обуславливающей неидеальность факторных рынков. В конечном счете, первопричина макроэкономической нестабильности в ее институциональной интерпретации кроется в нарушении институциональной модели равновесного состояния рынка, связывающей потребительский рынок, производителей и институты (формализованные нормы). Равновесию рынка, по

мнению сторонников институциональной теории, мешают оппортунистическое поведение, неполнота и асимметрия информации, ограниченная рациональность и порожденные ими транзакционные издержки.

Такой подход отражает преимущественно экзогенные факторы дестабилизации экономики, поскольку в рамках институциональной теории источники макроэкономической нестабильности следует искать не в экономических отношениях (объективных и несменяемых), а в институтах (субъективных и трансформируемых).

Й.А. Шумпетер и сторонники эволюционной экономики (Р.Р. Нельсон, С.Дж. Уинтер, С.Г. Кирдина [84], Г. Менш [294] и др.) также рассматривают взаимосвязь эндогенных (инвестиции, трудовые ресурсы, выпуск, прибыль) и экзогенных (главным образом, научно-технический прогресс) факторов дестабилизации экономики. Так, Й.А. Шумпетер признавал инвестирование во всякого рода инновации двигателем экономического роста; при этом дестабилизация, вызываемая радикальными изменениями эффективности разных фирм, подчинена идее «созидательного разрушения».

Это во многом соответствует модели экономического роста Р. Солоу [305], куда, кроме труда и капитала, внесены позитивные технологические изменения, выводящие НТП на роль ключевого фактора экономического роста («остаток Солоу»).

В отличие от неоклассической парадигмы, в эволюционной теории нарушение экономического равновесия, запускаемое технологическими инновациями, выступает одним из базисных условий процессов расширенного воспроизводства. Макроэкономическая нестабильность здесь скорее связывается с ухудшением межотраслевой конкуренции (за доступ к инновациям), которыми руководствуются фирмы различных отраслей в конкурентной борьбе и при взаимодействии с государством.

В исследованиях долгосрочных циклов (Н.Д. Кондратьев, С.Ю. Глазьев [40], Б.Н. Кузык, Ю.В. Яковец [107]), раскрывающих зависимости неравномерностей экономического роста, научно-технического прогресса и хозяйственных реформ,

приоритет также отдается экзогенным факторам макроэкономической динамики. В этом свете нестабильность предстает как макроэкономическое следствие перемены преобладающих технологических укладов, то есть, по сути, отражает структурные сдвиги, инициирующие «длинные волны».

Сторонники теорий постиндустриальной экономики (Д. Белл, Р. Рейч и др.) и информационной экономики (Ф. Уэбстер [222], Н. Штер [243] и др.) рассматривают нестабильность как микроуровневое явление, связанное с колебаниями доходов, занятости, числа предпринимательских фирм в ходе замещения традиционных материальных ресурсов новыми – информацией, знаниями. Непредсказуемость потребительских предпочтений и потребности в ресурсах, дестабилизирующая предпринимательскую деятельность, была ассоциирована с «отраслевой неопределенностью» – непредсказуемостью будущей эффективности традиционных технологий в условиях быстрого инновационного развития и информатизации.

Мезоуровневая трактовка нестабильности была дана сторонниками теории «полюсов роста» и структурализма (Ф. Перру, Ж. Ломмом, Р. Барром), согласно которым нестабильность на макроуровне экономики вызвана депривацией хозяйственной деятельности в отдельных отраслях вследствие неадекватной государственной политики.

Подытоживая анализ подходов к определению макроэкономической нестабильности, можно сделать следующие выводы.

Во-первых, в понимании неоклассики и кейнсианства нестабильность проистекает из рыночного неравновесия на микро- и макроуровне, и связана с колебаниями спроса и предложения на отдельных рынках, в том числе факторных – денег, капитала. В таком понимании нестабильность вызвана эндогенными факторами (спрос, предложение, инвестиции и пр.) и носит краткосрочный характер и «гасится» либо самим рынком, либо государством. При этом, с точки зрения французских структуралистов, неадекватная экономическая политика может дестабилизировать выпуск и занятость в целых отраслях, провоцируя тем самым значительные конъюнктурные скачки на макроуровне.

Во-вторых, макроэкономическая нестабильность как следствие неопределенности, присущей рынку (неполной непредсказуемости цен, спроса, инвестиций, действий субъектов рынка и государства) рассматривается сторонниками институциональной теории. С позиций шумпетерианства, теории эволюционной и постиндустриальной экономики, неопределенность связана с непредсказуемым воздействием внедрения новых технологий, накопления знаний на предпринимательский сектор (экзогенные силы), то есть предстает как явление, имманентное научно-техническому прогрессу (НТП).

Важно отметить, что в рамках рассмотренных подходов нестабильность предстает как краткосрочное саморегулируемое явление, которое имманентно рынку и НТП, не связано с изменениями в структуре воспроизводства и создания добавленной стоимости, использования факторов производства, и не оказывает, в свою очередь, на них влияния.

Мы согласны с тем, что в условиях развитой рыночной экономики механизмы саморегуляции рынка и общественной самоорганизации способны обеспечить быстрое восстановление экономики, в которой последовательно происходят положительные структурные сдвиги. Вместе с тем, в российской экономике в период рыночных реформ серия отрицательных структурных сдвигов привела к деградации предпринимательства и технологической зависимости промышленности, к замедлению воспроизводственных процессов. Это препятствует реализации рыночной саморегуляции макроэкономической нестабильности, которая сама по себе затрудняет инициирование положительных структурных сдвигов, перераспределяя ресурсы предпринимательства в пользу грюндерства, добычи полезных ископаемых, финансовых спекуляций.

Принимая во внимание вышесказанное, мы рассматриваем макроэкономическую нестабильность как волатильность макроэкономических показателей, вызванную сочетанием эндогенных (неравновесие рынка, монополии, оппортунизм) и экзогенных (научно-технический прогресс, санкции и эмбарго) сил. Эти силы, дестабилизирующие макроэкономические индикаторы (ВВП, занятость, инвестиции, темп инфляции и пр.) имеют как рыночную

(конъюнктурную, микроэкономическую), так и структурную (макроэкономическую) природу, т.е. формируют краткосрочную или долгосрочную дестабилизацию. При этом в результате дегенеративной трансформации структура экономики усиливает дестабилизацию за счет внешних шоков (технологическое отставание, политика и прочие источники шоков).

Обоюдная связь макроэкономической нестабильности и структурной трансформации экономики заключается в том, что первая оказывает воздействие на вторую через образование негативных условий для межотраслевого перераспределения инвестиций и рабочей силы, развития воспроизводственных процессов и технологической модернизации.

В данном контексте рыночно-индуцированная макроэкономическая нестабильность обусловлена отсутствием постоянного равновесия макроэкономических процессов и наличием рыночной неопределенности, обусловленных сложным переплетением объективных и субъективных факторов. Однако такая нестабильность непродолжительна, поскольку ей противодействуют как рыночные механизмы перераспределения ресурсов и вовлечения факторов производства, так и стабилизационные действия государства. Критериями рыночно-индуцированной нестабильности выступают ограниченный период волатильности макропоказателей и незначительное негативное влияние на процессы структурной трансформации экономики через перераспределение ресурсов и сдерживание технологической модернизации. Границы такой макронестабильности определены силой рыночных флуктуаций и эффективностью стабилизационной политики государства.

Напротив, структурно-индуцированная макронестабильность действует продолжительное время, поскольку вызывающие ее структурные диспропорции формируются и преодолеваются в течение длительной структурной трансформации, занимающей подчас десятилетия. Критерии структурно-индуцированной макронестабильности включают в себя длительный период высокой волатильности и создание негативных условий для структурной трансформации экономики в виде перераспределения ресурсов в пользу

спекулятивной и низкотехнологичной сфер. Границы нестабильности в этом случае связаны с макроэкономическими последствиями отрицательных структурных сдвигов – падением эффективности инвестиций, стагфляцией, зависимостью от мирового рынка сырья и технологий.

То есть мы рассматриваем структурно-индуцированную макроэкономическую нестабильность как подверженность экономики высокой волатильности основных индикаторов в течение длительного времени, за которое возможности для структурной трансформации в позитивном ключе сокращаются. Вместе с тем, мы отделяем ее от понятия длинных волн – долгосрочных колебаний (таких как циклы Кондратьева), поскольку они вызваны именно чередой структурных сдвигов разной направленности под влиянием прогрессивных технологических изменений.

Согласно предложенному нами принципу обоюдной связи, и рыночно, и структурно-индуцированная нестабильность взаимно проникают друг в друга. Их связь объясняется тем, что рынок накапливает определенные условия структурной трансформации (цены, процентные ставки, мотивы инвесторов и пр.), которые усиливаются или ослабляются проводимой государством структурной политикой.

В свою очередь, в российской экономике структурные диспропорции в большей степени вызваны не рынком, а государством, его невниманием к проблемам деиндустриализации. Отсюда и макроэкономическая нестабильность имеет преимущественно структурную обусловленность.

Поэтому для российской экономики наиболее актуальной, на наш взгляд, задачей является не просто преодоление нестабильной динамики основных макроэкономических показателей (что может произойти в случае благоприятной внешнеэкономической конъюнктуры и постепенной отмены санкций, и будет иметь непродолжительный эффект), а преодоление более глубинных причин макродестабилизации, которые кроются в имеющихся проблемах структуры воспроизводства, рынка, социальной сферы, институтов.

Мы объясняем это высокой волатильностью макроэкономических показателей в российской экономике, которая проявляется в сменяющих друг друга

периодах роста и сокращения макроэкономической нестабильности (таблицы 2.1-2.2, 2.4.-2.5, рисунок 2.1).

Из анализа данных рисунка 2.1 следует, что периоды наиболее радикальной дестабилизации экономики в 1991-1994, 1998-1999, 2008-2009, 2014-2016 гг. были вызваны структурными причинами, и отрицательное воздействие углубляющихся структурных пропорций на стабильность макроэкономических показателей кумулятивно нарастает.

«Шоковый» переход к рынку в 1991-1995 гг. определялся действием эндогенных факторов структурного характера – массовой приватизацией и разгосударствлением, сокращением инвестиций и появлением новых социальных групп – и сопровождался радикальной дестабилизацией – ежегодным спадом ВВП до 20%, гиперинфляцией, падением занятости, коллапсом доходов.

Впоследствии в 1995-1997 гг. период радикальной дестабилизации сменился определенным замедлением инфляции и падения ВВП, фондовооруженности и производительности труда, вызванных завершением первой волны приватизации и установлением новой структуры собственности. Однако переток большей части денег на рынок госдолга, неплатежи и бюджетный дефицит, рост доли спекулятивного капитала в структуре инвестиций повлекли дестабилизацию экономики на макроуровне, сопровождавшуюся дефолтом государства 1998 г., с быстрым падением ВВП, доходов, инвестиций, массовыми банкротствами фирм и банков. Восстановительный рост 1999-2001 гг. также усилил волатильность макропоказателей, но не в виде рецессивных трендов 1990-х гг., а в виде последефолтного «оздоровления» и восстановительного роста ВВП, доходов, инвестиций и фондовооруженности.

В период действия экзогенных факторов исключительно благоприятной внешней конъюнктуры 2002-2007 гг. волатильность экономики снизилась, однако рост производительности труда, отмеченный в 2002 г., сменился сокращением в отсутствие позитивного структурного сдвига. Новые «всплески» макронестабильности в 2008-2009 гг. и 2013-2015 гг. были вызваны трансляцией внешних шоков в экономику (экзогенным фактором) при ухудшении структуры.

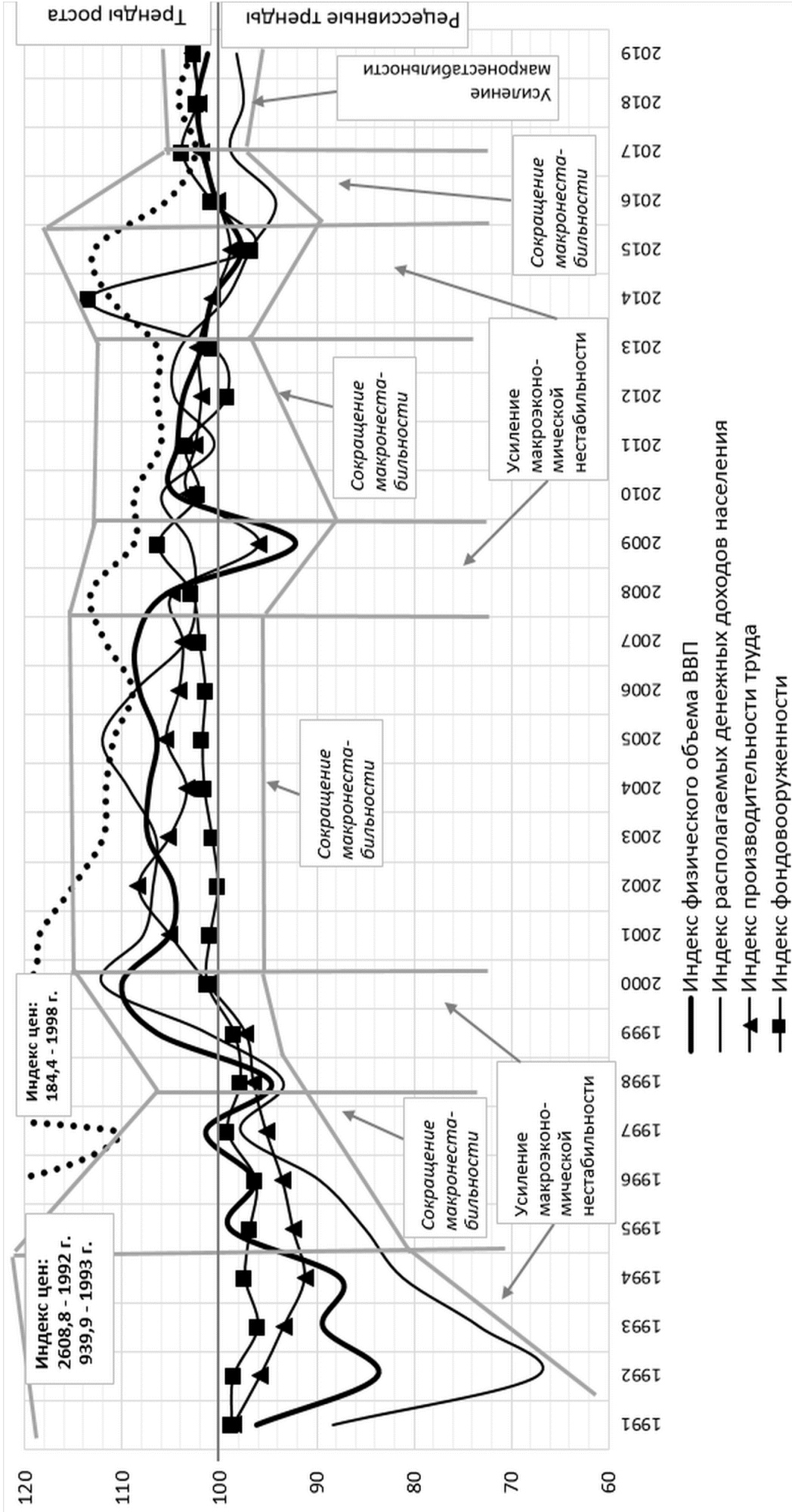

Рисунок 2.1 – Макроэкономическая нестабильность в российской экономике

Источник: построено автором на основе данных [223]

В дальнейшем возникли предпосылки новой дестабилизации экономики с 2017 г., с падением располагаемых доходов населения, производительности труда, т.е. с углублением структурных проблем деиндустриального характера. Таким образом, тренд отрицательной макроэкономической динамики в России фиксируется на всем протяжении рыночных реформ. Так, радикальный 40%-й спад ВВП в 1992-1994 гг. сменился слабоотрицательной или «околонулевой» динамикой физического объема ВВП России, наблюдаемой в 1996-1998 годах, затем положительный тренд был восстановлен вплоть до 2008 г. Однако за период 2010-2019 гг. вновь наблюдалось сокращение индекса физического объема ВВП в среднем со 104% (2010-2012 гг.) до 97,7-101,8% (2013-2018 гг.) (таблица 2.1).

Таблица 2.1 – Индекс физического объема ВВП России за 1996-2019 гг., %

Годы											
1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007
96,4	101,4	94,7	106,4	110,0	105,1	104,7	107,3	107,2	106,4	108,2	108,5
Годы											
2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
105,2	92,2	104,5	104,3	103,7	101,8	100,7	97,7	100,3	101,6	102,3	101,3

Источник: составлено автором по данным [223]

Аналогичная тенденция характерна и для реальных располагаемых денежных доходов населения, которые после краткосрочного роста в 2008-2011 гг. (105,9-100,5%) сменили себя отрицательным трендом, наблюдаемым и по сей день (таблица 2.2). Примечательно, что снижение уровня денежных доходов населения происходит при относительно небольших колебаниях уровня безработицы, имевшей понижающую тенденцию с 2010 г. (таблица 2.3).

Таблица 2.2 – Динамика располагаемых денежных доходов населения Российской Федерации за ряд лет, % к предыдущему году

Годы												
1995	2000	2005	2008	2009	2010	2011	2013	2015	2016	2017	2018	2019
85,0	112,0	112,0	102,4	103,0	105,9	100,5	104,0	96,8	94,2	98,8	99,3	98,2

Источник: составлено автором по данным [223]

Таблица 2.3 – Уровень безработицы в Российской Федерации за ряд лет, %

Годы														
1995	2000	2005	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2014	2015	2016	2017	2018	2019
9,5	9,8	7,1	5,7	7,0	8,4	7,3	6,5	5,5	5,2	5,6	5,5	5,0	4,7	4,6

Источник: составлено автором по данным [223]

По оценкам Национального бюро экономических исследований США [316] умеренный спад ВВП на уровне менее 1%, реальных располагаемых доходов до 2%, негативные колебания активности фондового рынка и розничной торговли до 3%, занятости до 0,6-0,8% позволяют говорить скорее о депрессии, чем о кризисе.

По мнению В.Е. Маневича [123], сокращение ключевых макроэкономических показателей происходит на фоне снижения предельной производительности факторов производства в течение нескольких лет – как следствие роста износа средств производства, снижения фондовооруженности и производительности труда. С точки зрения представленных В.Е. Маневичем причин, о наличии макроэкономической нестабильности в российской экономике свидетельствует неустойчивая динамика производительности труда, в отдельные годы, достигающая отметки в 95,9% и 98,9% (таблица 2.4); увеличивающаяся степень износа основных фондов на фоне неустойчивых темпов обновления основного капитала – 90,7-103,5% за 2008-2019 гг. и как следствие довольно низких индексов фондовооруженности, сменяющихся периодически отрицательной динамикой (таблица 2.5). В результате экономика России входит в длительную фазу «околонулевого» роста, как следствие, теряя свои позиции на международных рынках.

Таблица 2.4 – Индекс производительности труда в Российской Федерации за ряд лет, %

Годы										
2005	2008	2009	2010	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
105,5	104,8	95,9	103,2	102,2	100,7	98,9	100,2	101,9	103,1	102,6

Источник: составлено автором по данным [223]

Таблица 2.5 – Индекс фондовооруженности в Российской Федерации за ряд лет, %

Годы											
2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
102,9	106,3	102,2	103,5	99,3	100,8	113,5	96,8	100,9	103,9	103,9	104,7

Источник: составлено автором по данным [223]

Негативную динамику макроэкономических показателей как следствие недостаточно эффективной антирецессивной политики государства, связанной с запаздывающим характером восстановления деловой активности, потребительского спроса и вливания инвестиций, рассматривали в своих исследованиях Дж. Каза [277] и М. Вульф [32]. Для российской экономики представленные тенденции также более, чем очевидны.

Нестабильная динамика обнаруживается и в российской промышленности, имея стойкую тенденцию темпов роста производства к сокращению со 108,7-105,1% в начале 2000-х гг. до слабopоложительных значений в 2013-2019 гг. (Приложение А). При этом наибольший вклад в снижение темпов роста промышленности внесли обрабатывающие производства, индексы деловой активности которых сокращались более быстрыми темпами. По отдельным отраслям, производящим продукцию с высокой долей добавленной стоимости, ситуация оказывалась гораздо хуже. Так, индексы производства компьютерной техники, электронных и оптических изделий со 133,2-118,9% в 2000-2007 гг. сократились до 100,6-92,1%. Существенное сокращение темпов роста производственной деятельности наблюдается также по производству машин и оборудования, металлургическому производству. Остальные виды промышленного производства хотя и не демонстрируют очевидной понижательной тенденции, однако, имеют нестабильную динамику на протяжении всего постсоветского периода: значительный рост в отдельные годы сменялся существенным снижением.

Подобная динамика промышленного производства, демонстрирующая, в целом, опережающие темпы роста сырьевых отраслей на фоне понижательной динамики обрабатывающих секторов экономики, наглядно показывает весьма

нестабильные темпы изменения отраслевой структуры, тенденцию к ее примитивизации, обуславливая, тем самым, и неустойчивую динамику основных макроэкономических показателей (ВВП, денежных доходов, производительности труда).

Несмотря на присутствие умеренного спада или «околонулевых» темпов роста основных макроэкономических показателей в российской экономике, наличие рецессивного тренда в России в среде представителей экономической науки и власти является предметом активных дискуссий. Так, В.А. Мау [129] упоминал о рецессии в 2014-2015 гг. (в период сокращения ВВП до 1,9-4,8%, занятости – на 0,6%), и свидетельствовал о выходе из нее уже на рубеже 2016-2017 гг. При этом данный факт, на взгляд ученого, не говорит о решении всех структурных проблем, в силе остаются все основные негативные факторы, влияющие на структурную динамику, с чем нельзя не согласиться. О выходе экономики России в положительную фазу делового цикла в 2017-2018 гг. и предотвращении макроэкономического кризиса заявил и Председатель Правительства РФ Д.А. Медведев, аргументируя низкие темпы роста ВВП в 2016-2018 гг. наличием нового феномена современной реальности – технологической дефляции [130].

По мнению А.Л. Кудрина и Е.Т. Гурвича [104], стабильный рост российского ВВП в 2-2,5% достижим только к 2025 г. В качестве основных причин сохранения негативной динамики макроэкономических показателей уже О.В. Буклемишевым [27], выделены те, которые препятствуют позитивным структурным изменениям: неэффективность инвестиционных стимулов, дальнейшее сжатие потребительского спроса и рост недоверия бизнеса к власти, что, в рамках настоящего исследования, представляется особенно значимым.

Таким образом, волатильность макроэкономических показателей определяют низкие темпы структурных изменений, наблюдаемые на протяжении всего постсоветского периода, угрожая переходом нестабильности в ее самые острые фазы – рецессию, а впоследствии и стагнацию. В этой связи ключевым условием преодоления дестабилизации в национальной экономике

должна стать управляемая структурная трансформация при одновременном снижении ее уязвимости от внешних шоков.

В базовом сценарии долгосрочного прогноза Минэкономразвития [170] предполагается рост экономики в среднем на 2% в год до 2020 года и постепенное его ускорение до 3%, начиная с 2021 года. В Бюджетном прогнозе [29], представленном Министерством финансов РФ, также ожидается ускорение темпов роста ВВП до 3% и его стабилизация на протяжении 2020-2036 гг. При этом прогнозируется замедление темпов роста инвестиций в основной капитал с 4,5% в 2020 г. до 3% к 2036 г., а также низкие темпы роста промышленного производства (в среднем 3-3,3% в год до 2025 г.) и реальных располагаемых доходов (в среднем не более 2-2,5% в год) при снижении уровня безработицы с 5,2% в 2017 г. до 4,6% к 2024 г. На этой основе два ключевых министерства экономического блока ожидают сокращение финансовой основы стимулирования экономического роста в рамках существующей структуры экономики – отсутствие новых приоритетных проектов в промышленности, сокращение ассигнований государственных программ, медленный рост основного внешнего драйвера роста – нефтяных цен (до 53,5 долл. за баррель к 2024 г. против 158 долл. по долгосрочному прогнозу Минэкономразвития до 2030 г., составленному в 2013 г.).

Следовательно, даже при оптимистических событиях в российской экономике признаки ее макроэкономической дестабилизации в 2016-2019 гг. очевидны, и ожидания дальнейшей дестабилизации в 2020-2036 гг. оправданы. Вместе с тем при повторении спада 2015 г., когда ВВП по разным оценкам сократился на 3,0-3,8%, инвестиции – на 11%, реальные располагаемые доходы – на 3,2%, розничный товарооборот – на 14% в условиях новых внешних шоков, ситуация экономического кризиса, вызванного структурными проблемами, вероятна.

На основе анализа изменения ключевых макроэкономических показателей в период российских рыночных преобразований, прогнозов Минфина и Минэкономразвития РФ, нами был представлен ряд сценариев развертывания

дестабилизационных процессов в российской экономике, связанный с особенностями структурно-трансформационных процессов.

Краткосрочная нестабильность, в основе которой лежат незначительные колебания макропоказателей, обусловленные флуктуациями спроса и предложения на факторных и товарных рынках, в том числе вызванными экзогенными факторами и внешними шоками. В условиях своевременной реализации государственной структурной политики и инициирования позитивных структурных сдвигов, адаптация экономики к внешним шокам и рыночным колебаниям ускоряется, и краткосрочная дестабилизация переходит в долгосрочный положительный макроэкономический тренд.

Колебательная нестабильность выражается через ежегодное сокращение ВВП в границах 1,5-2% на временном интервале в 2-3 года. Впоследствии, при улучшении конъюнктуры мировых факторных и товарных рынков, возможна определенная стабилизация и оживление. Однако последнее будет иметь краткосрочный характер без инициирования структурной трансформации с межсекторным перераспределением и общим ростом инвестиций, улучшения институционального обеспечения высокотехнологичного бизнеса. Иными словами, колебательная макроэкономическая нестабильность есть, по сути, пассивная адаптация системы национальной экономики к дестабилизирующим факторам эндогенного и экзогенного характера, характеризующая слабость структурной политики.

Пиковая макроэкономическая нестабильность означает последовательную серию значительных спадов ВВП и других макропоказателей, формирующих общий отрицательный тренд в течение ряда лет, обусловленную нерегулируемыми отрицательными структурными сдвигами, усиленными внешними шоками. Мы отмечаем, что именно пиковая нестабильность способна повлечь переход макроэкономической динамики в глубокую рецессию, с последующей стагнацией реального сектора с углублением экономического спада, что, в свою очередь, еще больше сократит возможности структурной трансформации экономики. Само преодоление пиковой нестабильности требует становления особых форм

структурной политики, обеспечивающей трансформацию в ходе ряда регулируемых положительных структурных сдвигов, снижающих подверженность внешним шокам, прежде всего, воспроизводственной системы.

Долгосрочная нестабильность, которую мы связываем с предпосылками наступления рецессии, отражает длительный период глубоких колебаний макроэкономических показателей, образующих негативный тренд. Последний инициирован затягиванием преодоления последствий отрицательных структурных сдвигов, перехода к мерам управляемой структурной трансформации и продолжением технологической деградации экономики в условиях сохранения опасности внешних шоков. Долгосрочная нестабильность способна создать условия для глубокого структурного кризиса, который может ввергнуть национальную экономику в безвозвратное социально-экономическое отставание от передовых государств.

Рассматривая процессы дестабилизации в российской экономике на макроуровне, мы приходим к выводу о наличии пиковой нестабильности, обусловленной как структурными проблемами, так и внешними шоками (введение новых санкций и контрсанкций, падение цен на нефть на мировом рынке, технологическое отставание). А в условиях проводимой государством антирецессивной политики, связанной с точечной поддержкой экспортоориентированных сырьевых корпораций и госбанков, и игнорирующей потребность в структурной трансформации экономики, вероятность наступления структурного кризиса, при котором дальнейший рост станет невозможен, и технологическое и социально-экономическое отставание станет безвозвратным, видится нам весьма высокой. Напротив, технологическая модернизация и межсекторный переток инвестиций, ускорение воспроизводственных процессов и улучшение институциональной среды бизнеса как результат структурной трансформации, сопровождающейся реализацией экономических мер защиты от внешних шоков, будут способствовать переходу пиковой нестабильности в колебательную и краткосрочную, создавая условия выхода на долгосрочный позитивный тренд экономического развития.

Дальнейшее исследование представленной проблематики требует детальной проработки специфики и условий дестабилизирующих процессов, происходящих в российской экономике, учитывая наличие деиндустриального тренда и высокой ее уязвимости к возникающим внешним шокам, выявление взаимосвязей между негативным структурным сдвигом и динамикой макроэкономических показателей, определения характера этих взаимосвязей, а также выработки критериев оценки их взаимного влияния.

2.2 Пути взаимной трансляции макроэкономической нестабильности в структурную деиндустриализацию российской экономики

«Околонулевой» рост в российской экономике в 2017-2019 гг. отнюдь не свидетельствует о долгосрочном позитивном тренде, по ряду показателей экономическая динамика остается довольно противоречивой и неустойчивой. Более того, на фоне ускоряющегося развития экономик передовых и новых индустриальных стран мира, среднегодовые темпы роста в России и вовсе кажутся незаметными, не соответствуют они и заявленному «расти выше среднемировых» [165], что, в целом, не позволяет говорить о выходе на траекторию долгосрочного роста.

Несмотря на некоторые позитивные тенденции, отмечаемые в российской макроэкономической динамике, многие эксперты прогнозируют замедление темпов роста национальной экономики относительно наиболее благоприятных 2000-х гг. и, более того, признают истощение потенциала ее восстановительного роста в будущем. При этом ряд ученых (Акиндинова Н., Кузминов Ю., Ясин Е. [255], Миронов В., Петроневич А. [295] и др.) в качестве основных причин замедляющегося роста видят исчерпание потенциала экспортно-сырьевой модели

развития (как следствие снижения поступлений от нефтегазового сектора, которым в благоприятные периоды удавалось маскировать институциональную неэффективность) – то есть, по сути, кризис секторальной структуры экономики. Вместе с тем, следует отметить, что долгосрочную дестабилизацию экономики, обуславливающую длительную рецессию, мы связываем со сложным комплексом структурных проблем, которые можно суммировать как структурную трансформацию экономики по деиндустриальному пути.

Деиндустриализацию экономики технологически передовых стран в конце 20 в. нобелевский лауреат П. Кругман ассоциировал с сокращением доли промышленности в ВВП и экспорте за счет роста нематериальных производств [287]. Применительно к российской экономике, под деиндустриализацией понимают прежде всего, сокращение доли промышленности в ВВП и технологическую примитивизацию производства в ходе рыночных реформ [203, 251]. Мы присоединяемся к такому определению деиндустриализации, однако, видим среди ее причин не только рыночные (высокий уровень издержек и низкая производительность труда, значительные барьеры для трансфера инноваций и пр.), но и структурные – низкий уровень накопления капитала, концентрация инвестиций в сырьевом секторе и сфере обращения и т.п. Именно этим мы объясняем тот факт, что несмотря на наличие в российской экономике высокотехнологичных отраслей (биохимия, создание программного обеспечения, выпуск космических аппаратов, медицинских и промышленных лазеров и пр.), их доля в ВВП не превышает одного процента, и они не оказывают ощутимого влияния на инновационную модернизацию промышленности.

Так, анализируя показатели динамики воспроизводственной структуры (Приложение Б), в качестве ключевой проблемы следует выделить низкую норму накопления на фоне критического износа основных фондов. Норма накопления инвестиций имела крайне неустойчивую динамику на протяжении всего постсоветского периода: рост показателя в начале 2000-х гг. (с 18,7% в 2000 г. до 25,5% в 2008 г.) сменялся спадом, вновь возобновляемым в кризисные 2015-2016 гг. Примечательно, что значения нормы валового накопления в российской

экономике так и не приблизились к значениям советского периода активной индустриализации (40%), существенно ниже они были и значений 1980-х годов (27-31%).

Как показывает опыт развитых государств, новых индустриальных стран Азии, послевоенной Японии, да и нашей страны, наращивание инвестиционного и инновационного потенциала, обеспечивающего впоследствии выход на траекторию стабильного роста, предполагает увеличение нормы накопления до 30-40%. Так, в Европе до 1970-х годов норма накопления длительное время оставалась на уровне 25%, в Японии в этот же период – 30%. Одной из самых высоких в истории структурных преобразований национальных экономик, норма накопления была в Китае, увеличиваясь только за период 1990-2010 гг. с 30 % до 47% [78, с. 134]. А.Г. Аганбегян на этот счет справедливо замечает, что повышение нормы инвестиций во все времена было и остается основным условием запуска технологического обновления и структурной перестройки народного хозяйства [6].

Соглашаясь с мнением С. Нарышкина [141], А. Кудрина и О. Сергиенко [103] признаем тот факт, что существующая норма накопления крайне недостаточна для обновления производственно-технологической среды, учитывая увеличивающиеся темпы физической изношенности основного капитала и, в целом, недостаточность основных фондов для развития инфраструктурных и фондоемких отраслей промышленности. Так, в среднем темпы роста износа основного капитала на протяжении всего постсоветского периода находились на уровне – 101,0-110,6%, лишь в отдельные годы демонстрируя понижающую тенденцию. В то время как динамика накопления основного капитала имела слабоотрицательные или околонулевые темпы роста (96,3-101,8%).

Не менее значимым показателем с точки зрения оценки воспроизводственных проблем является анализ динамики соотношения нормы накопления с приростом ВВП, характеризующее процент ВВП, затрачиваемый на инвестиции пропорционально 1% прироста ВВП. Как видно из таблицы 2.6, в развивающихся государствах значения представленного показателя находятся на

уровне 3,8-6,6, в развитых – могут достигать 14,0-22,0, что свидетельствует о высоких темпах накопления инвестиций относительно прироста ВВП.

В российской экономике за период с 2000-2008 гг. на фоне увеличивающихся темпов роста ВВП при околонулевой динамике нормы накопления значение показателя было одним из самых низких (3,0), демонстрируя незначительную инвестиционную составляющую в ВВП. В последующие годы заметное снижение темпов роста ВВП при практически неизменных показателях нормы накопления позволило увеличить представленный показатель – до 13,0.

Резервом повышения валового накопления в любой национальной экономике является сокращение экспорта капитала, формируемое за счет валового сбережения, а также увеличение притока иностранных инвестиций. Что касается прямых иностранных инвестиций, то их резкие колебания не позволяют говорить о серьезном вкладе в экономический рост России. При этом, как правило, трудности с привлечением капитала в российской экономике испытывает машиностроительный комплекс, приток иностранных инвестиций в который только за 2014-2015 годы снизился почти на 70 % [136, с. 40].

Таблица 2.6 – Соотношение нормы накопления с темпами прироста ВВП в некоторых странах мира

Страна	Средняя норма накопления, в процентах к ВВП		Среднегодовой прирост ВВП, %		Соотношение нормы накопления и прироста ВВП, раз.	
	2000-2008	2009-2019	2000-2008	2009-2019	2000-2008	2009-2019
Россия	20,9	22,1	6,9	1,7	3,0	13,0
США	22,0	19,2	2,3	2,4	9,6	8,0
Великобритания	19,0	17,4	2,6	1,9	7,3	9,2
Германия	21,0	19,1	1,5	2,2	14,0	8,7
Франция	22,0	22,4	1,9	1,2	11,6	18,6
Бразилия	19,0	21,5	3,7	3,1	5,1	6,9
Китай	40,0	49,3	10,4	8,7	3,8	5,6
Индия	31,0	35,9	6,7	7,5	4,6	4,8

Источник: рассчитано автором по данным [223]

Обращаясь к динамике валового сбережения (части располагаемого дохода, не используемого для конечного потребления и фактически являющегося базой для формирования накопления), мы видим, что они также имели неустойчивую

тенденцию, однако превышали накопление. Если в 2009-2011 гг. темп роста накопления (119,6-107,9%) обеспечивался за счет темпов роста сбережения (124,6-111,4%), то в последующие годы (2014-2015 гг.) рост валового сбережения (100,8-107,6%) не имел позитивного влияния на накопление (96,1-100,9%), а некоторый рост накопления, наблюдаемый в отдельные годы, достигался за счет притока иностранных инвестиций. Таким образом, в разные годы доля финансовых ресурсов, не используемых на накопление, составляла от 1,7 до 4,9% ВВП. Учитывая отрицательную динамику численности населения в РФ, такое недоиспользование валового сбережения на нужды накопления неизбежно ведет к сдерживанию экономического роста.

Данный вывод вполне подтверждается статистикой экспорта капитала и сальдо инвестиций. На протяжении всего периода реформ последний показатель был отрицательным, а с 2008 г. в России наблюдается массовое бегство капитала [6, с. 6]. За период 2015-2017 гг. по данным ЦБ РФ отмечалось заметное снижение оттока капитала за рубеж (до 57,5 млрд. долл. в 2015 году и 15,4 млрд. долл. в 2016 года [223]), однако к 2018 г. рост опять возобновился (таблица 2.7).

Таблица 2.7 – Баланс инвестиций за 1994-2019 гг., млрд. долл. США

Год	Сальдо инвестиций (отток/ввоз), млрд. долл. США
1	2
1994	- 14,4
1995	- 3,9
1996	- 23,8
1997	- 18,2
1998	- 21,7
1999	- 20,8
2000	- 24,8
2001	- 15,0
2002	- 8,1
2003	- 1,9
2004	- 8,9
2005	- 0,3

Продолжение таблицы 2.7

1	2
2006	43,7
2007	87,8
2008	- 133,6
2009	- 57,5
2010	- 30,8
2011	- 81,4
2012	- 53,9
2013	- 61,0
2014	- 154,1
2015	- 56,9
2016	- 15,4
2017	- 31,3
2018	- 60,0
2019	-26,7

Источник: составлено автором по данным [199]

Кроме того, по абсолютным размерам экспорта капитала Россия входит в первую 10-ку стран, а по итогам 2010-2011 гг. оказывалась в 5-ке стран – нетто-экспортеров капитала, пропуская вперед лишь Китай, Японию, Германию и Швейцарию. При этом среди государств – крупнейших импортеров капитала – наша страна не числится вовсе [156].

Инвестиции в основной капитал в процентах к ВВП, один из важнейших индикаторов макроэкономической динамики, также демонстрирует негативную тенденцию. Относительно стабильный рост показателя отмечался только в начале 2000-х гг. После 2008 г. повышательная динамика, как правило, имела краткосрочный характер, сменяясь существенными снижениями. Самое продолжительное снижение представленного показателя с начала века отмечалось в кризисные 2013-2014 гг. и посткризисные 2015-2016 гг. При этом стоит заметить, что понижательная волна инвестиций в основной капитал организаций в последний кризисный период была продолжительнее относительно предыдущего (2008-2009 гг.), снижение носило и более глубокий характер. По данным Росстата значение инвестиций в основной капитал в 2019 г. составило 20,8% от ВВП, что соответствует уровню 2008-2009 гг. и позволяет констатировать фактически отсутствие всякого роста за десятилетний период.

Еще одной особенностью воспроизводственной системы российской экономики, с негативным знаком, следует признать наметившуюся тенденцию в структуре распределения инвестиций, направляемых в основной капитал по секторам и отраслям народного хозяйства. Данные Приложения В позволяют наглядно оценить переток инвестиций из реального сектора в финансовый. Так, на протяжении всего постсоветского периода доля инвестиций в основной капитал промышленных предприятий составляла 34-44%.

Спекулятивный сегмент экономики хотя и отставал от представленных значений по промышленности, однако, демонстрировал повышательную динамику и в разные годы получал от 20-30% всех инвестиций в основной капитал. Справедливо на этот счет высказался С.С. Дзарасов замечая, что «... манипуляции с деньгами и другими финансовыми активами превратились в основной род не только предпринимательской деятельности, но и государственной политики, при полном игнорировании структурного и производственно-технического состояния экономики и уровня народного благосостояния» [62, с. 77].

Кроме того, существенные дисбалансы отмечаются и в структуре распределения инвестиций в основной капитал по отраслям промышленного производства. Так, коэффициент соотношения инвестиций в основной капитал сырьевого сектора и обрабатывающей промышленности составляет 1,2-1,3 (таблица 2.8), демонстрируя повышательную динамику на протяжении всего периода. Это свидетельствует о преобладающей роли сырьевого сектора российской экономики в валовых инвестициях.

Таблица 2.8 – Соотношение инвестиций в основной капитал сырьевого и обрабатывающего секторов за ряд лет, раз.

Годы								
2000	2005	2010	2014	2015	2016	2017	2018	2019
1,11	0,85	1,04	1,03	1,1	1,3	1,3	1,2	1,3

Источник: рассчитано автором на основе [223]

Во многом описанные тенденции обусловили возрастающий износ основных фондов, увеличивая с каждым годом удельный вес фактически не пригодных для эксплуатации машин и оборудования. Так, с нач. 2000-х годов отмечается стойкая тенденция к увеличению доли полностью изношенных фондов (с 13,3% до 17,8%). Средний возраст используемых машин, транспортных средств и оборудования в России составляет порядка 11 лет, при этом физический объем основного капитала остается практически неизменным. Вряд ли индексы в 103,7-104,0% годовых по отношению к темпам роста износа (101,0-110,6%) можно назвать ростом. Вследствие недостаточного уровня инвестиций в средства производства наблюдается и существенное опережение темпов роста износа по сравнению с темпами роста обновления основного капитала. Учитывая современную динамику воспроизводственных показателей, российской экономике для коренного обновления производственной структуры основного капитала потребуется не менее 30 лет.

Деиндустриальный характер спонтанной структурной трансформации экономики России проявляется в неостановимом «проедании» производственно-технологической базы СССР. Среди наиболее острых проблем воспроизводственной структуры, препятствующих стабилизационному влиянию структурной трансформации, которая сама носит спонтанный характер в отсутствие адекватной структурной политики, на макроэкономическую динамику, мы выделяем следующие (по результатам анализа динамики основных воспроизводственных показателей, Приложение Г): низкую норму накопления (в том числе замедление инвестиций в основной капитал) на фоне увеличивающейся динамики износа, общего старения материально-технической базы промышленного производства; низкие темпы физического замещения основных фондов; незначительный вклад иностранных инвестиций в воспроизводственный процесс, особенно в связи с трансфером технологий; переток капитала из отраслей промышленного производства в спекулятивный сегмент экономики; значительное превышение сбережений над инвестициями в экономику; чрезмерный отток национального капитала за рубеж.

Представленные угрозы позволяют заключить, что именно сужение национального воспроизводства стало одной из ключевых причин деиндустриальных структурных деформаций российской экономики, что в условиях слабости структурной политики государства вполне может обернуться переходом в более острую форму макроэкономической нестабильности – стагнацию ВВП, занятости, доходов. То есть деиндустриализация здесь проявляется в сокращении воспроизводственных возможностей промышленного развития – основной причины высокой зависимости экономики России от внешних шоков.

Показатели, характеризующие динамику факторной структуры российской экономики (таблица 2.9), позволяют наглядно оценить снижение роли знаниевого, информационного фактора в ее структуре, что связано с таким аспектом деиндустриализации экономики, как сокращение в промышленности той ее части, которая представлена высокотехнологичными производствами.

Так, суммарная доля научного обслуживания в ВВП за рассматриваемый период, в целом, имела негативную динамику. В последние годы отмечается некоторая тенденция к увеличению представленного показателя, однако, современные значения не дотягивают (в 1,4-1,6 раза) даже до уровня 1991 г.

Таблица 2.9 – Показатели динамики факторной структуры российской экономики за ряд лет

Показатель	Годы									
	1991	1995	1998	2000	2005	2009	2014	2017	2018	2019
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
Доля науки и НИОКР в ВВП, %	2,5	0,7	0,7	0,6	0,6	0,4	1,8	1,5	1,3	1,4
Доля образования в ВВП, %	4,0	3,0	2,1	2,6	2,3	2,9	3,2	3,2	3,3	3,2
Коэффициент изобретательской активности (число отечественных патентных заявок на изобретения, поданных в России в расчете на 10 тыс. человек населения)	1,9	1,2	1,1	1,6	1,6	2,01	1,65	1,55	1,46	1,51
Число выданных патентов, тыс.	27,7	31,5	23,8	17,6	23,9	34,8	33,9	34,2	35,7	34,0

Продолжение таблицы 2.9

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
- в том числе национальным заявителям, тыс.	8,9	20,8	19,2	14,4	19,4	26,3	23,1	21,0	20,5	20,1
Количество публикаций в ведущих научных изданиях, тыс. шт.	-	-	-	-	-	-	293,0	320,3	322,6	326,8
Удельный вес в общем числе публикаций, %	-	-	1,1	3,49	1,9	2,48	2,25	2,32	2,28	2,31
Расходы на исследования и разработки, в % от ВВП	-	0,966	0,954	1,05	1,068	1,252	1,07	1,096	1,068	1,099
Государственные затраты на фундаментальные и прикладные научные исследования:										
- в % к расходам федерального бюджета	2,43	1,61	1,32	1,69	2,19	2,27	2,95	2,32	2,40	2,48
- в % к ВВП	0,5	0,29	0,23	0,24	0,36	0,56	0,55	0,41	0,39	0,42
Инновационная активность организаций промышленного производства, %	-	-	-	11,0	10,5	9,6	8,8	9,2	8,8	9,1
Сборы за использование интеллектуальной собственности, платежи (в текущих ценах), млрд. долл.	0,002	0,004	0,002	0,068	1,53	3,99	8,0	5,98	4,87	5,11

Источник: рассчитано автором по данным [223]

Действие знаниевого и информационного факторов производства, которые в развитых странах мира обеспечили масштабное развитие отраслей высоких технологий, в России сдерживается крайне низкими инвестициями в науку и образование. Так, доля внутренних затрат на научные исследования и разработки в процентах к ВВП за весь постсоветский период не превышала 1,5%.

Величина государственных затрат на фундаментальные и прикладные научные исследования в структуре расходов федерального бюджета находилась в пределах 2,19-2,48 %, а в процентах к ВВП составляла – 0,24-0,56. Совокупные внутренние расходы на НИОКР в процентном исчислении к ВВП в России более чем в два раза уступают (0,966-1,096%) значениям аналогичного показателя развитых (2,25-2,94%) и динамично развивающихся стран мира (2,12-4,24%) (таблица 2.10).

Таблица 2.10 – Показатели использования факторов производства в некоторых странах мира в 2017 г.

Показатель	Страна							
	Россия	США	Великобритания	Германия	Франция	Китай	Республика Корея	Бразилия
1	2	3	4	5	6	7	8	9
Число выданных патентов, тыс.	34,2	303,0	5,6	15,6	12,4	404,2	108,9	4,2
- в том числе национальным заявителям, тыс.	21,0	143,7	2,9	10,8	10,6	302,1	82,4	0,53
Публикационная активность (количество публикаций в ведущих научных изданиях), тыс. шт.	320,3	3852,2	1158,9	1023,5	715,0	2206,5	510,9	401,0
Удельный вес в общем числе публикаций, %	2,3	25,45	7,72	6,93	4,7	21,19	3,63	2,95
Расходы на исследования и разработки, в % от ВВП	1,096	2,74	1,69	2,94	2,25	2,12	4,24	1,28
Инновационная активность организаций промышленного производства, %	9,2	14,3	62,9	71,2	59,2	35,4	16,9	38,2
Сборы за использование интеллектуальной собственности, платежи (в текущих ценах), млрд. долл.	5,98	51,3	11,9	12,7	14,84	28,7	9,7	5,2

Источник: составлено автором по данным [223]

Как следствие, Россия имеет одно из самых низких значений в мире по показателю инновационной активности промышленных предприятий – 9,2% по итогам 2017 г., против 71,2% – в Германии, 62,9% – в Великобритании и 59,2% – во Франции. Существенное отставание прослеживается и по показателям создания интеллектуального капитала, а также отдачи от него. По изобретательской активности среди технологически передовых и развивающихся государств, наша страна находится в явных аутсайдерах. Всего 34254 выданных патента – максимальное значение, зафиксированное в России в 2017 г. со времен распада Советского Союза, что соответствует не более 2-м патентным заявкам в расчете на

10 тыс. человек. Таким образом, отставание от аналогичного показателя в США составляет 9 раз, от Китая – 12 раз, от Республики Корея – в 3 раза (таблица 2.10).

Таким образом, среди наиболее типичных проблем факторной структуры российской экономики, с одной стороны, следует выделить снижение роли знаниевого, информационного факторов производства вследствие низкого уровня внутренних затрат (в частности, государственных), направляемых на развитие науки и образования в стране; снижение качества образовательных услуг и вместе с тем падения престижа российских образовательных учреждений, осуществляющих подготовку кадров высшей квалификации; дезинтеграцию науки и производства и отсутствие спроса на научные исследования и разработки со стороны промышленного сектора. С другой стороны, возрастает отдача от фактора земли, использование которого характерно для экономического роста конца XIX – начала XX вв., в виде природной ренты – поступлений от добычи и экспорта энергоносителей, доля которой в доходах бюджета достигает 45% и приносит 95% прироста состояния 50 богатейших россиян [24].

О деиндустриальном сокращении производств с высокой добавленной стоимостью в России свидетельствует и динамика показателей технологической структуры экономики. Во-первых, на протяжении всего постсоветского периода можно было наблюдать существенный спад производства в промышленности на фоне одиннадцатикратного роста доли финансового сектора и торговли в ВВП (за 1992-2018 гг.). Однако, если общее падение темпов промышленного производства в России относительно 1991 г. составляло 3,8-15,2%, то по высокотехнологичным отраслям значения колебались в пределах 14,9-28,8%, а по отдельным видам машиностроительной продукции и вовсе доходили до критических показателей в 66,2-94,6%. Стоит ли говорить, что существенный вклад в снижение темпов роста, в целом, по промышленности внесла именно машиностроительная отрасль, в то время как добыча полезных ископаемых демонстрировала уверенную повышательную динамику (6,6-15,6%). В целом анализ показателей динамики технологической структуры российской экономики (таблица 2.11) позволил выделить дегенеративный характер ее преобразований.

Таблица 2.11 – Показатели динамики технологической структуры российской экономики за ряд лет

Показатель	Годы					
	2000	2005	2009	2014	2018	2019
Объем инновационных товаров, в % от общего объема отгруженных товаров	3,1	5,0	4,8	8,7	7,2	6,8
Поступление средств от продажи технологий зарубежным странам, млн. дол. США (до 2009 г. – млн. руб.)	25907,6	11077,1	618,2	1279,2	1405	1376
Выплата средств от покупки зарубежных технологий, млн. дол. США (до 2009 г. – млн. руб.)	50406,1	27178,5	1619,0	2455,8	3065,4	3218,2
Доля высокотехнологичных и наукоемких отраслей экономики в ВВП, %	-	21,2	19,7	21,5	21,6	21,4
Доля высокотехнологичной продукции в товарной структуре экспорта, %	16,0	8,4	9,2	11,4	11,5	11,3

Источник: рассчитано автором по данным [223]

Во-вторых, следует констатировать серьезное технологическое отставание России от развитых государств, формирующих передовые технологические уклады, которое с каждым годом все более усиливается. Так, исходя из общероссийского классификатора видов экономической деятельности, распределенных по технологическим укладам, к видам деятельности, причисляемым к пятому техноукладу в российской экономике, можно отнести: машиностроительную отрасль, деятельность в области информации и связи, а также деятельность в области научных исследований и разработок. Таким образом, совокупная доля валовой добавленной стоимости продукции отраслей пятого технологического уклада в отраслевой структуре ВВП России по итогам 2018 г. составила всего 6,0%, имея при этом неуклонную тенденцию к снижению. В то время как на долю третьего и четвертого техноукладов, характерных для развития промышленности в XIX в. пришлось 17,9% и 76,1% соответственно. Для сравнения: в экономике США львиную долю занимают отрасли, формирующие передовые технологические уклады (пятый технологический уклад составляет 60%, шестой – 10%) [162].

Шестой технологический уклад, формирующийся в передовых странах мира, фактически не получил развитие в российской экономике, во многом вследствие сохранения низкого уровня государственных затрат на НИОКР, частных

инвестиций, а также особой инертности субъектов бизнеса в области научных исследований и разработок. Между тем мировая практика неоспоримо доказывает особенную роль инвестиций в становлении инновационной экономики и достижении впоследствии ее долгосрочного роста.

К сожалению, в России пока отсутствует развитая система государственного финансирования и кредитования науки и НИОКР, в должной степени отсутствует и программное регулирование этих процессов. Именно этот факт следует признать основной причиной нарастания технологического отставания от передовых государств. Доля страны в мировом высокотехнологичном экспорте не превышает 0,1%. Ежегодно РФ на покупку зарубежных технологий тратит в 1,5-2,0 раза больше, чем получает средств от их продажи (таблица 2.12).

Таблица 2.12 – Показатели технологической структуры некоторых стран мира в 2017 г.

Показатель	Страна							
	Россия	США	Великобритания	Германия	Франция	Китай	Республика Корея	Бразилия
Доля высокотехнологичных и наукоемких отраслей экономики в ВВП, %	21,6	51,5	42,0	56,8	45,4	40,7	53,4	35,0
Доля высокотехнологичной продукции в товарной структуре экспорта, %	11,5	14	21,0	14,0	24,0	24,0	14,0	12,0
Удельный вес в мировом экспорте высокотехнологичной продукции, %	0,1	7,0	3,0	9,0	5,0	27,0	6,0	-

Источник: рассчитано автором по данным [223]

Динамика отраслевой структуры российской экономики отражает снижение доли материально-производственной сферы: если еще в 2000-м году доля промышленного производства в структуре ВВП России составляла 45%, то в последние годы значение не превышает 25,0%. Во-вторых, в структуре самой промышленности отмечается увеличение доли экспортно-сырьевых отраслей (с

5,9% до 10,4%) на фоне понижительной динамики обрабатывающего сектора (по показателю валовой добавленной стоимости) с 15,2% в 2000-м году до 13,2% в 2017 году. При этом сокращение доли обрабатывающей промышленности происходит за счет той ее части, которая не связана с первичной переработкой сырья (таблица 2.13).

Сокращение доли индустриального сектора в России, в том числе, высокотехнологичной и наукоемкой его составляющей, связано с целым комплексом структурных проблем, вызванных отрицательным структурным сдвигом, прежде всего, в воспроизводственной системе национальной экономики. В частности, отсутствие необходимых вливаний в обрабатывающий сектор в условиях его низкой инвестиционной привлекательности на фоне неподъемно высоких банковских процентов для бизнеса абсолютно не способствует росту и развитию.

Таблица 2.13 – Показатели динамики отраслевой структуры российской экономики за ряд лет

Показатель	Годы							
	1991	1995	2000	2005	2009	2014	2017	2019
Доля промышленного производства в отраслевой структуре ВВП, %	60,5	30,7	45,0	32,0	27,4	25,4	25,0	24,9
Доля обрабатывающей промышленности в отраслевой структуре ВВП, %	н.д.	н.д.	15,2	15,7	12,9	13,6	13,2	13,0
Доля добывающей отрасли в отраслевой структуре ВВП, %	н.д.	н.д.	5,9	9,5	7,4	9,1	10,4	10,9
Доля сервисных отраслей в отраслевой структуре ВВП, %	12,8	39,0	44,7	53,7	61,7	63,9	60,7	61,2
Доля обрабатывающей промышленности в структуре промышленного производства, %	72,0	70,7	65,4	65,1	63,9	66,2	60,3	60,7
Доля обрабатывающей промышленности, не связанной с производством и переработкой топливно-энергетических ресурсов, в структуре обрабатывающей промышленности, %	93,2	80,6	77,2	83,8	83,4	74,5	79,0	77,8
Доля машиностроения в структуре обрабатывающей промышленности, %	35,0	26,4	27,6	19,9	19,5	20,0	19,5	18,9
Доля топливно-энергетических ресурсов в товарной структуре экспорта, %	47,3	42,5	53,8	64,8	67,4	70,4	60,4	63,9

Источник: рассчитано автором по данным [223]

Изменения рыночно-конкурентной структуры российской экономики также отражают деиндустриальный характер сокращения конкурентоспособных

отраслей промышленности, а в ней самой – сжатие обрабатывающего и высокотехнологического сектора, препятствующее росту производства добавленной стоимости – надежной защиты экономики от внешних шоков.

Рыночные преобразования российской экономики привели к сосредоточению значительной части приватизированного имущества в руках олигархических и криминальных структур, получивших в собственность стратегически важные и наиболее доходные предприятия практически за бесценок. На эти и другие отличительные особенности масштабной приватизации в России указывают не только многие российские (Богомолов О.Т. [25], Хохлов О.А. [237], Лисичкин В.А. [113]), но и зарубежные ученые, в числе которых Дж. Стиглиц, К. Эрроу и другие. Очевидно, что в таких условиях не могли быть заложены эффективные конкурентно-рыночные начала, а также сформированы цивилизованные отношения собственности, предусматривающие, в том числе, и необходимость повышения социальной и экологической ответственности владельцев бизнеса. Петраков Н.Я. на этот счет справедливо замечал, что единственное к чему привела приватизация в российской экономике – это к монополизации в сфере добычи полезных ископаемых, закрепив рентоориентированное поведение собственников предприятий данной отрасли [157, с. 8].

Однако и после 28-летнего опыта формирования рыночной экономики Россия по-прежнему остается государством с высоким уровнем монополизации и сосредоточением собственности в руках ограниченной группы лиц. Так, например, в нефтегазовой отрасли России 80-90% рынка принадлежит пяти крупнейшим корпорациям (Газпром, Лукойл, Роснефть, Сургутнефтегаз, Транснефть), имеющим по данным рейтинга РБК максимальные показатели выручки и прибыли по отрасли [176]. В частности, гигант нефтегазовой отрасли России – Газпром с 51% капитала, принадлежащего государству, демонстрирует в последние годы рекордные показатели по добыче и экспорту природного газа, увеличив свою долю на рынке до 72% и 35% соответственно [176]. В нефтяной промышленности

безусловным монополистом является Роснефть, сохраняющий за собой 35% в сфере добычи и 45% всего экспорта нефти.

Нефтегазовая отрасль является основным источником пополнения доходной части бюджета страны. Так, по данным Министерства финансов РФ, доля нефтегазовых поступлений в бюджет на протяжении всего постсоветского периода составляла, в среднем, 35-45% (за период 2000-2005 гг. – 21,9-33,4%; в 2014-2015 гг. – 43-51%; в 2016-2019 гг. – 34-39%), формируя зависимость бюджета от фактически единственного источника дохода. Серьезный вклад (не менее ¼) нефтегазовый сектор вносит и в формирование ВВП страны. В условиях отсутствия развитого звена высокотехнологичного предпринимательства сырьевые компании фактически являются основной производительной силой страны, не сталкиваясь с препятствиями со стороны государства ни в части изменения антимонопольного законодательства, ни в части институциональных преобразований, ограничивающих их монополию.

В металлургической отрасли крупнейшим корпорациям (Евраз, НЛМК, Русал, ГМК Норильский никель, Северсталь) принадлежит около 50-60% отраслевого рынка. Получают они и соизмеримые прибыли, которые уступают лишь показателям сырьевых предприятий.

В финансовом сегменте российской экономики обнаруживаются схожие тенденции, демонстрирующие существенную монополизацию рынка финансовых услуг. Так, Сбербанк – банк с государственным участием – с 2013 г. по 2017 г. получал половину прибыли всего банковского сектора России, при этом увеличив ее в 2017 г. на рекордные 40% по отношению к предыдущему году. На долю активов Сбербанка в настоящее время приходится около 30% от совокупных активов банковского сектора. Второй по величине банк с государственным участием (государству принадлежит более 60% капитала) – ВТБ за последние годы заметно упрочил свое положение на рынке банковских услуг, благодаря государственной помощи и масштабной программе рекапитализации. По данным РБК Сбербанк и ВТБ разделяют 4 и 6 строчку соответственно в рейтинге

крупнейших по выручке и прибыли российских корпораций, существенно обгоняя ближайшего конкурента (Газпромбанк).

В подтверждение представленных слов можно отметить, что в 2013 г. только в промышленном производстве государство контролировало 74,8% акционерного капитала предприятий (большая часть из которых – это сырьевые и металлургические предприятия), к 2015 г. значение увеличилось до 80,6% [223]. Доля выручки крупнейших российских корпораций, контролируемых государством (число которых, в рейтинге крупнейших по выручке компаний составляет 88 против 394 частных), увеличилась с 35% в 2015 г. до 42% в 2018 г., при этом большая часть таких компаний сосредоточена в г. Москва [176]. А доля государственного сектора в ВВП, по оценкам Центра стратегических разработок, с 39,6% в 2006 г. возросла до 46% к 2018 г. [47], что, несомненно, привело к огосударствлению частных компаний и, как следствие, снижению эффективности рыночных механизмов.

Таким образом, сложившаяся монопольная структура в доминирующем в ВВП и инвестициях секторе – сырьевом – предопределяет низкий уровень спроса на инновации, что лишает стимулов не только их внедрение, но и создание, формирование соответствующей научно-производственной инфраструктуры. Инновационно-индуцированному росту российской экономики во многом препятствует и отсутствие здоровой конкуренции в сфере науки. С одной стороны, вследствие сокращения числа исследовательских, научно-производственных организаций, обесценивания труда научно-педагогического персонала, с другой – ввиду высокой степени международной конкуренции за высококвалифицированные кадры. Так, исходя из данных таблицы 2.14 видно, что в России происходит планомерное снижение численности работников, занятых научными исследованиями и разработками.

Среди государств-лидеров по численности исследователей в расчете на тысячу занятых в экономике, Россия имеет самые скромные значения после Китая.

Таблица 2.14 – Численность персонала, занятого исследованиями и разработками за ряд лет, тыс. чел.

	Годы								
	1992	2000	2005	2008	2009	2014	2017	2018	2019
Численность персонала, занятого исследованиями и разработками, тыс. чел.	1532,6	887,7	813,2	761,3	736,5	732,3	707,9	682,6	682,5

Источник: составлено автором по данным [223]

При этом следует отметить, что долгое время показатель численности персонала, занятого исследованиями и разработками в России, имел отрицательную динамику, снизившись за период в 2,1 раза, в то время как развитые и некоторые развивающиеся государства многократно увеличили его. Так, например, в Китае показатель численности ученых и исследователей в расчете на тысячу занятых с 1991 г. возрос в 7 раз; в Южной Корее – в 3,4 раза; в Великобритании – в 2,7 раза; в Германии – в 2,5 раза; в США – в 1,9 раз (таблица 2.15).

Таблица 2.15 – Динамика численности персонала, занятого исследованиями и разработками в расчете на тысячу занятых, в некоторых странах мира

Страна	Годы						
	1991	1995	2000	2005	2009	2014	2017
1	2	3	4	5	6	7	8
Россия	21,2	-	7,8	6,8	6,3	6,2	9,8
Великобритания	4,9	5,6	6,2	8,6	8,8	8,9	13,1
Франция	5,5	6,4	6,7	7,7	9,1	9,9	15,9
Германия	6,2	6,1	6,5	6,9	8,0	8,4	15,7
Италия	3,3	3,4	2,9	3,4	4,2	4,9	11,2
США	6,2	6,2	7,1	7,6	8,5	8,7	12,1
Канада	5,2	6,4	7,2	8,3	9,1	9,1	12,8
Южная Корея	-	4,9	5,1	7,9	11,1	13,5	16,8
Китай	0,7	0,8	1,0	1,5	1,6	2,0	4,9

Источник: составлено автором по данным [223]

В условиях столь масштабного «бегства» интеллектуальных ресурсов за рубеж (по оценкам специалистов, ежегодно Россию покидает около 50 тыс. молодых людей в возрасте от 18 до 35 лет), российской экономике требуется

концентрация усилий по предотвращению утечки высококвалифицированных кадров и созданию основ для формирования устойчивого роста такой социальной группы населения, как предприниматели-новаторы, ученые, исследователи, инженеры.

Таким образом, деиндустриализацию экономики России можно связать и с тенденцией к примитивизации промышленного производства, которая заключается в увеличении доли отраслей, характерных для ране-индустриального этапа развития национальных хозяйств на фоне сокращения удельного веса тех секторов, которые обеспечили развитым государствам переход на постиндустриальную ступень развития.

Вклад промышленного производства в ВВП США только за 2000-2013 гг. сократился с 22,6% до 16,6%; в Великобритании с 22,6% до 13,5% (Приложение Д). Однако в развитых странах имели место процессы замещения старопромышленных отраслей отраслями производства и оказания услуг в сфере высоких технологий, а также информационно-коммуникационных услуг. То есть в технологически передовых странах специфика деиндустриализации (глобального, по мнению М.А. Гасанова, процесса [35]), связана с переходом от поздне-индустриальной к постиндустриальной экономике, и она проявляется здесь как сокращение доли традиционных отраслей промышленности в пользу цифровых, и беспрецедентная экспансия потребительских услуг – нематериальных благ со сверхвысокой добавленной стоимостью.

Оттого и структура нематериального сектора России заметно отличается от промышленно развитых стран мира, представляя, в основном, финансовые услуги и торговлю (более 25 % ВВП), в то время как на долю образования, профессиональных и научно-технических услуг приходится чуть больше 7%.

Последствия отрицательного сдвига в отраслевой структуре экономики, в свою очередь, проявили себя в негативной структурной динамике экспорта и импорта страны. По заключению ряда экспертов [258, 278], развитие мировой торговли все больше определяется повышением спроса и, следовательно, доли в структуре экспорта готовой продукции глубокой переработки, созданной в рамках

производственных цепочек ТНК. Динамика структуры российского экспорта, напротив, свидетельствует об утяжелении экспорта продукцией ТЭК, на долю которой приходится около 60% (таблица 2.16).

Таблица 2.16 – Товарная структура российского экспорта за ряд лет, в процентах к итогу

Показатель	Годы						
	2000	2005	2008	2010	2014	2018	2019
1	2	3	4	5	6	7	8
Экспорт, всего	100	100	100	100	100	100	100
в том числе:							
– продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье	1,6	1,9	2,0	2,2	3,8	5,5	6,1
– минеральные продукты	53,8	64,8	69,8	68,5	70,4	64,8	66,3
– продукция химической промышленности, каучук	7,2	6,0	6,4	6,2	5,9	6,1	5,9
– кожевенное сырье, пушнина и изделия из них	0,3	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1
– древесина и целлюлозно-бумажные изделия	4,3	3,4	2,5	2,4	2,3	3,1	3,2
– текстиль, текстильные изделия и обувь	0,8	0,4	0,2	0,2	0,2	0,3	0,3
– металлы, драгоценные камни и изделия из них	21,7	16,8	13,2	12,7	10,5	12,1	11,7
– машины, оборудование и транспортные средства	8,8	5,6	4,9	5,4	5,3	6,5	4,9
– прочие	1,5	1,0	0,9	2,3	1,4	1,6	1,5

Источник: составлено автором по данным [223]

По объему и доле в экспорте высокотехнологичной продукции Россия отстает не только от развитых, но и ряда развивающихся стран мира: в 1,8 раза – от Великобритании и в 2 раза – от Германии и Китая. Доля машиностроительной продукции в товарной структуре российского экспорта занимает всего 5 %, в то время как аналогичный показатель развитых стран сохраняется на уровне 30-45%, а развивающихся – 47-53% [223].

При этом следует сказать, что показатель участия РФ в глобальных цепочках создания продукции с высокой долей добавленной стоимости выше среднемирового значения. Однако по данным ОЭСР [183] это, в большей степени, связано с интеграцией России как поставщика ресурсов, что говорит не столько о появлении и развитии новых конкурентоспособных производств, сколько

позволяет вновь сконцентрироваться на получении финансовых выгод от экспорта ресурсов и ведет к расширению присутствия традиционных экспортно-сырьевых отраслей в российской экономике.

Товарная структура российского импорта (таблица 2.17), с преобладающей долей машиностроительной и интеллектуальной продукции, также мало вписывается в тенденции развития мирового импорта, не только не способствуя модернизации отечественного производства, но и сдерживая его развитие.

Таблица 2.17 – Товарная структура российского импорта за ряд лет, в процентах к итогу

Показатель	Годы						
	2000	2005	2008	2010	2014	2018	2019
Импорт, всего	100	100	100	100	100	100	100
в том числе:							
– продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье	21,8	17,7	13,2	15,9	13,9	12,4	11,8
– минеральные продукты	6,3	3,1	3,1	2,3	2,6	2,1	2,2
– продукция химической промышленности, каучук	18,0	16,5	13,2	16,1	16,2	18,3	18,1
– кожевенное сырье, пушнина и изделия из них	0,4	0,3	0,4	0,5	0,4	0,5	0,4
– древесина и целлюлозно-бумажные изделия	3,8	3,3	2,4	2,6	2,1	1,6	1,5
– текстиль, текстильные изделия и обувь	5,9	3,7	4,4	6,2	5,7	6,2	6,5
– металлы, драгоценные камни и изделия из них	8,3	7,7	7,2	7,3	7,1	7,5	7,6
– машины, оборудование и транспортные средства	31,4	44,0	52,7	44,4	47,6	47,3	48,4
– прочие	4,1	3,7	3,4	4,7	4,4	4,0	3,3

Источник: составлено автором по данным [223]

Во-первых, в связи с тем, что значительная доля импорта в основном приходится не на оборудование и технологии для переоснащения производств, а на потребительские товары длительного пользования (бытовая техника, автомобили, информационные устройства). Во-вторых, те зарубежные технологии, которые все же закупаются для развития производственного сектора, надо признать, являются не самыми прогрессивными, поэтому увеличивающейся их объем вряд ли способен качественно изменить структуру средств производства. В конечном счете,

сложившиеся структуры экспорта и импорта страны, являясь результатом структурной деиндустриализации российской экономики, не только не способствуют позитивным изменениям, но и усиливают ее «структурный перекос», ограничивая возможности наращивания желаемых структурных трансформаций за счет притока капитала от высокотехнологичного экспорта.

В российской экономике деиндустриализация – это переход от позднеиндустриальной к раннеиндустриальной экономике. Мы полагаем, что совокупность негативных процессов в комплексе структуры народного хозяйства можно охарактеризовать как структурную деиндустриализацию российской экономики. Мы представляем ее как форму причинно-следственной связи структурных проблем российской экономики (вызванных нерегулируемой структурной трансформацией) и ее макроэкономической нестабильности, прежде всего, основных воспроизводственных показателей (инвестиций, занятости, накопления). То есть, мы говорим о деиндустриальном характере связи неуправляемой структурной трансформации и макроэкономической нестабильности, который образует замкнутую цепь из внутреннего (воспроизводство) и внешнего кругов соединения воспроизводственных проблем, трансляции внешних шоков в национальную экономику и изменений в ее структуре (рисунок 2.2), а также обратного влияния макроэкономической нестабильности на структурную трансформацию экономики – рисунок 2.3.

Рисунки 2.2 и 2.3 отображают действие принципа обоюдной связи структурной трансформации экономики и ее макроэкономической нестабильности, когда структурные проблемы производства, такие как сокращение инвестиционных ресурсов частного сектора и снижение эффективности государственных и частных инвестиций, старение основного капитала и технологическая примитивизация производства, образуя цепную зависимость, транслируют внешние шоки в экономику через деформацию в отраслевой, факторной, секторальной структуре, в процессе снижения производства добавленной стоимости и производительности труда, роста импортозависимости и технологического отставания.

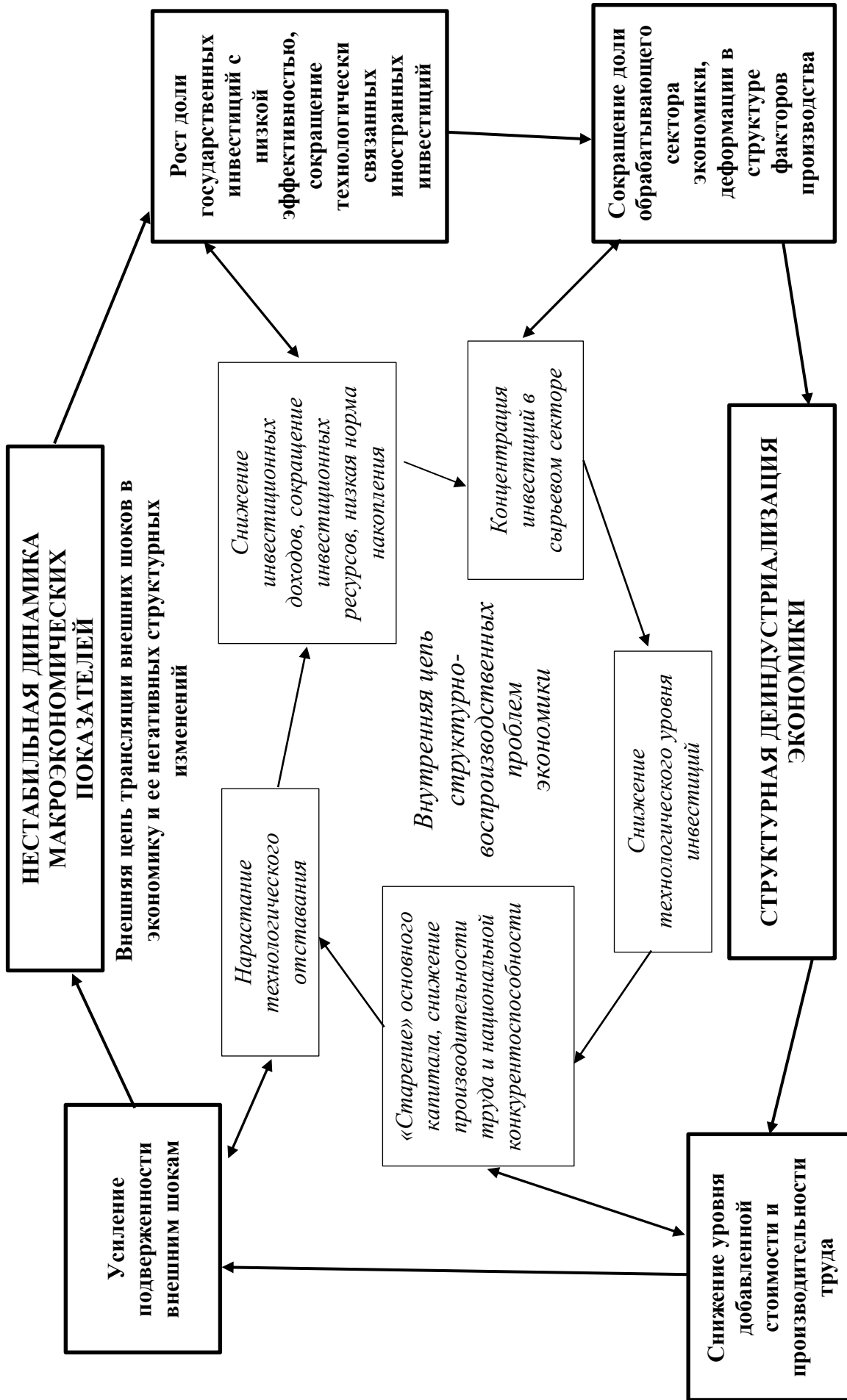

Рисунок 2.2 – Цепи соединения трансляции внешних шоков, воспроизводственных проблем экономики и ее структурной деиндустриализации в макроэкономическую нестабильность

Источник: составлен автором

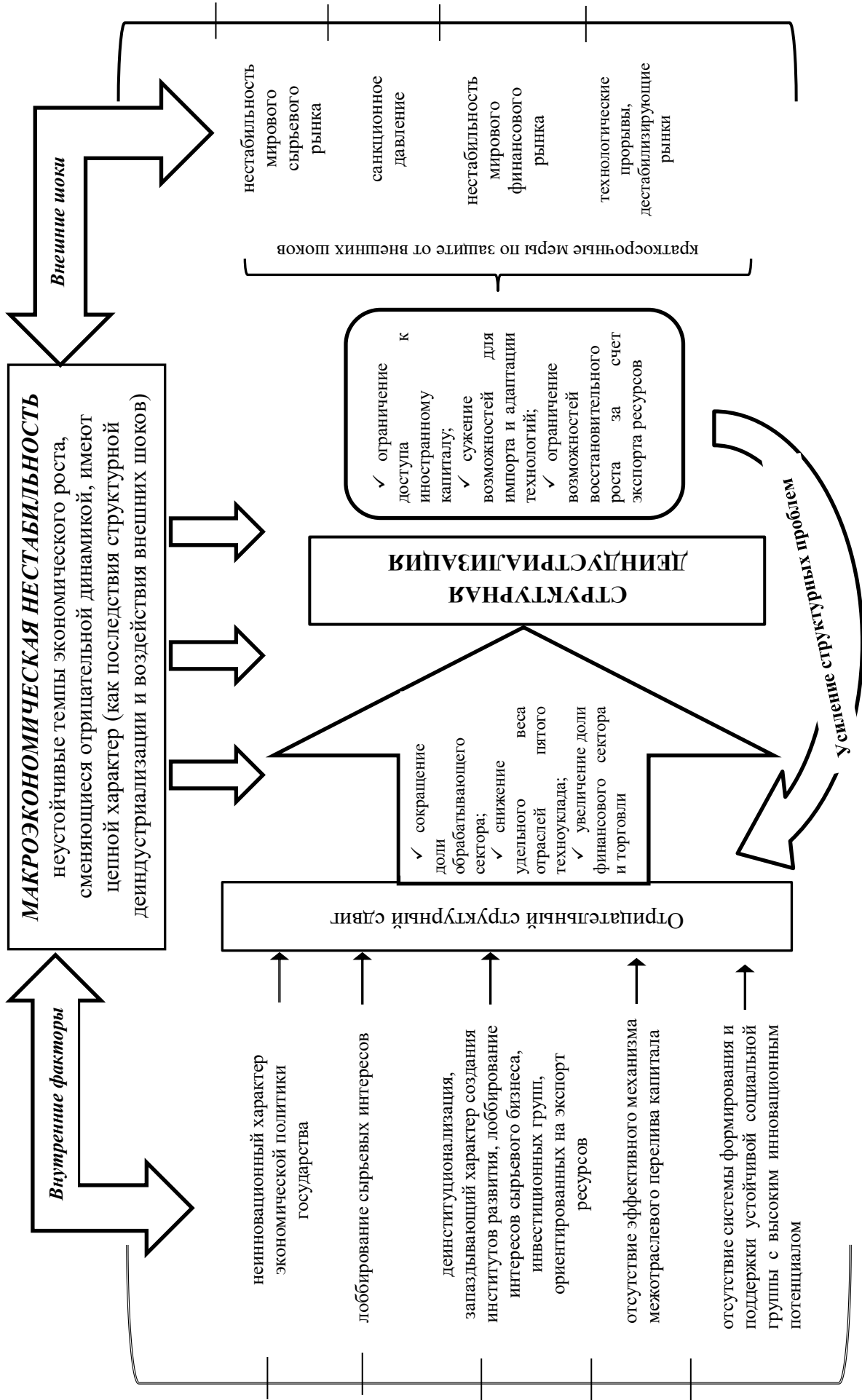

Рисунок 2.3 – Цель трансляции макроэкономической нестабильности в структурную деиндустриализацию российской экономики

Источник: составлен автором

В результате усиление макроэкономической нестабильности, через действие внешних (санкции, нестабильность мировых рынков сырья, дестабилизация рынков при технологических прорывах) и внутренних (отсутствие адекватной структурной политики, затруднения в межотраслевом перетоке капитала и пр.) сил, определяет деиндустриальный характер структурной трансформации в ходе серии негативных структурных сдвигов.

При этом структурная деиндустриализация экономики закрепляет ее макронестабильность, ухудшая условия структурной трансформации.

Учитывая наличие первого и второго кругов связи структурной трансформации и макроэкономической нестабильности в российской экономике, нами были определены и возможные места «разрывов» порочных тенденций.

В случае цепи воспроизводственных проблем такой «разрыв» должен происходить на этапе создания условий для повышения инвестиционных средств за счет увеличения темпов роста накопления в экономике, стимулирования сбережений, роста реальных доходов при одновременном формировании эффективного механизма перелива капитала.

В случае цепи влияния структурной трансформации на макроэкономическую нестабильность местом «разрыва» является создание благоприятных условий для роста производительности труда и добавленной стоимости, которые должны стать результатом продуманной структурной политики, учитывающей истинные причины макроэкономической нестабильности – структурно-дегенеративные.

В этой связи преодоление макроэкономической нестабильности и выход на траекторию стабилизации требуют незамедлительной реализации специальной структурной политики государства как системной и долгосрочной основы улучшения воспроизводственных условий экономики и защиты от внешних вызовов.

2.3 Периоды и индикаторы оценки взаимного влияния структурной трансформации экономики и макроэкономической нестабильности

Как было показано в п. 2.2 диссертации, макроэкономическая нестабильность и структурная трансформация экономики находятся в обоюдной причинно-следственной связи. В частности, связь трансляции внешних шоков, воспроизводственных проблем экономики и ее структурной деиндустриализации носит цепной характер – внутренний круг структурных проблем экономики связан с ее воспроизводственной системой (замедление обновления основного капитала и сокращение инвестиций, старение средств производства и технологическое отставание), а внешний – с «провоцированием» образующейся структурной деиндустриализацией усиления макроэкономической нестабильности – через промышленный спад, снижение добавленной стоимости, экспортно-сырьевую зависимость бюджета и проникновение шоков мирового сырьевого, финансового рынка в национальную экономику (рисунок 2.2). И напротив, макроэкономическая нестабильность, через неопределенность инвесторов и высокие риски, через отток капитала и сокращение рабочих мест в обрабатывающем секторе, через снижение совокупного спроса усугубляет структурные проблемы (рисунок 2.3).

Наложив наши выводы относительно цепной взаимной связи структурной деиндустриализации и макроэкономической нестабильности на анализ дестабилизационных процессов и структурной деградации российской экономики в ходе рыночных реформ (рисунки 2.2-2.3, таблицы 2.4-2.17), мы выделили ряд периодов, в которые происходило характерное возрастание макроэкономической нестабильности, инспирируемое проявлением структурных диспропорций сообразно специфике рыночных преобразований экономики России:

1. Дорыночный период (с окончания послевоенного восстановления в 1950-х гг. по 1980-е гг.), хронологически связанный с дореформенной экономикой, в которой с 1970-х гг. наметились значительные структурные «перекосы», а в 1987 г.

бюджетный дефицит достиг 30% от ВВП [48]. Так, пропорции в системе воспроизводства экономики СССР тяготели к уменьшению выпуска предметов потребления за счет роста выпуска средств производства. До 1940-х гг. доля отраслей, работающих на потребительский сектор советской экономики, составляла 39%, в 1960 г. – 27,5%, в 1970 г. – 26,6%, в 1980 г. – 26,2%. Напротив, доля выпуска средств производства в СССР достигала 72% [48].

На этом основании можно утверждать, что в дореформенном периоде были заложены предпосылки структурной деиндустриализации российской экономики, такие как гипертрофированно большая роль военно-промышленного комплекса в экономике, заложившая основу рыночной непривлекательности научно-технологических разработок, оторванность от мирового инновационно-технологического рынка и ключевая роль сырьевого сектора в обеспечении доходов государства, национальной конкурентоспособности и личных доходов. Структурная деиндустриализация экономики в итоге приобрела милитаризационную форму, с характерными препятствиями межотраслевого и межсекторного перетока капитала и ресурсов.

2. Рыночно-переходный период (1992-2001 гг.), в течение которого макроэкономическая нестабильность была вызвана такими процессами радикальных рыночных реформ, как переход от плановых к рыночным ценам, массовая приватизация, наращивание внешнего долга и эмиссионное финансирование дефицита госбюджета, отказ от поддержки промышленности и рост теневой экономики. В результате в 1992 г. рост цен превысил 26 раз, в 1993 – 9 раз, за период 1992-1995 гг. кумулятивный спад ВВП достиг 40% от уровня 1991 г., а располагаемых денежных доходов – 80% (рисунок 2.1), ежегодные колебания обменного курса рубля превышали 60%, доля убыточных фирм официально приблизилась к 75% [150, с. 78].

В результате структурная трансформация российской экономики получила характер «структурного шока», при котором снижение производительности труда достигало 10% ежегодно, а фондовооруженности – 7%, индекса промышленного производства – 25% (таблицы 2.4-2.5, Приложение А), валовое накопление

снизилось с более чем 30% в 1990-м г. до 14,9% в 1998 г. (таблица 2.6), сальдо инвестиций достигло – 23% в 1996 г. (таблица 2.7), а средний возраст основного капитала – 40 лет в 1998 г. (Приложение Г), доля промышленности в ВВП сократилась с 60 до 25%, равно как и внутреннее потребление ресурсов (нефти – на 31%, стали – на 46%, угля – в 2,7 раза) и инвестиций – с 40 до 20% от ВВП [75, с. 6-7].

Формой структурной деиндустриализации российской экономики на первоначальном этапе реформ можно считать дезинтеграцию ее сырьевой и обрабатывающей сфер, при которых произошло разъединение прежде в плановой экономике единого круга движения капитала, трудовых ресурсов, научного обеспечения, по причине массового банкротства предприятий, фактической остановки госфинансирования научных исследований. В результате энтропия мирового финансового, сырьевого, потребительского рынков получила прямое влияние на российскую экономику, поскольку цепочки производства добавленной стоимости внутри страны оказались разорваны.

3. Конъюнктурно-рыночный период (2002-2012 гг.), для которого было характерно формирование нового «структурного перекоса», во многом происходившего из гипертрофированной ресурсной обеспеченности советского ВПК и последующего разрыва межхозяйственных связей в обрабатывающем секторе. Восстановление благоприятной конъюнктуры на рынке сырья (рост цен на нефть в 2001-2008 гг. 230%, на уголь – 160%, сталь – 86% %, алюминий – 79% [162]) привел к росту ВВП на 56% в ценах 2003 г., бюджетных доходов в 4,4 раза, располагаемых доходов – в 6,5 раз (рисунок 2.1). Вместе с тем, отток капитала в 2010-2012 гг. в среднем на 80 млрд. долл. в год [86], аккумуляция стабилизационного фонда (общим объемом 158 млрд. долл. к 2008 г. [102]) вместо создания национальных инвестиционных фондов, привели к углублению диспропорций в воспроизводственной структуре. Это послужило технологически дегенеративному развитию обрабатывающего сектора и превалированию отраслей добычи и первичной переработки сырья в инвестициях (двукратное превышение

над отраслями глубокой переработки, Приложение В), в бюджетных доходах (до 65%), в экспорте – в шесть раз за 2002-2012 гг.

В результате проявление макроэкономической нестабильности в российской экономике в 2001-2012 гг. приняло скачкообразный характер, с неустойчивым ростом ВВП (от 7,3% в 2003-2004 гг. до -7,8% в 2009 г. – рисунок 2.1), скачкообразным ростом цен и девальвацией (с пиками в 32% в 2008-2009 гг.). Такое дискретное проявление нестабильности свидетельствует о накоплении определенного потенциала кризисов, в ходе которых происходит быстрое перемещение финансовых, материальных ресурсов, деловой активности, между отраслями и секторами экономики, ухудшая при этом не только макроэкономическую динамику, но и ее структурные пропорции.

Таким образом, структурная деиндустриализация в российской экономике в 2002-2012 гг. имела сырьевую форму, оформившуюся к середине 2010-х гг. в виде структурного кризиса.

4. Технологическо-застойный период (2013 г. – н.в.), на котором структурный кризис окончательно закрепил технологическую примитивизацию как доминантный тип структурной трансформации российской экономики. Бюджетная зависимость от сырьевого сектора достигла 75%, рост производительности труда с 2013 г. не превышает 1% (таблица 2.4), капитализация российских компаний снизилась в 2,7 раз за 2008-2015 гг. [150], убытки государственных корпораций достигли 15 млрд. долл. к 2019 г. [198], число субъектов бизнеса сократилось за 2013-2018 гг. на 17%. Если в технологически передовых странах в условиях быстрой экспансии современных технологий ускоряются воспроизводственные процессы, то в российской экономике технологически связанные прямые иностранные инвестиции сократились в 17 раз за 2013-2019 гг. [169], место страны в ряду промышленно развитых государств по уровню технологической сложности (т.н. «гарвардский индекс» – Economic Complexity Index) снизилось с 30 места в 1999 г. до 49 места в 2016 г. [310], а доля предприятий, внедряющих инновации – с 15% до 11% (по сравнению с 60% в Китае, 65% в Южной Корее, 70% в США) [162].

В 2014 г. экспорт нефти составил 64% от выпуска нефтепродуктов, газа – 35%, угля – 43%.

В результате макроэкономическая динамика образовала рецессивный тренд с «околонулевыми» темпами роста, не превышающими 1,5%, с отрицательным пиком в -3,6% в 2015 г., с 85%-й девальвацией в 2014-2015 гг., с отрицательным приростом личных располагаемых доходов с 2013 г. (с пиком в -6% в 2016 г. – рисунок 2.1). Такая динамика соответствует переходу от колебательной дестабилизации к долгосрочной, при которой возврат к позитивным трендам крайне затруднителен, поскольку технологическая форма структурной деиндустриализации экономики «провоцирует» дальнейшее ухудшение воспроизводственной, технологической структуры, снижение сложности экспорта, усиление монополизации промышленности.

В систематизированном виде связь периодов нарастания макроэкономической нестабильности и структурной деиндустриализации российской экономики отражена в таблице 2.18.

Таблица 2.18 – Смена периодов взаимного усиления макроэкономической нестабильности и структурной деиндустриализации российской экономики в условиях рыночных преобразований

	Периоды нарастания макроэкономической нестабильности в российской экономике, обусловленные особенностями ее рыночных преобразований			
	1. Дорыночный (дореформенный)	2. Рыночно-переходный	3. Конъюнктурно-рыночный	4. Технологическо-застойный
	до 1992 г.	1992-2001 гг.	2002-2012 гг.	2013 г. – н.в.
1	2	3	4	5
Специфика структурной трансформации экономики	Огосударствление экономики, доминирование сектора выпуска средств производства и военно-промышленного комплекса	«Структурный шок» – значительное сокращение доли промышленности в ВВП	«Структурный перекося» – доминирование сырьевых отраслей в инвестициях, бюджетных доходах, экспорте	«Технологический консерватизм» – использование устаревших производственных технологий, дальнейшее ухудшение воспроизводственной, технологической структур, снижение сложности экспорта, усиление монополизации промышленности

Продолжение таблицы 2.18

1	2	3	4	5
Характер проявления макроэкономической нестабильности	Бюджетный дефицит в позднем СССР, диспропорции плановых цен	Гипер- и высокая инфляция, рост безработицы, неплатежи, кризисный спад ВВП	Нестабильная динамика ВВП, скачкообразная девальвация и инфляция	Сокращение количества субъектов предпринимательства, падение капитализации российских компаний, рецессивные процессы, кризис частных автономных инвестиций
Формы структурной деиндустриализации	Милитаризационная – экспансия военно-промышленного комплекса в инвестициях и технологиях	Дезинтеграционная – коллапс обрабатывающих отраслей при переходе к рынку с массовым разрывом межфирменных связей	Сырьевая – перераспределение факторов производства в пользу сырьевого сектора	Технологическая – потеря технологической идентичности поздне-индустриальной экономики

Источник: разработано автором

Количественная оценка периодов связи макроэкономической нестабильности и структурной деиндустриализации в России была получена нами в ходе расчета интегральных индексов макроэкономической нестабильности и структурной трансформации экономики. При их определении была использована система индикаторов, отражающих изменения в различных видах структуры экономики, равно как и динамику ряда макроэкономических показателей, волатильность которых свидетельствует о дестабилизации таких макроуровневых процессов, как производство ВВП, накопление капитала, рыночное ценообразование и распределение доходов.

Следует отметить, что для количественной оценки процессов, составляющих трансформацию структуры национальной экономики, в их сдвиговой и постепенной формах, достаточно широко применяются индексы структурных сдвигов. В общем виде большинством авторов они определяются как отношение последующего и предыдущего значений определенного вида структурных пропорций за определенный период времени [35, 90, 251, 303].

Для количественной оценки макроэкономической нестабильности экономическая наука располагает рядом методик, которые связывают ее с волатильностью различных динамических процессов, используя их изменчивость в качестве индикатора дестабилизации основных макропоказателей (ВВП, занятости, инфляции и пр.):

- индекс ВИКС (VIX Index) – усредненное отношение курсов опционов акций 500 мировых топ-компаний из листинга международного информационного агентства «Стандарт энд Пуэрз» (Standard and Poors – 500) к их номинальной стоимости. Он признается некоторыми экономистами как опережающий индикатор дестабилизации мировой экономики («Индекс страха») [283];

- индекс реальных потребительских расходов (PCE), который, по мнению ряда экономистов, отражает большинство макроэкономических трендов [268];

- индекс сбывшихся прогнозов (Implied Volatility Index) – уровень сбываемости прогнозов волатильности ВВП, занятости и безработицы, потребительских и оптовых цен, промышленного производства, процентных ставок и курсов валют [300];

- индекс финансового стресса – отношение разницы значения определенного показателя и его межвременного среднего к его межвременному стандартному отклонению. В качестве показателей авторами данной методики были использованы цена на нефть, индекс РТС и курс доллара [120].

Данные методики расчета комплексных показателей макроэкономической нестабильности, как и ряд других, ориентированы на такие важнейшие индикаторы изменчивости макроэкономических процессов, как фондовый и сырьевой рынки, курсы валют, однако не затрагивают эффективность использования факторов производства – труда и капитала, равно как и распределение доходов.

Поэтому мы определили требования к количественным показателям оценки взаимного воздействия структурной трансформации экономики и макроэкономической нестабильности следующим образом: обоюдная применимость (возможность оценивать оба данных феномена как взаимоопределяющие); соответствие общепринятым в российской и мировой

экономической науке критериям и показателям; однородность – наличие единой расчетной методики; комплексность – отражение целого ряда процессов, формирующих феномены макроэкономической нестабильности и структурной трансформации.

С учетом данных требований, нами были предложены следующие индикаторы:

1. Интегральный индекс макроэкономической нестабильности, объединяющий ряд своих критериальных индексов:

- индексы физического объема ВВП;
- индексы располагаемых денежных доходов населения;
- индексы производительности труда;
- индексы фондовооруженности;
- индексы занятости;
- индексы дефляции (в соответствии с рисунком 2.1).

2. Интегральный индекс структурной трансформации экономики, объединяющий соответствующие критериальные индексы:

– индекс изменения воспроизводственной структуры экономики, в расчет которого вошли компонентные индексы инвестиций в основной капитал, прямых иностранных инвестиций и нормы накопления;

– индекс изменения факторной структуры экономики, объединяющий в себе компонентные индексы соотношения инвестиций в НИОКР и средства производства, доли высокотехнологичного экспорта в ВВП, доли научно-исследовательского сектора (НИС) и НИОКР в ВВП;

– индекс изменения технологической структуры экономики, объединяющий компонентные индексы количества отечественных патентных заявок на 10 тыс. населения; количества организаций, осуществляющих технологические инновации; выпуска отраслей пятого технологического уклада;

– индекс изменения отраслевой структуры экономики, в расчет которого были включены компонентные индексы доли промышленности в целом в ВВП, доли обрабатывающей промышленности в ВВП, доли машиностроения в ВВП;

– индекс изменения социальной структуры экономики, объединяющий компонентные индексы количества занятых в промышленности, количества занятых в малом бизнесе, количества занятых исследованиями и разработками.

Для расчета данных интегральных, критериальных и компонентных индексов нами были использованы следующие формулы (2.1-2.5):

$$ИМІ = \prod_{i=1}^n КІМ_i \quad (2.1)$$

где:

ИМІ – интегральный индекс макроэкономической нестабильности;

КІМ_i – i-й критериальный индекс макроэкономической нестабильности (физического объема ВВП; располагаемых денежных доходов населения, производительности труда, фондовооруженности, занятости, дефляции); n, таким образом, равно шести:

$$КІМ_i = VM_1 / VM_0 \quad (2.2)$$

где:

VM₁ – значение макроэкономического показателя в текущем периоде; VM₀ – значение макроэкономического показателя в базовом периоде:

$$ИСТ = \prod_{j=1}^m КІС_j \quad (2.3)$$

где:

ИСТ – интегральный индекс структурной трансформации;

КІС_j – j-й критериальный индекс структурной трансформации (индексы изменений воспроизводственной, факторной, отраслевой, технологической, социальной структуры экономики); m, таким образом, равно пяти:

$$КІС_j = \prod_{k=1}^p КS_k \quad (2.4)$$

где:

KS_k – индикатор (компонентный индекс) изменения определенных структурных пропорций для j -го вида структуры экономики; в каждом KIS_j их количество (p) было взято равным 3:

$$KS_k = VS_1 / VS_0 \quad (2.5)$$

где:

VS_1 – значение определенных структурных пропорций в текущем периоде; VS_0 – значение определенных структурных пропорций в базовом периоде.

Границы значений интегральных индексов, следующие:

- для интегрального индекса структурной трансформации экономики: от 0 до 1 – означает негативные изменения макроэкономических пропорций, в целом, выше 1 – позитивные изменения;
- для интегрального индекса макроэкономической нестабильности: от 0 до 1 – негативные флуктуации, выше 1 – позитивные флуктуации; приближение к 1 означает сокращение волатильности макроэкономических показателей.

Предложенные нами индексы отражают изменения основных компонентов структуры национальной экономики – производственной, факторной, технологической, отраслевой, социальной, – путем выделения индикаторов этого процесса, соответствующих уровню проникновения новых технологий и развития отраслей, обеспечивающих их диффузию, их инвестиционного и социального обеспечения. Связь структурных изменений с макронестабильностью подчеркивают предложенные индексы макропоказателей, отражающие изменение производительности труда, состояния основного капитала, располагаемых доходов.

Для расчета представленных индексов (таблица 2.19) были использованы данные, содержащиеся в диссертации, в таблицах 2.4-2.17, а также публикуемые Росстатом [223], Центром стратегических разработок (ЦСР) [250], аналитическим центром при Правительстве РФ [13], данные национальных докладов Высшей

школы экономики [9], информационного портала мирового развития TrendEconomy [162].

Результаты расчета критериальных и компонентных индексов структурной трансформации и макроэкономической нестабильности в российской экономике сведены в таблице 2.19 и рисунке 2.4, а интегральные индексы отражены на рисунке 2.5.

Как следует из анализа представленных в них расчетных данных, в рыночно-переходный период (1992-2001 гг.) рост диспропорций в технологической, факторной, отраслевой структуре послужил усилению макроэкономической нестабильности в ходе дезинтеграционной деиндустриализации экономики (со значительным падением обоих интегральных индексов ниже 1).

В дальнейшем, в первые годы после дефолта 1999 г. приток прямых технологически связанных иностранных инвестиций вместо спекулятивных, «оживление» обрабатывающих производств и рост нормы накопления привели к позитивному структурному сдвигу, в результате чего интегральный индекс структурной трансформации превысил уровень 2,5, а интегральный индекс макроэкономической нестабильности достиг 1.

Однако уже с 2002 г., с началом конъюнктурно-рыночного периода деиндустриализации российской экономики, интегральный индекс структурной трансформации значительно снизился до отметки 0,834 в 2006 г. и 0,362 в 2009 г. – за счет быстрого роста доли сырьевых отраслей в ВВП, личных и государственных доходов, инвестиций вследствие чрезмерной ориентации экономики на растущий мировой рынок сырья.

В дальнейшем, в 2008-2009 гг., кризисные процессы мирового рынка повлекли сокращение инвестиций и дальнейшее сокращение обрабатывающих отраслей, ухудшение социальной структуры. Вместе с тем, интегральный индекс макроэкономической нестабильности в десятилетие 2000-х гг. близок к 1 (с ростом до 1,134 в 2006 г. и спадом до 0,869 в 2009 г.).

Таблица 2.19 – Значения интегральных, критерияльных и компонентных индексов структурной трансформации и макроэкономической нестабильности в российской экономике

ИНДЕКСЫ	1992	1994	1996	1998	2000	2002	2004	2006	2008	2010	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	14	18	19
ИСТ	1,667	0,676	0,389	0,655	1,537	1,561	1,068	0,834	0,892	0,942	0,955	0,789	0,449	0,304	0,912	0,584	0,480	0,435
KS воспроизв. структуры	1,366	1,322	1,045	0,987	1,485	1,376	1,253	1,264	1,215	0,876	1,081	1,237	0,803	0,369	1,123	0,921	0,596	0,680
KS инвестиций в осн. капитал	0,875	0,823	0,912	0,88	1,174	1,175	1,081	1,085	1,095	1,063	1,068	1,008	0,956	0,899	0,998	1,044	0,976	0,985
KS прямых иностр. инвест.	1,563	1,61	1,163	1,125	1,283	1,182	1,163	1,167	1,112	0,823	1,014	1,231	0,841	0,411	1,128	0,881	0,612	0,692
KS нормы накопления	0,999	0,998	0,985	0,997	0,986	0,991	0,997	0,998	0,998	1,001	0,998	0,997	0,999	0,999	0,998	1,001	0,997	0,998
KS факторной структуры	1,033	0,839	0,721	0,836	1,051	1,050	1,037	1,084	0,959	1,003	0,957	0,920	0,902	0,870	0,910	0,883	0,920	0,893
KS доли НИС и НИОКР в ВВП	0,998	0,972	0,983	0,932	1,03	1,001	0,998	1,001	1,001	1,007	1,004	1,001	1,002	0,998	0,998	1,001	0,999	0,997
KS доли высокотехнологичного экспорта в ВВП	1,023	0,952	0,935	0,912	0,997	1,001	0,996	1,045	0,976	1,013	1,001	0,992	0,987	0,986	0,994	0,985	0,978	0,961
KS соотношения инвестиций в НИОКР и средства производства	1,012	0,907	0,785	0,983	1,023	1,048	1,043	1,036	0,982	0,983	0,952	0,926	0,912	0,884	0,917	0,896	0,942	0,932
KS технолог. структуры	0,825	0,728	0,542	0,940	1,130	1,084	1,001	0,761	0,962	0,931	1,122	0,894	0,765	1,058	0,804	0,776	0,999	0,829
KS выпуска отраслей 5-го технолог. уклада	0,975	0,896	0,825	1,065	0,975	0,951	0,985	1,027	1,042	0,987	1,014	0,928	1,035	0,958	0,998	0,969	0,952	0,951
KS количества организаций, осуществляющих технологические инновации	0,857	0,845	1,168	1,097	1,038	1,063	1,057	0,928	0,968	0,897	1,028	0,978	0,896	0,942	0,879	0,946	0,971	0,925
KS количества отечественных патентных заявок, на 10 тыс. населения	0,987	0,961	0,562	0,805	1,117	1,072	0,961	0,798	0,954	1,052	1,076	0,985	0,825	1,172	0,917	0,846	1,081	0,942
KS отраслевой структуры	0,999	0,735	0,806	0,883	0,883	0,903	0,751	0,744	0,911	1,205	0,868	0,853	0,865	1,028	1,183	0,929	0,942	0,938
KS доли промышленности в ВВП	0,992	0,928	0,961	0,978	0,948	1,055	0,981	1,035	1,035	1,027	1,026	0,985	1,017	1,024	1,023	1,017	0,975	0,983

Продолжение таблицы 2.19

	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19
КС доли обрабатывающей промышленности в ВВП	1,026	0,981	0,945	0,968	1,065	1,013	0,975	0,956	1,026	0,989	0,985	1,023	1,034	1,016	0,975	0,986	0,978	0,981
КС доли машиностроения в ВВП	0,982	0,807	0,888	0,933	0,875	0,845	0,785	0,752	0,858	1,186	0,859	0,847	0,823	0,988	1,186	0,926	0,988	0,973
КИС социальной структуры	1,433	1,140	1,183	0,957	0,987	1,104	1,095	1,076	0,873	0,957	0,949	0,909	0,937	0,874	0,939	0,998	0,931	0,921
КС количества занятых исследованиями и разработками	0,965	0,888	0,942	0,974	0,981	0,981	0,994	0,984	0,962	1,015	1,006	0,895	0,991	0,972	0,925	0,981	0,962	0,985
КС количества занятых в промышленности	1,023	0,893	0,975	0,945	0,983	1,057	1,042	1,012	0,982	0,986	0,986	1,002	0,982	0,991	0,992	0,976	0,993	0,971
ПИИ	0,00023	0,220	0,606	0,445	1,009	1,046	1,089	1,134	1,019	1,058	1,011	1,031	1,016	0,785	0,901	1,041	0,993	0,990
КИМ физического объема ВВП	0,838	0,876	0,964	0,947	1,1	1,047	1,072	1,082	1,052	1,045	1,037	1,018	1,007	0,977	1,003	1,016	1,023	1,012
КИМ располагаемых денежных доходов населения	0,673	0,811	0,897	0,934	1,12	1,068	1,093	1,086	1,024	1,059	1,046	1,04	0,993	0,968	0,942	0,988	0,975	0,972
КИМ производительности труда	0,958	0,912	0,935	0,965	1,012	1,084	1,034	1,042	1,048	1,032	1,019	1,022	1,007	0,989	1,002	1,019	1,013	1,028
КИМ фондовооруженности	0,986	0,974	0,963	0,979	1,013	1,002	1,016	1,015	1,029	1,022	0,993	1,008	1,135	0,968	1,009	1,039	1,024	1,013
КИМ занятости	0,997	0,979	0,996	0,982	1,001	1,016	1,003	1,002	1,012	0,984	1,008	1,011	1,003	0,995	1,001	1,005	1,003	0,997
КИМ дефляции (инфляции)	0,00043	0,356	0,782	0,542	0,798	0,848	0,882	0,911	0,867	0,921	0,914	0,935	0,886	0,871	0,942	0,975	0,957	0,969

Источник: рассчитано автором по данным [9, 13, 162, 223, 250]

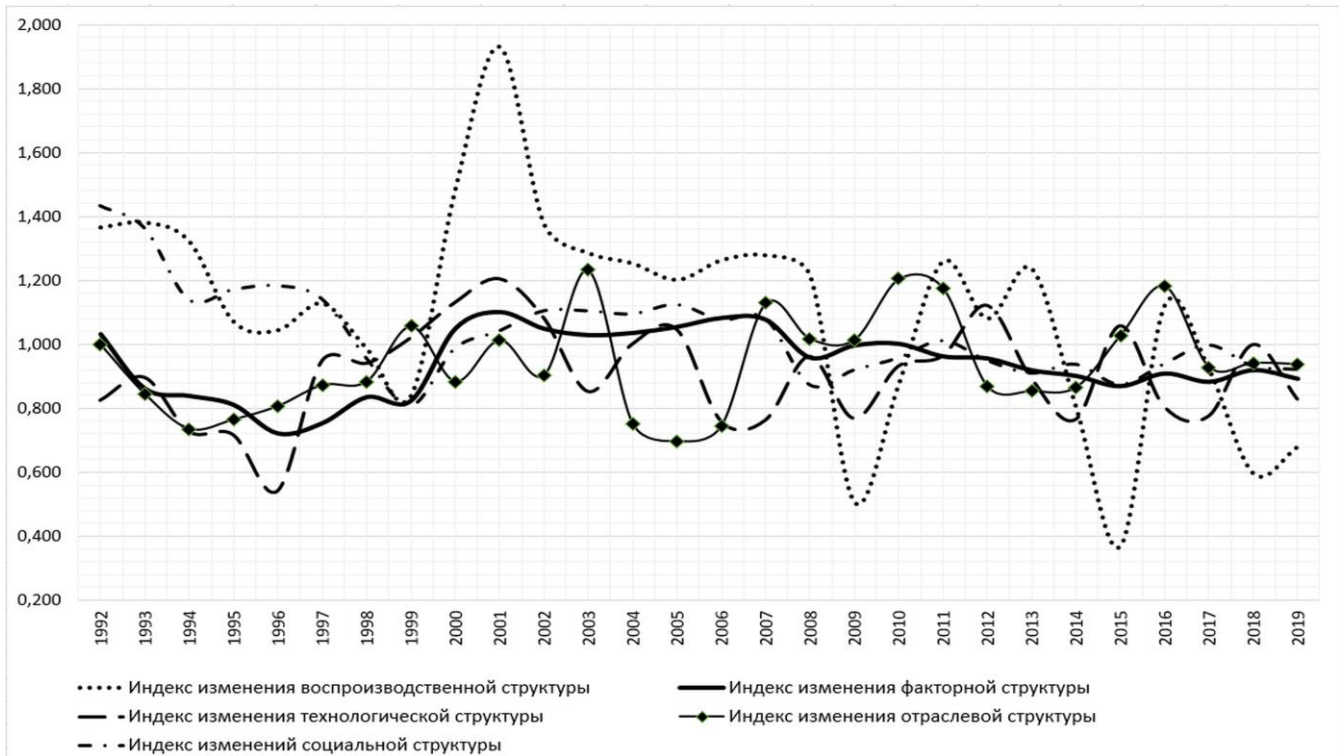

Рисунок 2.4 – Динамика критериальных индексов структурной трансформации российской экономики

Источник: построен автором по данным [9, 13, 162, 223, 250]

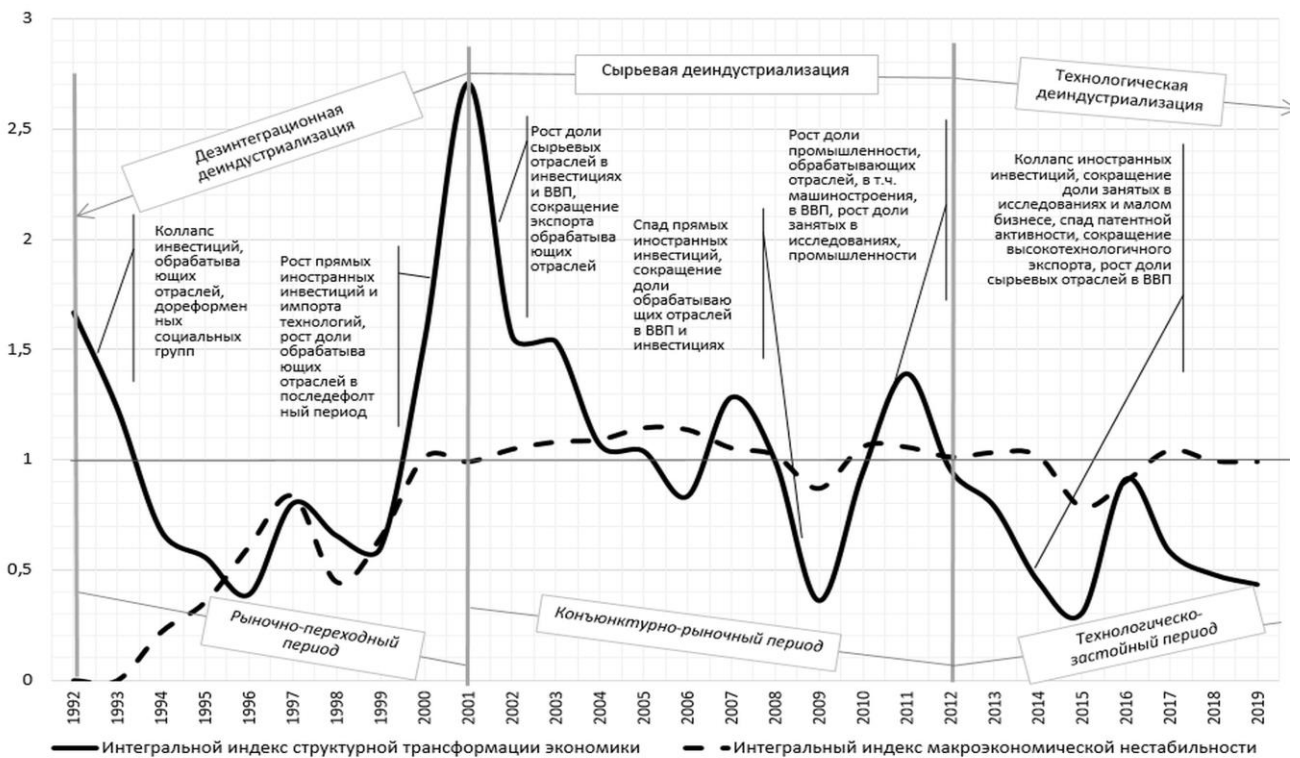

Рисунок 2.5 – Динамика интегральных индексов структурной трансформации и макроэкономической нестабильности российской экономики

Источник: построен автором по данным [9, 13, 162, 223, 250]

Период стабилизации, вызванный исключительно благоприятной внешней конъюнктурой, сопровождался усилением структурных диспропорций, с падением интегрального индекса структурной трансформации в 2009 г. до уровня 1995 г. (порядка 0,5).

По мере исчерпания глобальных последствий кризиса 2008 г. в российской экономике произошло дальнейшее ухудшение структурных пропорций, четко обозначившее технологическо-застойный период деиндустриализации.

Наращение технологического отставания от передовых стран, концентрации инвестиций в сырьевом комплексе, который стал доминировать в экспортных поступлениях и государственных доходах, усилило подверженность экономики России внешним шокам (с падением интегрального индекса структурной трансформации до 0,369 в 2015 г.). В результате нарастание волатильности мирового рынка, санкционное давление, отток капитала привели к двукратной девальвации, закреплению рецессивного тренда и стагнации располагаемых доходов (интегральный индекс макронестабильности в 2015 г. опустился до 0,785).

В дальнейшем, по мере стабилизации темпов инфляции и курсов валют с 2016 г., структурные пропорции российской экономики продолжают ухудшаться (интегральный индекс структурной трансформации в 2019 г. составил 0,435), что свидетельствует о наличии значительных дестабилизирующих факторов, препятствующих выходу на траекторию стабильного экономического роста и усиливающих опасность макродестабилизации в будущем.

Для преодоления тесной связи макроэкономической нестабильности и деиндустриального типа структурной трансформации российской экономики требуется структурная политика, учитывающая макростабилизационный и антирецессивный императивы.

Глава 3 Основные направления макростабилизирующей структурной политики государства

3.1 Макростабилизация и антирецессивная роль структурной политики в защите экономики от внешних шоков

Под шокowymi явлениями в экономике мы понимаем трудно прогнозируемые негативные процессы, проявляющиеся полномасштабно и в явной форме, определяемые преимущественно нециклическим характером возникновения. Такие шоки могут быть эндогенными (имеющими чисто экономическую природу) и экзогенными (технологическими, политическими, природными), а также внутренними (связанными со спросом и предложением денег, сырья и капитала, с производительностью труда и пр.) и внешними; при этом оказывающими воздействие как на конъюнктуру рынка, так и на структуру экономики [159]. К примеру, прискорбным следствием внешнего экзогенного шока, вызванного пандемией COVID-19 является сокращение российского населения более чем на 510 тыс. человек в 2020 г. (по предварительной оценке на 1 января 2021 г. [223]), что в совокупности с девальвацией привело к внутреннему шоку совокупного спроса.

Теории и практике известно множество источников внешних шоков, которые, в рамках настоящего исследования, целесообразно классифицировать с точки зрения степени их влияния на макроэкономическую динамику стран с переходной экономикой, к числу которых относится и Россия. Так, в трудах Ф. Роча [302], Б. Грусса, М. Набара [279], Т. Кинды [285], З.А. Пилипенко [160], С. Сосы [306] описано влияние конъюнктурных шоков на динамику макроэкономических показателей стран с высокой долей сырьевого экспорта. К числу конъюнктурных

шоков ученые относят шоки условий внешней торговли (резкое падение цен на важнейшие экспортные товары или столь же резкое увеличение цен на импортные товары), шоки спроса, предложения на мировых рынках энергоресурсов, являющиеся, как правило, результатом действия совокупности факторов, определяющих состояние мировой экономики и финансовой системы. В частности, исследование М.Г. Тиуновой [211] наглядно демонстрирует увеличение уровня неопределенности и рисков в российской экономике по мере ухудшений условий внешней торговли. Влияние таких шоков на структуру российской экономики опосредуется следующим: бюджетобразующей ролью сырьевого сектора (финансовое состояние сырьевых холдингов); слабодиверсифицированной структурой промышленного производства (зависимость от импорта технологий, инвестиционных и потребительских товаров); степенью вовлеченности национальной экономики в глобальные производственные цепочки (мировые цены и спрос на сырье). Воздействие конъюнктурных шоков на российскую экономику носит перманентный характер сохраняющегося деиндустриального тренда в промышленности. Конъюнктурно-рыночный период (2002-2012 гг.) возрастания макроэкономической нестабильности (п. 2.3 диссертации), характеризующейся благоприятной внешнеэкономической конъюнктурой и нарастанием структурных диспропорций, наглядно показал зависимость ускорения темпов экономического роста от улучшения динамики на сырьевых рынках (2002-2007 гг.). Однако эти процессы носили кратковременный характер, и новые конъюнктурные шоки в условиях стагнации индикаторов структурной трансформации экономики (норма накопления, доля государственных расходов на научные исследования и разработки, инвестиции в основной капитал, затраты корпоративного сектора на НИОКР и пр.) неизбежно оказали дестабилизирующее воздействие, определяя и более глубокие спады (относительно развитых стран мира) в кризисные годы (рисунок 2.2).

Финансовые шоки как современный этап развития мировой системы анализируют в своих трудах М. Вульф, В.А. Цветков [238], С.С. Дзарасов, Г. Рапопорт, А. Герц [173], В.И. Данилов-Данильян. В качестве особенностей таких

шоков ученые выделяют существенный рост спекулятивных операций на отдельных товарных рынках (в том числе рынке нефти), результатом которого становится полное обособление биржевого сектора от реальной динамики производства. Так, С.С. Дзарасов утверждал, что мир к кризису 2008 года привели именно открывшиеся возможности финансовых спекуляций и бездействия правительств в этом отношении [62]. Последствия финансовых шоков для экономик переходного типа проявили себя в устойчивых тенденциях обесценивания национальных денежных единиц, сокращения совокупного спроса и деловой активности, бюджетном кризисе, оказав существенное дестабилизирующее воздействие на экономику и перераспределив таким образом ресурсы в пользу более технологически примитивных производств и грюндерства, усилив деиндустриальный структурный тренд. При этом последствия мирового финансового кризиса 2008 г. для российской экономики были одними из самых глубоких и продолжительных, проявляя себя в существенном спаде ВВП, объема экспорта, нормы накопления, частных инвестиций, завершившись массовым оттоком капитала из страны и углублением структурно-воспроизводственных проблем (п.2.1 диссертации).

Кроме всего прочего, для экономики России как экономики с относительно невысокой долей мирового рынка (доля российского ВВП в мировом в 2019 г. составляла всего 3,07%), существенно ограничивающей ее влияние на мировую конъюнктуру (изменение условий торговли, соотношение спроса и предложения на товарных и финансовых рынках), финансовые шоки проявляются в том числе через монетарную политику, осуществляемую развитыми государствами. В частности, ослабление национальных валют по отношению к мировым валютам, снижение доходности по финансовым инструментам, удорожание обслуживания обязательств по корпоративному внешнему долгу и усиление оттока капитала – есть макроэкономическая реакция национальных экономик переходного типа на повышение мировой ставки процента по мере ужесточения монетарной политики развитых стран. В результате сокращается ресурсная основа позитивных сдвигов в отраслевой и секторальной структуре экономики.

Ряд экономистов приходит к выводу, что макроэкономическая нестабильность является прямым следствием воздействия на национальную экономику экзогенных политических шоков. В частности, эта идея прослеживается в трудах Н.И. Комкова [91], С.Ю. Глазьева [43], М.Г. Делягина [58], которые среди прочих отмечают дестабилизирующее воздействие на российскую экономику санкций, макроэкономической политики США, направленной на сохранение своего доминирующего положения в мирохозяйственном укладе, торговых войн США и Китая. Последствия санкционного давления со стороны западных государств и контрсанкции России, фактически лишаящие ее доступа к мировому рынку технологий и капитала, формируют для российской экономики внешние технологические и финансовые ограничения, в результате которых страдают российские производства как новейшего (6-го) технологического уклада, так и компании сырьевого сектора (в нефте- и газодобыче), а также обрабатывающие компании (прежде всего, в авиастроении, нефтехимии, производстве промышленных лазеров и сверхвысокочастотных устройств, биохимии). Нарастание технологического отставания российской экономики, ее дестабилизация в результате действия политических шоков стало возможным, с одной стороны, благодаря подчиненному положению в структуре мирового рынка технологий. С другой стороны, серия негативных сдвигов в технологической структуре экономики стала возможной вследствие игнорирования российским правительством на протяжении всего периода рыночных преобразований связи технологических проблем и внешних шоков (2008-2009 г., 2014 г., 2020 г.).

Справедливости ради стоит отметить, что в рамках реализации программы цифровой трансформации российской промышленности [174] уже разрабатываются и применяются передовые технологии (в том числе российского производства) в российских обрабатывающих холдингах машиностроения, приборостроения, авионики. Особенных успехов в этой области добилась металлургическая отрасль, в частности, такие компании, как «Северсталь», «Евраз», «НМЛК». Однако невысокое место данных отраслей – реципиентов новых отечественных технологий – в структуре глобальных производственных цепочек

[10] не снимает проблему дестабилизирующего влияния технологических шоков на экономику.

Формирование передового технологического уклада в результате ускорения научно-технической революции, масштабное распространение конвергентных технологий в мире существенно трансформируют структуру мировой экономики, важным звеном которой становятся новые мировые центры внедрения новейших технологий (Малайзия, Сингапур, Южная Корея). Для России, не вписывающейся в глобальный неоиндустриальный тренд, технологические шоки станут одними из наиболее существенных в ближайшей перспективе, на что в своих исследованиях указывают С.Ю. Глазьев [38, 44], Т.А. Малова [121] и др. Уже сейчас во многих обрабатывающих отраслях российской промышленности ввиду использования традиционных технологий (технологий 3-го и 4-го технологических укладов) фактически наступил предел производительности, при котором перераспределение инвестиций между отраслями и секторами экономики замедляется, и структурная трансформация объективно затрудняется.

На фоне протекающих технологических процессов в мире, в странах технологической периферии происходит постепенное замещение промышленного производства услугами, означающее структурную трансформацию деиндустриального типа без снижения макроэкономической нестабильности и достижения долговременного роста. Как свидетельствует Л. Пунзо, доходность традиционной сферы услуг, с одной стороны, ограничена ее низким инновационным потенциалом и уровнем квалификации рабочей силы, препятствующих расширению в структуре экономики информационно-коммуникационных, бизнес-услуг с высокой добавленной стоимостью, с другой – объемом внутреннего спроса на них [257]. Этот феномен Д. Родриком [178] был назван «преждевременной деиндустриализацией», применимой и к российской экономике. Такая связь технологических и эпидемиологических шоков ярко проявилась в условиях пандемии COVID-19, обозначив проблему максимальной дестабилизации занятости, товарооборота и доходов именно в сегменте низкотехнологичных услуг во всем мире.

Новейший экзогенный шок эпидемиологической природы в очередной раз демонстрирует высокую восприимчивость российской экономики, что проявляется в дестабилизации национальных макроэкономических показателей (сокращение ВВП во 2 и 3 квартале 2020 г. составило 8% и 3,5% соответственно; спад инвестиций за 9 месяцев 2020 г. превысил 6%, а сокращение промышленного производства – 3% [223]). «Новшество» этих шоков, как отмечает В.А. Мау, заключается в том, что никогда еще эпидемиологическая ситуация в мире не была источником дестабилизации для национальных экономик [128]. По мнению ученого, пандемия коронавируса, по большому счету, представляет собой агрегированный шок и вбирает в себя все существующие и воздействующие шоки на экономику России, усиливая их последствия и предавая им новый виток. В связи с этим возникает опасность продолжения негативных сдвигов в структуре российской экономики, в которой усиление макроэкономической нестабильности в результате «кумулятивного» внешнего шока 2020 г. создает условие перераспределения ресурсов в пользу технологически примитивных секторов и отраслей с низкой добавленной стоимостью и производительностью, замедляет воспроизводство основного капитала. В этих условиях перед российским государством в качестве важнейшей макроэкономической задачи стоит снижение подверженности экономики воздействию внешних шоков, переориентации преимущественно с краткосрочных адаптационных мероприятий на выработку долгосрочных мер структурной трансформации – воспроизводственных (создание механизма обеспечения перетока капитала в высокотехнологичные отрасли обрабатывающей промышленности; формирование новых субъектов, источников инвестирования, модификация связей между ними), институциональных (формирование высокотехнологического «лобби», институтов системы поощрения инновационного поведения).

В настоящее время в области промышленной, научно-технической политики, реализации национальных интересов Российской Федерации приняты и действуют нормативные документы, представленные в таблице 3.1.

Таблица 3.1 – Нормативная основа структурной политики в российской экономике и эффективность ее реализации

1	2	3	4	5	6
Субъекты	Нормативная основа	Инструменты	Характер действия	Связь с макроэкономической нестабильностью	Эффективность реализации в российской экономике
Правительство РФ	Закон О науке и государственной научно-технической политике от 23.08.1996 № 127-ФЗ	Прямые государственные инвестиции; экономические, налоговые, таможенные льготы стимулирования инновационной деятельности; создание системы государственных научных центров, фондов развития; охрана объектов интеллектуальной собственности; формирование спроса на результаты интеллектуальной деятельности через систему государственного заказа	Долгосрочный	Сокращение нестабильности через повышение конкурентоспособности экономики на основе создания инновационной инфраструктуры, повышение наукоемкости и технологичности промышленности, увеличение вклада науки в развитие производительных сил	Низкая эффективность системы институтов развития и защиты прав интеллектуальной собственности. Не созданы условия для стабильного притока инвестиций. Низкая отдача от инвестиций в обрабатывающем секторе ввиду технологической деградации
Правительство РФ	Закон О промышленной политике от 31.12.2014 № 488-ФЗ	Налоговые льготы; целевые кредиты; субсидирование производителей; кооперация инновационных предприятий; специальные инвестиционные контракты	В целом долгосрочный, однако многие меры носят краткосрочный характер	Стабилизация развития промышленного сектора через его диверсификацию, формирование высокоинтеллектуального, инновационного обрабатывающего сектора, переход к «постсырьевой» экономике с высокой добавленной стоимостью	Российские «производства полного цикла» фактически не созданы; средне- и высокотехнологичные производства ориентированы на использование импортных комплектующих. Заявленные инструменты не направлены на повышение технологического уровня экономики, поскольку не имеют критериев инновационности и технологичности

Продолжение таблицы 3.1

1	2	3	4	5	6
Правительство РФ	Государственная программа «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности» № 328 от 15.04.2014	Предоставление банкам компенсации при кредитовании экспорта; государственная поддержка реализации компаниями программ международной конкурентоспособности; содействие коммерциализации инноваций; гармонизация национальных и международных стандартов; поддержка внедрения «зеленых» технологий	В целом долгосрочный, однако многие меры носят краткосрочный характер	Стабилизация основных макроэкономических показателей (цен, издержек, ВВП) на основе развития собственных производств, импортозамещения по отраслям промышленности, ориентированным на инвестиционный спрос	«Точечный» характер предлагаемых мер, затрагивающий развитие отдельных производств. Ориентация не на создание полного цикла производства готовой продукции, а сборку преимущественно из импортных комплектующих
Правительство РФ; Минэкономразвития	ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации»; Указы «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года»; «О национальных целях развития России до 2030 года»	Стимулирование роста экспорта несырьевых неэнергетических товаров; увеличение доли малого и среднего бизнеса в структуре ВВП; рост инвестиций; экологизация промышленного производства; стимулирование отечественных разработок в сфере высоких технологий; полномасштабная цифровая трансформация промышленности и социальной сферы	Долгосрочный	Сокращение нестабильности через адаптацию экономики к конъюнктурным, технологическим внешним шокам посредством масштабных инвестиций в инновационно-технологическое развитие, в подготовку высококвалифицированных кадров для промышленности	Целевые показатели 2020 г. (по темпам роста ВВП, объему российского ВВП в мировом, по уровню доходов и качеству жизни населения, по показателям развития человеческого потенциала, уровню инновационной активности) не достигнуты. Снижение позиций РФ в ежегодном глобальном рейтинге инновационной активности (с 45 места в 2017 г. до 47 места в 2020 г.).

Продолжение таблицы 3.1

1	2	3	4	5	6
Правительство РФ	Сводная стратегия развития обрабатывающей промышленности Российской Федерации до 2024 года и на период до 2035 года; Стратегия развития электронной промышленности на период до 2030 года	Субсидирование затрат на НИР и НИОКР; инвестиционные налоговые льготы, развитие сегмента «длинных денег», ослабление административно-силового давления на субъекты бизнеса; содействие экспорту готовой продукции с высокой добавленной стоимостью; субсидирование расходов потребителей, льготное кредитование и развитие лизинга; развитие производственной кооперации и межотраслевой кластеризации	Долгосрочный	Обеспечение ускоренного экономического роста выше мировых и достижение стабилизации основных макроэкономических показателей за счет развития конкурентоспособных экспорториентированных секторов обрабатывающей и, в частности, электронной промышленности	Фактически не предусматривает стимулы для привлечения частных инвестиций в инновации, высокие технологии; не представлены инструменты развития сегмента «длинных денег»; фрагментарное создание инновационной инфраструктуры; не представлены механизмы встраивания российской промышленности в глобальные цепочки создания добавленной стоимости; не представлены формы и инструменты развития производственной кооперации
Правительство РФ	Федеральная целевая программа «Исследования и разработки по приоритетным направлениям развития научно-технологического комплекса России на 2014–2021 годы»	Прямое государственное финансирование НИОКР; внебюджетное софинансирование международных проектов; поддержка и развитие центров коллективного пользования; научным оборудованием; развитие информационной инфраструктуры; популяризация научных результатов и достижений	Краткосрочный	Ускорение экономического роста за счет сохранения преимуществ в топливно-энергетическом комплексе	Фактически сохраняется ведущую роль государства в финансировании НИОКР. Сохранение преимуществ для НИОКР в ТЭК и ОПК. Не созданы новые стимулы для притока технологически связанных иностранных инвестиций

Продолжение таблицы 3.1

1	2	3	4	5	6
Правительство РФ	Стратегия научно-технологического развития РФ 01.12.2016 № 642	Прямое государственное финансирование расходов на фундаментальную науку и НИОКР; создание Национальной технологической инициативы; стимулирование создания высокотехнологичных компаний, в том числе в рамках партнерств с иностранными компаниями; привлечение иностранных ученых и специалистов; снижение административных барьеров коммерциализации инноваций; создание сетевых и кластерных форм организации НИОКР; поддержка трансфера технологий; создание новых рынков высокотехнологичной продукции и стимулирование спроса на нее	С точки зрения достижения заявленных целей и сроков их реализации – документ ориентирован на краткосрочный период	Снижение уязвимости экономики к «большим вызовам» через сокращение технологического отставания и достижение технологической самостоятельности в критически важных сферах	Российская экономика остается высоко подтвержденной внешним шоком, в том числе экзотенной природы; доля инновационной продукции в общем объеме не претерпела существенных изменений, сохраняясь на уровне 8-9%; собственные российские разработки представлены всего в 5% глобальных научных и технологических областях передовых исследований; экспорт высокотехнологичной продукции остается менее 1%; сохраняется отрицательное сальдо ввоза/вывоза капитала; отсутствуют примеры сетевых форм эффективного научно-производственного взаимодействия
Минэкономразвития России	Стратегия экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года	Увеличение научно-производственного потенциала ОПК и использование его для развития производств гражданского назначения; оптимизация регуляторной и налоговой нагрузки на бизнес; поддержка высокотехнологичного малого и среднего бизнеса; технологическая модернизация базовых отраслей; совершенствование защиты прав интеллектуальной собственности	Долгосрочный	Повышение устойчивости экономики к воздействию внутренних и внешних вызовов в ресурсно-сырьевой, научно-технологической и финансовых сферах глобального характера	Адаптации экономики к внешним шокам путем «замыкания» инвестиционных потоков в сырьевых отраслях и ОПК. Провал позиционирования России на международных рынках высоких технологий, поскольку не предусмотрена интеграция российского сектора НИОКР в глобальную инновационную систему

Продолжение таблицы 3.1

1	2	3	4	5	6
Правительство РФ	Стратегия развития информационного общества в РФ на 2017-2030 гг.	Развитие индустриального интернета и интернета вещей, инфраструктуры электронного правительства, облачных и распределенных вычислений, технологий анализа Big Data; государственно-частное инвестирование IT.	Долгосрочный	Сокращение нестабильности через обеспечение технологической, производственной независимости на основе развития, интенсификации, производства и использования российских технологий	Сохранение отстающих позиций в мире по направлениям, развитию которых предусмотрено, в том числе, указанной Стратегией (развитие инновационной инфраструктуры, экономики знаний, институтов; качество регулирования и пр.)
Правительство РФ	Программа «Цифровая экономика Российской Федерации» от 28.06.2017 № 1632-р	Создание экосистемы цифровой экономики; формирование цифровых компетенций; создание центров развития и передачи цифровых технологий; инвестиционная акселерация цифровых стартапов	Краткосрочный	Определяющая роль информационно-коммуникационных технологий в экономическом росте, стабилизации обеспечения высокотехнологичной занятости, росте производительности труда	Не сформирована эффективная система защиты прав интеллектуальной собственности; усиление административных барьеров для высокотехнологичного бизнеса; недостаточный уровень использования IT в промышленности; ухудшение российских позиций в мире по результативности инноваций (с 51 места в 2017 г. до 58 с 2020 г.)
Минэкономразвития РФ	Национальный проект «Производительность труда»	Создание региональных центров компетенций в сфере производительности труда, «фабрики процессов» – инструмента бережливого производства; инвестиционные налоговые вычеты; повышение квалификации руководителей предприятий	Краткосрочный	Рост производительности труда, стимулирование занятости и производства продукции на экспорт в сырьевых отраслях экономики	Общее снижение рабочих мест в стране на фоне незначительных темпов роста высокопроизводительных производств; недостижение целевых показателей по росту производительности труда (рост на 3,8% вместо 50%); сокращение реальных располагаемых доходов; скачкообразная безработица

Источник: составлено автором

В частности, в рамках реализуемой Программы импортозамещения России не только удалось сократить поставки иностранного продовольствия на внутренние рынки, но и увеличить экспорт по ряду продовольственных и промышленных товаров, хотя и здесь многие целевые показатели не были достигнуты. Намного скромнее результаты импортозамещения оказались в обрабатывающих отраслях – машиностроении, приборостроении, радиоэлектронике, химической промышленности [180], в которых российские производители получили субсидирование в рамках конкретных проектов, использующих импортное оборудование и комплектующие. В 2020 г. Правительство запустило программу «Импортозамещение 2.0», ориентированную в основном на увеличение доли отечественной высокотехнологичной продукции в закупках государства и госкорпораций [166].

Вместе с тем, ключевой проблемой государственного инвестирования в рамках структурной политики в России остается низкая эффективность государственных капиталовложений (особенно в рамках финансирования НИОКР в рамках государственно-частного партнерства), поскольку, по мнению Счетной палаты РФ: «... как только в проекты замешиваются бюджетные средства, почему-то эффективность их начинает снижаться» [184]. Российские институты развития (такие, как ВЭБ.РФ, РФПИ, Роснано, Сколково, Ростех, РФФИ, РНФ, Российская венчурная компания и др.) за годы своего существования (более 10 лет) также не справляются с задачей обеспечения технологического и инновационного прорыва российской экономики, в то время как зарубежный опыт функционирования таких институтов свидетельствует, что для этого требуется в среднем 5-7 лет. Предстоящее реформирование институтов развития в России [167], многие из которых планируется ликвидировать, другие – объединить, свидетельствует о нарастании проблемы.

Как следует из анализа нормативных актов в сфере структурной политики в России, она недостаточно институционализована. Практически в каждом нормативном акте в сфере структурной политики, проанализированном в таблице 3.1, определена важность сотрудничества государства, бизнеса, научно-

исследовательского сектора. Однако поставленные задачи в значительной степени носят декларативный характер; слабо можно проследить остроту видения структурных проблем национальной экономики, установленные целевые ориентиры от документа к документу не достигаются, а предложенные меры не содержат конкретных рекомендаций по обеспечению представленных целей, не описывают конкретных механизмов.

Большинство проанализированных документов не ориентированы на первоочередное решение структурно-воспроизводственных проблем российской экономики (таких, как старение основного капитала, нехватка технологически связанных инвестиций, недостаток инвестиционно-модернизационных стимулов в обрабатывающем секторе, концентрация долгосрочного банковского кредита в сфере обращения), являющихся первопричиной низкой производительности труда и импортозависимости в промышленности, начального места в глобальных цепочках производства добавленной стоимости. А именно эти последствия отрицательных структурных сдвигов в период рыночных преобразований выступают проводниками внешних шоков в макроэкономическую нестабильность.

Далее, ряд ключевых программных документов (Стратегия экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года, Стратегия научно-технологического развития РФ) описывают глобальные вызовы для экономики России, игнорируя при этом сложившиеся структурные диспропорции российской экономики, являющиеся основой ее дестабилизации и высокой уязвимости по отношению к действующим внешним шокам.

Таким образом, предпринимаемые сегодня государством стратегические меры в рамках проводимой структурной политики (импортозамещение, национальные проекты, целевые федеральные программы научно-технологического, инновационного развития) не дают стабилизационного эффекта, так как не меняют в требуемой мере структуру инвестиций, не содействуют трансферу новых технологий, высокотехнологичной занятости и экспорту. Рост государственных инвестиций не сформировал защиту от внешних шоков в

долгосрочном плане, и потери от неблагоприятной конъюнктуры и международных санкций составляют, по разным оценкам, 10-12% ВВП [154, 247].

Ряд ведущих российских ученых-экономистов (В.А. Мау, О.Г. Голиченко [46], В.М. Полтерович, Д.В. Диденко [63]) высказывают идеи о необходимости преимущественно косвенного воздействия государства на внутривидовые связи, направленные на создание благоприятных условий для реализации приоритетных видовых задач через новейшие технологии на основе активного внедрения российской экономики в глобальную систему (с определенной осторожностью к последующим процессам глобализации и осознанием необходимости выстраивания национальной защитной системы от возникающих внешних шоков), международного научно-технического сотрудничества, использования передовых научных разработок и иностранного капитала.

Напротив, С.С. Губанов, А.А. Амосов, В.Г. Наймушин [139], Р.С. Гринберг [50] видят необходимость реализации планомерной видовой трансформации национальной экономической системы на базе ускоренного формирования вертикально-интегрированных отраслевых и межотраслевых государственных корпораций с преимущественным использованием собственного научного и инвестиционного потенциала. В противовес представленной позиции мы отмечаем, что за годы реформ в России так и не были сформированы государственные институты, способные результативно справиться с задачей межотраслевого перелива капитала и активизировать крупные компании к инвестированию в инновации и высокие технологии.

В российской экономической среде отсутствует единый подход и применительно к первоочередным макростабилизационным задачам государства при осуществлении регулируемой видовой трансформации экономики. Так, А.Л. Кудрин [104] фундаментом для проведения видowych реформ считает необходимость достижения макроэкономической стабилизации на основе жесткой бюджетной консолидации и замедления темпов роста инфляции. В последнем, в частности, он солидарен с ЦБ РФ. Альтернативой программе, предложенной А.Л. Кудриным выступает концепция экономического развития, разработанная

представителями Столыпинского клуба (А.Н. Клепач [87], А.В. Данилов-Данильян [56] и др.) под председательством Б.Ю. Титова, которая предусматривает более активное экономическое стимулирование государством бизнеса как отправной точки трансформации структуры (вместо ужесточения бюджетной политики), а также снижения уязвимости национальной экономики к действию внешних факторов вместо пассивной адаптации к ним [105].

В частности, программа Столыпинского клуба предполагает начальное государственное стимулирование экономики преимущественно в виде кредитов на инвестиционные цели, что позволит существенно увеличить предпринимательскую активность и стимулировать частный бизнес к инвестированию. Также программа предусматривает повышение доступности кредитных ресурсов для бизнеса, что требует необходимости корректировки ключевой учетной ставки ЦБ РФ, улучшение конкурентно-рыночных условий за счет борьбы с олигополиями, а также снижение налогового бремени. Отметим, что аналогичная практика государственного инвестиционного стимулирования бизнеса проводилась во многих странах Европы, США, Японии, активно ее принципы используются в настоящее время и в Сингапуре. С точки зрения создания необходимых инвестиционных условий для развития высокотехнологичного бизнеса и обеспечения впоследствии высоких темпов роста экономики, такая политика показала себя как наиболее эффективная.

Таким образом, в условиях противодействия внешним шокам, императив государственной структурной политики России должен заключаться в становлении и развитии высокотехнологичного комплекса, основанного на научных знаниях и инновационных технологиях, а также дальнейшей технологической модернизации традиционных для российской экономики отраслей (добывающей, металлургической, химической, агропромышленного комплекса) на основе платформенных решений оптимизации производственных процессов, использования искусственного интеллекта и масштабной цифровизации. Применительно к внешним финансовым и инвестиционным вызовам, определяющим высокую вероятность ограничения притока инвестиционных

ресурсов с мирового финансового рынка, антирецессивная роль структурной политики должна заключаться в активизации внутренних долгосрочных инвестиционных ресурсов путем развития новых коммерческих форм инвестирования инноваций, а также создания условий для углубления интеграции основных экономических агентов (науки, бизнеса, государства с подключением к этому процессу гражданского общества) и усиления межсубъектных и межотраслевых связей на основе формирования сетевого уклада в экономике.

В этих условиях мы полагаем необходимым придать действиям государства по формированию структурной политики макростабилизационную функцию, которая должна быть реализована в трех направлениях: усиление противодействия энтропии мировой финансово-хозяйственной системы, создание воспроизводственных основ преодоления макродестабилизации и рецессивных процессов за счет ускорения инновационно-технологического развития, преодоление негативного социального эффекта макронестабильности.

На этом основании авторская идея макростабилизирующей структурной политики, основанной на переходе от краткосрочных мер по ограждению экономики внешних шоков к целенаправленной трансформации структуры экономики, определена следующим образом.

Этапы реализации макростабилизирующей структурной политики включают в себя следующие.

Первый этап – институциональное обеспечение структурной трансформации – внесение изменений в нормативные акты, касающиеся проблем повышения эффективности и результативности государственных институтов и инвестиций, взаимодействия экономических субъектов, создания новых связей между ними, основанных на сетевом укладе и современных технологиях (в том числе технологии блокчейн).

Второй этап – модификация экономических отношений в инвестиционной системе за счет создания условий для появления новых форм финансирования инноваций, новых субъектов инвестирования, трансформации роли банковского сектора в условиях развития сетевых структур;

Третий этап – перераспределение инвестиционных, материальных, интеллектуальных ресурсов между сырьевым, обрабатывающим и высокотехнологичным секторами экономики, направленных на технологическую модернизацию промышленности, ускорение накопления капитала и омоложение средств производства, стабилизацию нефинансовых инвестиций;

Четвертый этап – закрепление социального эффекта макростабилизационной структурной политики, связанного со стимулированием высокоинтеллектуальной и высокопроизводительной занятости по мере изменения отраслевой структуры экономики.

Выбор направлений макростабилизационной структурной политики продиктован потребностью в нивелировании последствий технологически-застойного этапа структурной деиндустриализации и противодействием взаимной трансляции макроэкономической нестабильности в структурную деиндустриализацию, пути которой выделены в п. 2.2 настоящей диссертации. Основанием для определения путей реализации структурной политики в направлении ее макростабилизирующего воздействия является потребность в разрыве цепных зависимостей усиления воспроизводственных проблем и трансляции внешних шоков в российскую экономику, а также макроэкономической нестабильности в ее структурную деиндустриализацию (отраженных на рисунках 2.2 и 2.3).

С этой целью мы ставим перед структурной политикой следующие задачи:

- а) сократить зависимость от импорта технологий и нарастить инвестирование в высокотехнологичные отрасли с максимальной добавленной стоимостью;
- б) ускорить воспроизводственный процесс и повысить норму накопления;
- в) сформировать внутреннюю финансовую основу инвестирования в обрабатывающую и высокотехнологичную промышленность;
- г) увеличить долю технологически связанных инвестиций в свете повышения производительности труда и увеличения высокотехнологичного импорта.

Детально направления, субъекты, институты, инструменты авторской стабилизационной структурной политики представлены в таблице 3.2.

Таблица 3.2 – Основные направления и нормативная основа предложенной стабилизационной структурной политики

1	2	3	4	5	6
Направления структурной политики	Субъекты структурной политики	Необходимые институты	Предлагаемые инструменты	Характер действия	Связь с макроэкономической нестабильностью
1. Развитие фундаментальной науки, усиление трансфера и коммерциализации инноваций	Правительство РФ, Государственная Дума РФ	1. Издание в новой редакции Закона «О науке и государственной научно-технической политике»	Налоговые льготы предприятиям, осуществляющих отчисления на совместное проведение научно-исследовательских работ с университетами. Реформирование государственных институтов развития, изменение набора их функций. Развитие форм взаимодействия академической среды и реального сектора экономики	Долгосрочный	Через сокращение односторонней научно-технологической зависимости России, что повысит адаптацию экономики к воздействию внешних шоков
2. Развитие экономических отношений в воспроизводственной системе в основу которого будет положено формирование сетевого уклада в экономике и разветвленной системы кросс-горизонтальных взаимодействий	Правительство РФ, Государственная Дума РФ	1. Разработка закона «О сетевых формах организации бизнеса в РФ»; 2. Разработка Стратегии инновационного развития Российской Федерации на долгосрочную перспективу (до 2040 г.)	Формирование государственно-частных партнерств кластерно-сетевых типов, инновационных сетевых экосистем в новейших отраслях экономики. Создание институтов поощрения субъектов рынка к формированию разносторонних связей и устойчивых коммуникаций (в т.ч. Агентства по развитию сетевых взаимодействий)	Долгосрочный	Через формирование децентрализованных сетевых форм сотрудничества государства, науки, бизнеса, гражданского общества как основы обеспечения прогрессивных структурных сдвигов в воспроизводственной системе

Продолжение таблицы 3.2

1	2	3	4	5	6
3. Встраивание российской банковской системы в качестве субъекта инвестирования в рамках сетевой формы организации высокотехнологичного бизнеса	Правительство РФ, Минфин	Внесение изменений в нормативно-правовое регулирование банковского сектора в части организации возможностей для банков стать участниками системы ИСО, использовать блокчейн-технологии. Возложение на банки роли гарантов соблюдения защиты прав и интересов частных инвесторов в рамках сетевых форм инвестирования инноваций	Внедрение в банковскую деятельность технологий распределенных реестров типа блокчейн Присоединение банков к системе ИСО в качестве компаний-эмитента или в роли частного инвестора	Долгосрочный	Через трансформацию роли банковского сектора как ключевого субъекта инвестирования инноваций и развития сетевых форм организации высокотехнологичного бизнеса
4. Развитие сети технологически-связанных частных инвесторов, включающих краудплатформы и венчурные фонды	Минфин, Минэкономразвития	Внесение изменений в Федеральные законы «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ» в части утверждения краудинвестиционных площадок как инвестиционных платформ	Создание национальной децентрализованной системы краудинвестиционных площадок, включенных в национальный реестр аккредитованных порталов, ориентированных исключительно на инвестиции в инновации и высокие технологии. Развитие форм присоединения органов госвласти к сети мелких инвесторов	Долгосрочный	Через стабилизацию основных воспроизводственных показателей (валовые инвестиции, нормы накопления, инвестиции в основной капитал) на основе создания альтернативных форм вовлечения национальных сбережений в инвестиционный процесс
5. Формирование устойчивой социальной группы с высоким научно-инновационным потенциалом	Правительство РФ Минэкономразвития РФ	В действующем законодательстве предусмотреть налоговые льготы бизнесу, осуществляющему отчисления на проведение с научно-образовательными учреждениями совместных НИОКР; регламентация индивидуальной работы ученого с предприятиями в рамках договорных отношений	Создание высокотехнологичных корпоративных университетов. Индивидуальные контракты бизнеса с коллективами ученых; Создание новых высокотехнологичных компаний в рамках сотрудничества бизнеса и научно-исследовательского сегмента экономики	Долгосрочный	Создание экономической основы стабилизации социальных процессов в долгосрочном периоде

Источник: составлено автором

Учитывая вышесказанное, к основным направлениям макростабилизационной структурной политики относятся следующие (таблица 3.2):

1. Развитие фундаментальной науки, усиление трансфера и коммерциализации инноваций – как исходной точки технологической модернизации промышленности, повышения уровня переделов сырья, конкурентоспособности предприятий, высокотехнологичной занятости и вместе с тем, формирования устойчивой социальной группы с высоким научно-инновационным потенциалом.

Мировой опыт наглядно демонстрирует, что развитие фундаментальной науки, повышение результативности технологических инноваций оказывается возможным только в условиях формирования разветвлённой сети взаимодействий академической среды со структурами бизнеса. С целью реализации представленной перспективы российской экономике требуется развитие коммерческих форм инвестирования фундаментальных исследований (путем корпоративных и индивидуальных контрактов с конкретными учеными), коллаборативных форм взаимодействия высших учебных заведений и научно-исследовательских центров с реальным сектором экономики (путем встраивания в инновационные цепочки, создания корпоративных университетов и др.), реформирование государственных институтов развития и расширение полномочий фондов, осуществляющих финансирование научно-технических программ и проектов в области фундаментальных исследований и разработок.

Получение долгосрочного социально-стабилизирующего эффекта от импульса структурной трансформации экономики за счет развития ее научно-исследовательского сектора возможно путем создания новых высокопроизводительных рабочих мест, увеличения занятости в обрабатывающем секторе, в частности, в отраслях 5-го и 6-го технологических укладов, повышения престижа образования и науки в обществе, а также формирования спроса по наиболее востребованным научно-техническим профессиям [191].

Применительно к индикаторам макростабилизирующей структурной трансформации экономики (таблица 2.19), ожидаемые экономические результаты реализации данного направления включают в себя рост доли высокотехнологичного экспорта в ВВП, количества инновационно-активных организаций и занятых исследованиями и разработками.

2. Сетевизация высокотехнологичного бизнеса, развитие экономических отношений в воспроизводственной системе в ходе становления сетевых форм инвестиционно-инновационных и производственных связей, что должно стать финансовой основой структурной политики в России. В частности, под развитием экономических отношений в воспроизводственной системе мы подразумеваем трансформацию устоявшихся связей между различными субъектами рынка, в основу которых должна быть положена разветвленная система динамичных и горизонтальных взаимодействий. Институционализация процесса развития сетевой интеграции и кооперации субъектов бизнеса, науки и власти в новейших отраслях экономики, в свою очередь, должна опосредоваться развитием государственно-частных партнерств на основе кластерно- сетевого типа, а также созданием специальных норм права и институтов, нацеленных на формирование в экономике разносторонних и устойчивых коммуникаций между экономическими агентами.

Особое внимание требуется уделить формированию инновационной инфраструктуры, необходимой для снижения транзакционных издержек привлечения инвестиций и ускорения движения информации между субъектами финансового, научно-исследовательского и реального секторов экономики. Такая инфраструктура должна содержать единые информационные системы субъектов науки и образования, финансовых организаций и промышленных компаний, центры трансфера технологий и краудинвестинга, а также сетевых инновационных экосистем, объединяющих разрозненных субъектов (технопарков, венчурных фондов, НИИ и университетов и пр.).

Ожидаемые экономические результаты реализации инвестиционно-сетевого направления макростабилизирующей структурной политики включают в себя рост

соотношения инвестиций в НИОКР и средства производства, производительности труда.

3. Развитие российской банковской системы в качестве субъекта инвестирования в рамках сетевой формы организации высокотехнологичного бизнеса. Российская банковская система в нашем государстве до сих пор не отвечала целям обеспечения инвестиционных нужд высокотехнологичного комплекса, несмотря на определенные действия монетарных властей. В частности, корректировка ключевой учетной ставки ЦБ РФ (до 4,25%) не привела к существенному снижению процентных ставок по кредитам для бизнеса; увязать их с отраслевой рентабельностью (о чем многократно говорилось как в академической среде, так и на правительственном уровне) также не получилось. В этих условиях требуется трансформация банковского сектора как проводника инвестиционных ресурсов для диверсификации экономики и развития высокотехнологичных ее секторов. В частности, требуется интеграция технологий распределенных реестров в структуру банковской деятельности, одним из вариантов которой должно стать присоединение коммерческих банков к системе ICO, что будет способствовать переориентации банковского сектора с краткосрочного на долгосрочное кредитование и приоритетное обслуживание высокотехнологичного бизнеса и инновационных стартапов. С целью стимулирования присоединения коммерческих банков к системе ICO их рефинансирование ЦБ РФ должно осуществляться по льготной ключевой ставке.

К ожидаемым результатам данного направления мы относим увеличение фондовооруженности и нормы накопления, рост выпуска современных высокотехнологичных средств производства и, в целом, 5-го технологического уклада.

4. Развитие сети технологически связанных частных инвесторов, включающих краудплатформы и венчурные фонды, деятельность которых в России зачастую далека от инвестирования инноваций. В настоящее время в России насчитывается около 200 венчурных фондов, треть которых представляют собой государственные образования, финансирующие преимущественно инновационные

проекты на стадии «start-up» (бизнес-идея, оформленная в виде молодой компании) и расширения бизнеса. Очевидно, что чем выше стадия, тем меньше рисков для венчурных компаний. При этом стадии «pre-seed» (общая идея) и «seed» (готовая идея с бизнес-планом) часто не вызывают инвестиционного интереса со стороны венчурных компаний. Так, только за 2018 г. объем венчурных сделок в России на стадии расширения бизнеса составил свыше 450 млн. долл. со средней суммой – 3 млн. долл., в то время как «посевная» стадия получила не больше 35 млн. долл. [171]. Увеличение количества инвестиционных вложений в самые ранние стадии проекта позволит существенно повысить инновационную активность бизнеса и не потерять идеи ввиду отсутствия средств для их коммерциализации.

Еще одной особенностью венчурного инвестирования в России является наличие преимущественно крупных корпораций, выступающих в роли венчурных инвесторов (ВТБ, Сбербанк, Skolkovo Ventures, РЖД, Mail.ru Group и др.), которые ориентированы на строго определенный спектр проектов, часто связанных с развитием их собственной инфраструктуры или сервисов. В этой связи наиболее важным представляется необходимость создания и развития альтернативных инвестиционных площадок, ориентированных на привлечение капиталов мелких инвесторов, которые не имеют возможности самостоятельного организационного сопровождения проектов финансирования, однако, обладают инвестиционными ресурсами для этого.

Ожидаемые экономические результаты реализации данного направления макростабилизирующей структурной политики заключаются в росте соотношения инвестиций в НИОКР и средства производства, а также высокотехнологичного экспорта в ВВП (по критериям, приведенным в таблице 2.19).

Интегральный ожидаемый экономический результат реализации макростабилизирующей структурной политики мы видим в сокращении колебаний показателей макроэкономической динамики – ВВП, цен, процентных ставок, инвестиций.

Таким образом, перед российским государством стоит задача, с одной стороны, выстроить эффективную систему долгосрочных мер по защите от

внешних шоков, а также компенсировать их негативные последствия, уже проявившие себя, с другой – увеличить скорость структурных изменений путем достижения стабильного роста основных воспроизводственных показателей. В этих условиях антирецессивная и макростабилизационная роль структурной политики заключается в регулировании экономических отношений в воспроизводственной сфере.

3.2 Развитие экономических отношений в воспроизводственной системе как основа макростабилизирующей структурной политики

Экономические отношения в воспроизводственной сфере, представляющие по сути взаимосвязи между различными субъектами накопления капитала, инвестирования, распределения капиталовложений между секторами, отраслями и отдельными субъектами, получение инвестиционного дохода и его капитализации. Эти отношения напрямую определяют пропорции средств производства с различным износом, возрастом, технологическим уровнем и эффективностью, формируют воспроизводственную структуру экономики. Развитие воспроизводственных отношений означает появление их новых субъектов, форм инвестирования, источников капитала, комбинирование и модификацию межсубъектных связей.

В силу сложившейся специфики становления и развития экономических отношений в пореформенный период в России фактически не сформировалась воспроизводственная основа ее структурной трансформации, а потому обозначенные на правительственном уровне целевые показатели такие, как увеличение доли высокотехнологичной и наукоемкой продукции до 25% от ВВП; поддержание ежегодных темпов роста промышленного производства на уровне не

менее 105%; создание высокотехнологичных рабочих мест до 25 млн; увеличение ежегодного индекса производительности труда на 105%; доведение валового накопления основного капитала до 27% ВВП; инновационной активности промышленных предприятий до 50%, а по отдельным отраслям – до 60% [223], так и не были достигнуты и фактически перенеслись в новые программные документы, утвержденные в 2020 г. (Сводная стратегия развития обрабатывающей промышленности РФ до 2024 года и на период до 2035 года; Стратегия развития электронной промышленности на период до 2030 года).

На фоне отмеченного Росстатом прироста высокотехнологичных рабочих мест за период 2011-2018 гг. на 14%, отмечалось общее снижение рабочих мест в РФ ежегодно, в среднем на 165 тыс. Объем валового накопления, имея неоднозначную тенденцию, демонстрирующую особенное снижение в периоды рецессий, так и не приблизился к целевому показателю в 25-27% ВВП. Плановые значения по доле высокотехнологичных и наукоемких отраслей, сохраняясь на уровне 21,1-21,5% от ВВП, также не были достигнуты. Индекс производительности труда относительно уровня 2011 г. вместо заявленных темпов роста в 1,5 раза к 2018 г. (то есть годовой рост должен был составлять 7%) показал рост на 5-6% за весь восьмилетний период. Процент инновационно-активных промышленных предприятий в стране остается на низком уровне, составляя максимум 10% от общего их числа [223].

С тем, чтобы структурные изменения отвечали целям обеспечения стабильного экономического роста и защиты от внешних шоков, требуются глубокие сдвиги в системе национального воспроизводства, реализуемые через развитие инвестиционных отношений в условиях становления новых форм сотрудничества экономических агентов и организации бизнеса. Одной из таких эволюционных форм развития экономических взаимоотношений, обеспечивающих новые возможности получения доходов и выхода на новые уровни привлечения инвестиций за счет комбинирования технологий, ресурсов, капитала, становится сетевое взаимодействие. Еще в 1997 г. было отмечено что, в конечном счете, весь бизнес будет подчинен логике и экономике сетей [284].

Такая тенденция, прежде всего, определяется масштабным развитием конвергентных технологий, возрастанием количества и устойчивости связей между субъектами, возможностями эффективного взаимовыгодного сотрудничества между сравнительно большим количеством участников, общие интересы в одном или нескольких направлениях деятельности, что соответствует принципам информационной экономики, базирующейся на менее директивной, менее иерархической системе управления. Так, М. Кастельс [79] процесс сетевизации определял как процесс адаптации субъектов рынка, их ценностей и установок к меняющимся внешним условиям, причиной которых явилось масштабное распространение информационных технологий.

Сетевые формы межфирменных связей отличаются гораздо большей гибкостью в отличие от централизованных вертикально-интегрированных структур, что позволяет им быстро реагировать на сверхдинамизм внешней среды, при этом они более интегрированные, не такие разрозненные и обособленные как организационные структуры, соответствующие модели традиционного рынка. Так, Ф.З. Дзантиева [61] в своем исследовании сетевое сотрудничество в предпринимательстве трактует как самостоятельную форму организации экономических субъектов, отличную от индивидуальной или корпоративной, основной целью которой становится концентрация индивидуальных капиталов, поиск новых форм привлечения инвестиций для успешной реализации совместных проектов. Таким образом, сетевая форма организации экономики предполагает такой тип равноправных отношений организационных структур, который основан на сетевом (преимущественно горизонтальном), а не иерархическом взаимодействии различных видов сетей (информационных, маркетинговых, торговых, производственных) с созданием внутрисетевых рынков.

В настоящее время в мире сетевые формы организации инновационной, инвестиционной, рыночной деятельности постепенно вытесняют традиционные формы экономических отношений, их влияние нарастает и усиливается. Мировая практика [256] свидетельствует, что развитие сетевых форм взаимодействия субъектов бизнеса способствует сокращению транзакционных издержек,

снижению производственных рисков (за счет их распределения между участниками сети), повышению результативности и эффективности совместной операционной, научно-исследовательской деятельности, развитию неформальных методов взаимодействия и, в целом, росту производительности по мере увеличения числа узлов сети. В такой экономике устоявшиеся институты рынка и государства в сфере воспроизводственных отношений теряют свою эффективность, а традиционные инструменты инициирования структурных сдвигов через централизованное распределение государственных инвестиций, создание вертикально-интегрированных отраслевых структур теперь уже не справляются со своей задачей, поскольку критерием формирования сети становится не директивное принуждение к нему и даже не рыночные стимулы, а сознательное желание к кооперации, основанное на доверии и преследующее цель улучшения деловой репутации.

Таким образом, развитие сетевых форм взаимодействия в экономике способствует повышению технологического уровня капиталовложений, созданию новых конвергентно-технологических производств, институциональной трансформации через закрепление желаемых норм и правил поведения (поскольку участники сети с целью реализации общих интересов и повышения своей эффективности заинтересованы в соблюдении единых норм и правил).

Все это, в свою очередь, создает условия структурной трансформации экономики, определяет будущие структурные сдвиги. В конечном счете, более динамичное сетевое взаимодействие рассматривается как наиболее прогрессивная форма развития экономических отношений, необходимая для инновационного типа роста и выхода на принципиально новый уровень макроэкономической динамики (занятость, производительность труда, ВВП). На этот факт, в частности, указывают в своих исследованиях В.Н. Тишина [213], О.И. Федорова, Т.Н. Сыроваткина [224], Н.В. Смородинская [196]. С другой стороны, централизованное создание кластерно-сетевых образований, неэффективные каналы связи в сети могут негативно сказываться на конкурентоспособности производства и, в целом, развитии конкуренции в конкретной сфере. Поэтому

важным становится формирование косвенных механизмов воздействия государства на процессы сетевизации экономики, оказывающих побуждающий эффект в этой области, создание институтов содействия формированию и развитию сетевого уклада, всяческое поощрение процессов сетевой организации бизнеса, осуществляемых «снизу».

Мировой опыт демонстрирует, что сетевая форма сотрудничества в настоящее время является одним из наиболее прогрессивных инструментов достижения эффективности и конкурентоспособности целых отраслевых и межотраслевых комплексов или конкретных проектов, что становится возможным за счет использования эффектов кооперации (сетевой эффект), углубления специализации труда, гибкого сотрудничества, синергии. Наиболее успешными примерами ранней сетевой интеграции могут служить «промышленные округа» в Италии – объединения, насчитывавшие более 200 малых и средних компаний, производивших (с 1970-х гг.) большую часть экспортной продукции Италии или финансово-промышленные группы в Японии, ставшие в 70-80-х гг. XX в. лидерами на мировых рынках электроники и автомобилей [81]. Более поздними примерами, ориентированными на инновационный тип развития, являются сетевые объединения по типу Кремниевой долины в США и транснационального биотехнологического кластера в Северной Европе, которые представляют собой разветвленные сети сетей. Однако наибольших успехов в области формирования сетевого уклада и активной социализации управления добились скандинавские государства, благодаря чему совершившие технологический рывок и создавшие конкурентные преимущества по ряду новейших производственных направлений. Так, в авангарде сетевой готовности находятся три скандинавских государства (Швеция, Норвегия, Финляндия), опережая США [316].

В настоящее время во многих странах мира идет полномасштабный процесс перехода от иерархического строения экономики к сетевому укладу. Так, в большинстве стран Восточной Азии (Япония, Южная Корея, Сингапур) приняты государственные программы стимулирования развития сетевых объединений, предусматривающие масштабное госфинансирование [195]. В США действующая

программа поддержки промышленности фактически ориентирована на развитие всесторонних сетевых взаимодействий государства, бизнеса и науки и на сегодняшний день уже объединяет 3 министерства, 14 корпоративных институтов, свыше 19 тыс. мелких и крупных организаций промышленности и торговли. В ЕС с целью развития сетевого уклада в экономике разработана программа Horizon-2020, предусматривающая интеграцию НИР и инноваций, стоимость которой составляет свыше 74 млрд евро [227].

В российской практике тенденция к сетевой организации бизнеса пока слабо ориентирована на инновационное развитие промышленного сектора, повышение технологичности производственного процесса и долгосрочное инвестирование в средства производства. Во многом такая тенденция складывается в силу отсутствия методологии сетевого подхода, нормативно-правового обеспечения процесса сетевизации экономики, в частности, формулировки целей создания, описания форм, инструментов, участников организации этого процесса, характера финансовых отношений, технологической основы взаимодействия и др.

Развитие форм сетевого сотрудничества на современном этапе в России осуществляется в двух формах. Первая форма сетевой организации бизнеса (партнерства) в основном представлена в сфере торговли, носит стихийный характер, распределяется по субъектам РФ крайне неравномерно и фактически не предусматривает гибкие формы, создаваемые на неформальной основе под конкретные проекты. Другая форма кластерно-сетевых объединений, которая функционирует в российской экономике, создана директивно, реализуется в основном на территориях, уже имеющих определенный статус или льготы (наукограды, особые экономические зоны, ТОСЭР, государственные корпорации, территориальные кластеры), их организационное устройство мало «завязано» на инновационный тип роста и развитие новейших секторов, не отвечая признакам полноценного кластерно-сетевого подхода, сложившегося в мировой практике. Более того, процессы информатизации, цифровизации в таких объединениях в основном ограничиваются созданием официального сайта, в полной мере не используются сетевые технологии (прежде всего, блокчейн-технологии).

Экономическая практика конца XX в. – нач. XXI в., характер которой определяется новыми глобальными шоками, связанными с существенными колебаниями конъюнктуры на мировых рынках, усилением конкуренции, технологическими вызовами, преобладанием постиндустриальных факторов (знания, информация) производства над материально-вещественными, увеличением передачи информации требует от государств мер незамедлительной адаптации. Эти условия закрепляют сетевой механизм координации и интеграции экономических субъектов, основанный на децентрализованных процессах накопления и использования капитала, определяя будущие структурные сдвиги и одновременно с этим снижая эффективность традиционных инструментов структурной политики (централизованные государственные инвестиции, институты развития, венчурное инвестирование). Масштабная цифровизация экономики, применение сетевых технологий, формирование принципиально иного процесса создания добавленной стоимости, основанного на сетевом механизме и коллаборационных инструментах должны лечь в основу структурной трансформации российской экономики, а развитие экономических отношений в воспроизводственной системе как основы структурной политики обрести вектор, направленный на стимулирование сетевого уклада, основанного на системе динамичных и горизонтальных взаимодействий в различных формах и направлениях. Для реализации этой перспективы требуется:

1. Институционализация процесса сетевой интеграции и кооперации в новейших отраслях экономики по принципу «четверичной» [261] и «пятеричной» [262] «спиралей», когда помимо государства, субъектов бизнеса, финансово-кредитных учреждений, академической науки в процесс создания, финансирования технологических инноваций вовлекается гражданское общество, выступая заказчиком и предъявляя требования (экологичности, функциональности, полезности и т.д.) к конечному продукту. В настоящее время возможности участия гражданского общества в формах сетевого взаимодействия в России, как и формирование развитой сети взаимосвязей прочих субъектов, существенно

ограничены в силу неразвитости такой интеграции, а также отсутствия институциональных основ этого процесса.

Основное препятствие на пути развития горизонтальных сетевых коммуникаций нам видится в усилении централизации системы директивного регулирования российской экономики, в том числе через формирование вертикально-централизованных государственных структур. За годы реформ сложилась система регулирования экономики, которая не сформировала стимулы к повышению инновационной активности бизнеса и возможностей науки, закрепив их зависимость от властных решений. В этих условиях эволюционный процесс развития сетевых горизонтальных взаимодействий, характерный в настоящее время для экономически развитых стран мира, в российской экономике фактически отсутствует.

С целью реализации инициативы развития сетевой экономики в России целесообразно создание государственного Агентства по развитию сетевых взаимодействий, стратегической задачей которого должно стать формирование в экономике разветвленной сети устойчивых сетевых связей основных субъектов рынка (государства, бизнеса, академической среды) за счет:

- инициирования проектов кооперации и коллаборации в сфере создания и коммерциализации инноваций;
- поощрения кооперации по принципу «четверичной» и «пятеричной» спиралей;
- укрепления потенциала и повышения конкурентоспособности существующих кластерно-сетевых образований в экономике через улучшение качества их управления и всесторонние методы поддержки.

Фактически на государственное Агентство необходимо возложить миссию по созданию рамочных условий реализации сетевой политики в России, результатом которой должно стать формирование разносторонних многоуровневых сетевых взаимодействий как современного способа интенсификации инновационного процесса, усиления трансфера технологий и укрепления конкурентоспособности национальных производств.

2. Формирование сетевых инновационных экосистем (по принципу сетевой модели инноваций, предложенной ранее П. Глуром [275]), в которых продуцирование знаний и создание инноваций, их коммерциализация осуществляются совместно в рамках сетевых сообществ или коллабораций, включающих множество независимых субъектов (коллективов университетов и НИИ – разработчиков инноваций, фирм – инвесторов, поставщиков ресурсов, потребителей, партнеров и т.д.), объединяющих свои возможности и ресурсы при помощи сетевых технологий, позволяющих привлекать инвестиции без централизованных посредников (инвестиционных банков, венчурных фондов). В основе создания таких экосистем могут лежать различные объединяющие признаки (общие интересы в научно-исследовательской, производственной деятельности; экологические, социальные инициативы и пр.), интеграция может охватывать и различные уровни (в рамках конкретной корпорации; объединение ряда научно-исследовательских учреждений, технопарков; на уровне регионов; национальном, международном уровнях и т.д.).

Одними из первых стран, которые начали стимулировать создание инновационных экосистем «снизу», стали скандинавские государства (в частности, Швеция и Финляндия). В Швеции разработкой и внедрением экосистемного подхода в создании инноваций занималось Правительственное агентство по инновационным системам (VINNOVA) [73], а в Финляндии – Исследовательский инновационный совет и агентство TEKES [74]. Преимущества сетевых инновационных экосистем, в отличие от прочих форм вертикально-интегрированных партнерств (в том числе и государственно-частного типа), состоят в том, что такие системы могут объединять бесчисленное множество частных лиц, представителей органов власти, коммерческих организаций, а значит и ресурсов, рынков, инициатив, более гибко реагируя на новые технологические и рыночные вызовы. Именно подобные коллаборации, независимые от государственных средств и децентрализованные по своей сути, не боятся внедрять любые инновационные идеи и технологические решения, способные вырасти в

будущие корпорации мирового уровня (как это в свое время смогли сделать Apple, Facebook, Google, Uber).

Несмотря на то, что термин «инновационная экосистема» прочно вошел в современный обиход и все шире используется в стратегических документах, в России сложно насчитать хотя бы десяток таких экосистем, созданных на добровольных основах и управляемых «снизу». В IT сфере крупнейшими цифровыми экосистемами, которые изначально создавались по принципу «снизу» в настоящее время являются Яндекс, Mail.Ru Group и Rambler Group, однако, их ближайший конкурент Сбер в рамках своей трансформации активно наращивает долю в представленных корпорациях [153], монополизировав рынок. Примером экосистемы, создание которой инициировалось «снизу» могло стать несостоявшееся слияние двух крупных компаний «Тинькофф» и Яндекса.

Для обеспечения структурной трансформации российской экономики требуется создание между независимыми субъектами рынка горизонтально-сетевых связей, совокупность которых определит условия и возможности создания и циркуляции новых знаний и технологий в форме совместных предприятий, консорциумов (временных объединений в рамках конкретного проекта или инициативы); в рамках создания совместных цифровых платформ в сфере транспорта, образования, электронной коммерции.

3. Формирование государственно-частных партнерств кластерно- сетевого типа, построенных по принципу «тройной спирали» (модель, представленная Х. Ицковицем и Л. Лейдесдорфом [270]), в которой участники сети не подчиняются некоему центру (научно-исследовательский институт, государственная корпорация, финансово-кредитное учреждение), а имеют сложный нелинейный многосторонний децентрализованный механизм взаимодействия. Особенностью такой формы сетевого сотрудничества выступает регулярность коммуникаций трех ведущих субъектов – власти, науки и бизнеса, взаимодействующих как в рамках долгосрочного сотрудничества, так и с целью реализации конкретного проекта (научно-производственной инициативы). Исследования в этой области [80] доказывают, что непрерывное взаимодействие трех секторов в сети, генерируя

особую синергию через взаимную информацию, вырабатывает новые знания, достигая коэволюции, что придает системе высокий инновационный потенциал и устойчивое саморазвитие.

Развитие партнёрств такого типа в российской экономике целесообразно организовать в базовых отраслях промышленности с целью объединения усилий научно-исследовательского сегмента, государственных институтов развития и частного бизнеса для обеспечения технологической модернизации и создания продукции с высокой добавленной стоимостью. Создание государственно-частных партнерств кластерно-сетевого типа должно опосредоваться выделением трех основных модулей (сегментов):

- ядра объединения (производственного сегмента) – предприятия или группы предприятий, являющихся наиболее эффективными и конкурентоспособными в своей отрасли, которые определяются органами государственной власти, стимулирующими их к сетевой организации;

- инновационного сегмента, вбирающего в себя научно-исследовательские, опытно-конструкторские, образовательные учреждения;

- торгово-розничного сегмента, ответственного за коммерциализацию инноваций, сбыт, реализацию, продвижение товаров на рынок, налаживание вне кластерных связей;

- сегмента государственного сектора в лице государственных органов власти, госкорпораций, институтов развития, осуществляющих функции правового администратора, стимулирования спроса на продукцию кластерных объединений, обеспечения госзаказа на подготовку необходимых кадров.

При этом несмотря на распространённое суждение [7, 241] о создании таких объединений в пределах конкретной территории, мы отстаиваем необходимость межрегиональной кластеризации с формированием внешних связей вне кластерно-сетевых объединений путем создания совместных предприятий, аутсорсинга, гибридных институтов (научных парков, офисов передачи технологий) и других форм сотрудничества, через которые будет осуществляться передача инноваций, технологий, обмен знаниями. Координационные процессы, а также взаимодействие

внутри кластерно-сетевых объединений осуществляется на основе различных Web-платформ. Менеджмент кластерно-сетевых объединений, генеральное управление должно быть реализовано на коллегиальной основе, состав которой включает представителей от каждого сегмента (представителей государственных органов власти, науки, бизнеса), прошедших процедуру назначения всеми участниками кластерно- сетевого объединения.

Прототипом кластерно-сетевого объединения может служить опыт немецкого Hessenmetall – металлургического и электротехнического кластера [182] с развитой системой сетевых взаимодействий бизнеса, власти и науки, демонстрирующего высокую эффективность и прибыльность. Так, по итогам 2019 г. объединение насчитывало различные предприятия в 9 отраслях, свыше 220 тыс. сотрудников, общая прибыль составила 68 млрд. евро, а обучение прошли более 11 тыс. молодых специалистов.

4. Сетевизация банковской системы и ее роли как проводника финансовых ресурсов для структурных преобразований экономики путем привлечения инвестиций в финансирование стартапов, за счет внедрения технологий распределенных реестров в финансовый сектор. Сегодня децентрализованные платформы сетевой экономики доказали [148], что хранить и передавать информацию безопасно и без использования банковских систем в традиционном их понимании, при этом более выгодно с точки зрения соотношения доходности и рисков. Кроме того, появление виртуальных валют, системы ICO (эмиссии криптовалют) как альтернативных финансовых инструментов создает серьезную конкуренцию банкам, фактически ставя под сомнение саму необходимость их существования как кредитно-финансового института и, главным образом, как института инвестирования инноваций. В этих условиях банкам важно эффективно встроиться в набирающие обороты сетевизации экономики, технологической платформой которой становится блокчейн.

В частности, российским банковским структурам требуется присоединиться к системе ICO, которая в настоящее время во всем мире становится фактически альтернативой венчурному инвестированию. Однако в отличие от классического

венчурного инвестирования, для которого характерна зависимость реципиентов (инновационные компании, стартапы на «посевной» стадии) от единого центра (банка или венчурного фонда), его политики, целей, процедура ICO, основана на децентрализованном притоке инвестиций, объединяет гораздо большее количество инвесторов и позволяет существенно минимизировать риски. Российские банковские структуры, особенно с государственным участием, обладающие колоссальными ресурсами, примкнув к системе ICO и используя другие сетевые технологии, способны оказать благотворное воздействие на развитие высокотехнологичного сектора в стране и финансирование стартапов.

Использование технологий блокчейн и криптографических технологий в банковской системе может существенно упростить и систематизировать кредитные, расчетно-кассовые операции банков, объем которых в настоящее время существенно возрос, а также повысить интерес потенциальных инвесторов и вкладчиков в виду появления новых ликвидных активов.

С этой целью требуется внесение существенных поправок в действующую нормативно-правовую базу, а в отдельных случаях и издание новых законов. Определенным прогрессивным шагом в этом отношении становится Федеральный закон «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте», закрепляющий в российском законодательстве понятия, связанные с цифровыми финансовыми активами, определяющий статус криптовалют, правил их обращения, а также прописывающий правила привлечения российскими организациями и индивидуальными предпринимателями инвестиций путем выпуска токенов (цифровых прав собственности). Во многих странах мира (США, Германия, Япония) операции с криптовалютами являются легитимными, и факт накладываемых ограничений в России относительно их применения сокращает возможности последней в международном сотрудничестве на основе цифровых технологий.

Далее одной из форм реализации перспективы подключения российских банковских структур к системе ICO, использование ими технологий блокчейн и криптографических технологий может стать формирование сетевого

межбанковского консорциума равноправных участников, использующих единые площадки не только с целью реализации отдельных сервисов, но и цифровых экосистем. Создание таких децентрализованных площадок позволит использовать потенциал криптографических технологий и банковских ресурсов для выпуска ценных бумаг и краудинвестинга не только в рамках реализации конкретного капиталоемкого проекта, но и долгосрочного сотрудничества.

Еще одним альтернативным финансовым инструментом развития инновационного предпринимательства может стать развитие национальной системы краудинвестинга при организационной и финансовой поддержке государства. Во многих странах мира (США, Великобритания, Китай, Австралия, Сингапур, Испания, Израиль) система аккумулирования средств частных инвесторов на единой площадке с целью коллективного финансирования бизнеса получила широкое распространение и эффективную отдачу в виде большого числа профинансированных проектов в различных секторах и отраслях экономики. Особое значение краудинвестинг как инновационная инвестиционная площадка, представляющая собой альтернативу банкам и инвестиционным фондам, имела для коммерциализации инновационных идей на стадиях «pre-seed» (общая идея) и «seed» (готовая идея с бизнес-планом).

В настоящее время принцип краудфандинга и краудинвестинга получает распространение и в России. Однако специфика действующих в России краудинвестинговых площадок, самыми крупными из которых являются «StartTrack», «Поток», «Aktivo», «Penzza», «АтомИнвест», «VentureClub» и др., в основном ориентированы на вложение средств в недвижимость, медиа-бизнес, оптово-розничную торговлю, потребительское кредитование физических лиц, совмещая в себе сразу несколько направлений, что повышает рискованность таких сделок ввиду невозможности провести адекватную профессиональную оценку финансируемых проектов. Однако несмотря на сравнительно небольшой период функционирования краудинвестинговых площадок в России (а именно, активное их распространение пришлось на 2010-2014 гг.), отсутствие законодательной основы их деятельности, такой формат инвестирования уже доказал свою

эффективность. Так, объем привлеченных средств одной из крупнейших и надежных краудинвестиционных площадок «StartTrack» за 2014-2016 гг. составил более 0,5 млрд. руб. [99]. Общая сумма выданных кредитов на площадке «Penenza» только за 2017-2018 гг. превысила 15 млрд. руб. Доходность инвестиций, предлагаемая краудинвестиционной площадкой «Aktivo» находится на уровне 15-17% годовых, что в настоящих условиях выгодней банковского депозита или вложений в жилую недвижимость. Другая краудинвестиционная площадка «Альфа-Поток» предлагает инвестировать под 22%, в целом, являясь более инвестиционно привлекательной многих альтернативных финансовых инструментов [149].

Обнаруживаемая тенденция в сфере развития краудфандинга как альтернативной формы инвестирования инновационных идей и стартапов, финансирования бизнес-проектов высокотехнологичных компаний во всем мире в России пока ориентирована на закрепление сложившейся структуры экономики. Вместе с тем создание такой системы в сфере высоких технологий может стать дополнительной (а в некоторых случаях – альтернативной) формой взаимоотношений между инвесторами и получателями инвестиций, способствуя структурной трансформации экономики через развитие отраслей 6-го техноуклада и повышение высокотехнологичной занятости.

С этой целью национальная система краудинвестинга в России должна представлять собой цифровые инвестиционные платформы, включенные в национальный реестр аккредитованных порталов, предоставляющих средства исключительно инновационным предприятиям или физическим лицам, стремящимся привлечь инвестиции для реализации коммерческого проекта инновационного характера. Преимущества краудинвестинга в рамках венчурного инвестирования, с одной стороны, заключаются в диверсификации рисков между широким кругом частных и институциональных инвесторов; в широком наборе форм инвестирования инновационных проектов (покупка долей в уставном капитале действующей или будущей компании с участием в прибыли; покупка долевых и долговых ценных бумаг хозяйственных обществ; инвестиции на условиях конвертируемого в акции или доли в капитале или неконвертируемого

займа). С другой стороны, краудплощадки, предоставляя гибкие возможности для инвестирования, призваны способствовать вовлечению национальных сбережений в инвестирование инноваций.

Отметим, что в условиях высоких банковских процентов по кредитам для бизнеса, незаинтересованности банков в инвестиционном кредитовании инновационных проектов, а также недостаточного интереса российских венчурных фондов и бизнес-ангелов к прорывным инновациям, для многих инновационных предприятий краудинвестинг может стать единственным вариантом получения средств.

Отличие инновационного краудинвестинга как формы инвестиционных отношений заключается в трансформации регулирующей роли государства. Так, помимо проработки нормативно-правовой базы деятельности краудплощадок, государство в лице уполномоченных органов должно выступать в качестве со-инвесторов, повышая надежность таких площадок и доверие потенциальных вкладчиков.

Принятый в 2020 г. и действующий в настоящее время Федеральный закон от 02.08.2019 № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ» пока является единственным нормативно-правовым актом в области создания национальной системы краудинвестинговых платформ. Однако он в полной мере не направлен на аккумулирование частных инвестиций в инновации, поскольку содержит ряд ограничений, связанных с требованиями к собственному капиталу минимум в 5 млрд. руб. и поднадзорности Центральному банку, с приравнением сделок свыше 1 млрд. руб. к эмиссии акций, с узким перечнем форм инвестирования (либо через ценные бумаги, либо через цифровые права).

Учитывая вышесказанное, с точки зрения развития нормативной основы инновационного краудинвестинга, мы предлагаем внесение следующих дополнений в Федеральный закон «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ»: расширение форм и инструментов инвестирования через инвестиционные платформы; введение понятия инновационного

краудинвестинга, определение системы лицензирования и аккредитации цифровых инвестиционных краудплатформ; определение форм возможного участия органов государственной власти в системе краудинвестинга; возможности организации краудинвестинга на основе технологий блокчейн.

Таким образом, воспроизводственная основа макростабилизирующей структурной политики предусматривает необходимость развития инвестиционных связей государства, бизнеса, направленных на обеспечение трансфера инноваций в структуре отраслей российской экономики, вовлечение в этот процесс субъектов научно-исследовательского сектора, широкого круга частных инвесторов. В конечном итоге, активизация межотраслевого перетока капитала призвана обеспечить рост производства добавленной стоимости, производительности труда и рентабельности субъектов обрабатывающих и высокотехнологичных отраслей, что, в конечном итоге, необходимо для стабилизации основных макроэкономических показателей. Вместе с тем, успех макростабилизирующих изменений в системе воспроизводства невозможен без создания соответствующей трансформации социальной структуры экономики.

3.3 Императив социальной стабилизации в системе структурной политики в российской экономике

Структурная политика, нацеленная на позитивные изменения в воспроизводственной, конкурентно-рыночной, институциональной структурах, должна, в конечном счете, отражать социально-значимые приоритеты экономического развития государства. Рост социального благополучия и социальной стабилизации за счет роста денежных доходов, обеспечения высокопроизводительными рабочими местами, увеличения доступности и качества

образовательных, медицинских услуг – залог формирования устойчивой инновационно-активной социальной группы – должен стать результатом регулируемых структурных преобразований в российской экономике.

Императив социальной стабилизации в системе структурной политики России – это, прежде всего, достижение социальных целей рыночных реформ – сокращение доли бедного работающего населения, повышение личных доходов, развитие предпринимательской инновационной культуры и трудовых компетенций до уровня, соответствующего цифровой экономике и Индустрии 4.0. Это означает преодоление социальных последствий отрицательного структурного сдвига и, как следствие, деиндустриализации российской экономики, начавшейся еще в период рыночной трансформации и не преодолимой до сих пор.

Проанализировав труды ученых, оценивающих влияние уровня социально-экономического развития национальной экономики, ее структурных проблем, проводимой социальной политики и макроэкономической динамики на уровень жизни населения и его социальное благополучие (А. Пигу [158], на современном этапе – Г.С. Вечканов [30], В.Н. Бобков [23], В.А. Кривошей, Н.В. Школкина [100], О.С. Сухарев [207], О.В. Шувалова [244], В.Л. Кураков [108], М.В. Дубовик [65] и многие др.), нами были рассмотрены важнейшие социальные индикаторы, значения которых позволяют свидетельствовать об основных социальных последствиях структурной деиндустриализации российской экономики.

В числе наиболее негативных ее последствий, следует выделить, во-первых, низкий уровень денежных доходов российского населения и, как следствие, неприемлемые масштабы бедности. По величине и темпам роста заработной платы Россия заметно отстает не только от технологически передовых стран мира, но и от государств, демонстрирующих в последние десятилетия высокие темпы промышленного развития. Так, средняя заработная плата в российской экономике по итогам 2018 г. составила 43445 руб. (692 долл. США), что меньше значений оплаты труда в США – в 4,1 раза; Японии – в 3,6 раза; Германии – в 3,5 раза; Великобритании – в 3,2 раза; Южной Кореи – в 3,1 раза; Китая – в 1,3 раза [223]. Индекс реальной заработной платы в российской промышленности имеет крайне

нестабильную динамику, в кризисные годы демонстрируя существенное замедление темпов роста или вовсе сокращение оплаты труда. При этом следует отметить, наличие заметных диспропорций по величине заработных плат в российской экономике, что свидетельствует о масштабной дифференциации общества по финансовому и имущественному признакам. Так, максимальная начисленная заработная плата наблюдается в добывающих отраслях и в финансовом сегменте экономики. Значения начисленной оплаты труда в представленных секторах по итогам 2018 г. в 1,9 и 2,1 раза соответственно превосходили средние значения по экономике. Между тем в совокупности в добывающем и финансовом секторах трудится не более 3% занятого населения страны. Это ниже, чем в сельском хозяйстве в 3,2 раза, в 5 раз ниже, чем в обрабатывающих производствах, в 2,8 раза – чем в образовании и в 2 раза – чем в здравоохранении.

Исходя из представленной динамики, следует заключить, что значимость и приоритетность развития отраслей, уровень образования работников, наличие ученых степеней, изобретений никак не коррелирует с уровнем оплаты труда в российской экономике, чего не сказать про развитые государства. Так, например, в развитых странах мира наиболее оплачиваемые профессии связаны с наукой, образованием, производством высоких технологий. К слову, работник высшей школы в Канаде получает за свой труд 7,2 тыс. долл., в США аналогичный показатель составляет 6 тыс. долл. В странах Западной Европы средняя оплата труда научно-педагогических работников – около 5 тыс. долл. [282].

В России средняя заработная плата работников высшей школы составляет 796 долл. – это выше среднероссийских значений, однако, существенно ниже показателей многих развитых и развивающихся государств. Кроме того, оплата труда в высшей школе также существенно дифференцирована в зависимости от учебных заведений и регионов. К слову, разрыв между максимальными (как правило, столичные ВУЗы и ВУЗы г. Санкт-Петербург) и минимальными (ВУЗы г. Пенза, г. Самара, Северо-Кавказского федерального округа) значениями оплаты труда в российской образовательной сфере составляет 2,7-3,3 раза. При этом

средняя заработная плата научно-педагогических работников только по г. Москва в 1,5-2 раза превосходит среднероссийские значения.

Коэффициент дифференциации доходов населения также свидетельствует об увеличении расслоения российского общества на узкий круг богатых и преобладающую массу бедных, имея повышательную тенденцию на протяжении всего постсоветского периода. Если еще в 1991 г. доходы высокодоходных групп населения в России лишь в 8 раз превышали доходы низкодоходных групп, то в последние годы значение увеличилось до 15,5-16 раз [223]. То есть, все еще более половины российского населения имеет доходы, не превышающие 500 долл. США: в 2018 г. их процент составлял – 55,3 [223]. При этом доля населения, проживающая на пороге и за чертой бедности (по официальной методике расчета) в России, хотя и имела тенденцию к снижению, однако, и в настоящее время остается высокой – 12-13%. Исходя из национальных расчетов прожиточного минимума за чертой бедности, например, в Республике Беларусь находится всего 5,6%, в Казахстане – 4,6%, в Азербайджане – 5% [223]. Однако более впечатляющую тенденцию демонстрирует Китай, в котором уровень бедности за последние 10 лет снизился с 45,6% до 3,1%.

Не стоит упускать из виду и размер прожиточного минимума, который в различных государствах может существенно отличаться. Так, например, размер прожиточного минимума в России в 1,7 раза ниже, чем в Литве, в 2,8 раза, чем в Латвии, в 3 раза, чем в Польше и в 5 раз, чем в Финляндии. Более того, по степени концентрации доходов Россия сильно уступает многим развитым странам мира, находясь на уровне Аргентины и Филиппин, у которых доходы среди социальных групп распределяются крайне неравномерно [223]. Учитывая представленные сравнительные данные, следует признать, что реальные показатели бедности в России выглядят более драматичными. Так, по различным независимым оценкам в зоне бедности в России все еще остается 22-25% населения [137].

Во-вторых, структура доходов, потребления, а также имущественная обеспеченность российских граждан кардинально отличается от показателей развитых государств. Так, обеспеченность населения личной собственностью в

России заметно ниже, чем в ряде промышленно развитых странах мира. При этом расходы на приобретение имущества в структуре потребления домашних хозяйств минимальны (1,2-2,6%), также, как и доходы от него (4,2-5,2%) [223].

Надо сказать, что львиную долю доходов российских граждан по-прежнему «съедают» жилищно-коммунальные услуги и потребительские товары (53% в 2000 г. и 41,3% в 2018 г.), фактически не оставляя средств на инвестиционные цели. Так, удельный вес прироста финансовых активов населения с 18,9% в структуре доходов в 1991 г. сократился до 1,4% к 2018 г., имея самые серьезные снижения в кризисные периоды экономического цикла.

Важным источником потребительских доходов российских граждан остается оплата труда (59,3-73,6%) и социальные выплаты (14,3-19,1%). В отличие от развитых государств, в которых основной доход домохозяйств представляет собой комбинацию оплаты труда, предпринимательских доходов, а также процентов с капитала и сбережений. Например, в Японии инвестиционные доходы в структуре личных доходов населения составляют в среднем 36%, а в структуре расходов значимую долю образуют расходы на приобретение недвижимости (12,5%) и сбережения (35%). В Германии доходы от собственности приносят домашним хозяйствам порядка 17%, столько же примерно домохозяйства в Германии тратят и на сбережения. В США на доходы от имущества приходится около 30% [223].

Сложившиеся структурные особенности доходов домашних хозяйств и их распределения в России позволяют свидетельствовать о существенном перекосе в структуре расходов в пользу потребительских товаров первой необходимости (продукты питания, одежда, услуги ЖКХ), что приводит к сужению потребления благ длительного пользования, отсутствию средств для капиталовложений, а также приобретений инвестиционных товаров. Так, российские жители потребляют в 3-4 раза меньше благ длительного пользования, в отличие от жителей Западной Европы и США. А в целом, фактическое конечное потребление домашних хозяйств в России меньше аналогичного показателя Германии – в 1,82 раза, Великобритании – в 1,69 раза, США – в 2,36 раза [223].

В условиях фактической десоциализации структурной политики государства увеличивается предпринимательская и инвестиционная пассивность граждан ввиду фактического отсутствия возможности осуществлять накопления, ухудшаются потребительские ожидания в обществе, возрастает недоверие к власти, увеличивается общий уровень экономической обеспокоенности в стране. Среди целевых элит, являющихся основой инновационного развития экономики, растет недоверие к возможным позитивным изменениям в экономике, накапливается неудовлетворенность своим социальным положением, возрастают на этом фоне и миграционные настроения.

В-третьих, технологическая примитивизация промышленного производства привела к ухудшению экологической обстановки (особенно в монопрофильных регионах с высокой концентрацией вредных и опасных производств), снижению качества трудовой жизни и ухудшению производственных условий труда, что, в свою очередь, обусловило рост травматизма на предприятиях, увеличение профессиональных заболеваний и, как следствие, сокращение продолжительности жизни. Так, во вредных и опасных условиях в настоящее время трудится около 37,9% наемных работников России (против 25% в 2007 г.), наибольшее число которых занято в сфере добычи полезных ископаемых (54,7% от общей численности занятых в данной сфере), химической, металлургической промышленности, производстве кокса и нефтепродуктов (43,2%), строительстве (36,7%) [223] с уровнем оборудования и технологий, соответствующих третьему (в лучшем случае, четвертому) технологическому укладу.

Несмотря на снижение травматизма на промышленных предприятиях России в 2,5 раза за период 2008-2018 гг. (в том числе с летальным исходом – в 2,3 раза), его уровень по-прежнему крайне высок. К слову, число погибших при несчастных случаях на производстве в России превышает аналогичный показатель Японии – в 2,3 раза, Германии – в 4,1 раза, Франции – в 5,6 раз [223].

Таким образом, налицо связь между показателями структурной деиндустриализации (как старение основных фондов, использование примитивных

технологий, снижение производительности труда – п. 2.2 настоящей диссертации) и социальной дестабилизацией экономики.

Между тем, мировой опыт свидетельствует о фундаментальной роли неоиндустриализации в устойчивом экономическом развитии государств и повышении уровня жизни населения. Так, улучшение социального благополучия в азиатских странах (Южная Корея, Китай, Индия) было сопряжено с масштабной индустриализацией и переносом ряда промышленных производств из развитых государств. Поддержание высокого уровня общественного благосостояния и качества жизни населения стран Западной Европы и Северной Америки на современном этапе обеспечивается за счет становления и развития постиндустриального общества, которое следует понимать как новый этап индустриализации, основанный на повышении наукоемкости промышленного производства, создании высоких технологий, роста информационно-емких и интеллектуальных услуг.

При этом основной упор при реализации экономической политики на этапе становления инновационной экономики в этих странах был сделан на развитие человеческого капитала и формирование устойчивой инновационно-активной социальной группы, что проявлялось в многократном увеличении инвестиций в науку, образование, развитие системы здравоохранения; всестороннем поощрении предпринимательской активности; создании институциональных условий для увеличения инновационной активности всех экономических агентов (бизнеса, населения, некоммерческих организаций, академической науки); формировании в сознании людей стойкого образа науки и знаний как движущей силы социально-экономического роста и увеличения личного благосостояния.

Особая важность формирования устойчивой инновационно-активной социальной группы, подчеркивалась в работах Р. Флорида, В.Н. Бобкова, В.А. Воскобойникова [31], В.В. Тихонова [212], В.А. Мальгина [122] и многих других ученых. Так, Р. Флорид [226] отмечал особую роль креативной социальной группы (творческих работников, ученых, инженеров, предпринимателей-новаторов, деятельность которых направлена на создание новой научно-

технической разработки, а также доведения ее до практических результатов), источником роста которой являлся средний класс в становлении инновационной экономики в США. Такая социальная группа, как правило, обладает высоким уровнем образования, активной гражданской позицией, независимым мышлением, способна продуцировать новые знания, идеи, наполнять креативным содержанием привычные процессы.

Примечательно, что именно «вымывание» среднего класса в США А.И. Рей видит в качестве одной из значимых причин сокращения темпов роста американской экономики в настоящее время [175].

К сожалению, следует констатировать, что в России практически отсутствуют условия (социально-экономические, правовые, институциональные) для формирования инновационно-активной социальной группы, которая должна стать устойчивой основой среднего класса. Так, исследование, проведенное сотрудниками Института социологического анализа и прогнозирования РАНХиГС, показало, что средний класс в России с 20% в структуре населения в 2000 г., снизился до 19%, при росте низшего класса и группы риска бедности [118].

Мы полагаем, что формируемая в российской экономике социальная структура, мало сообразуемая с мировыми тенденциями, не может стать основой ее структурной трансформации. Так, высококвалифицированным трудом в российской экономике в настоящее время занят всего 31% трудящихся, из которых не больше $\frac{1}{4}$ – в наиболее востребованных на рынке труда видах деятельности, связанных с наукой, техникой, информационно-коммуникационными технологиями [223]. Основу трудящихся в России по-прежнему составляют занятые средней квалификации и неквалифицированные работники. Кроме того, результаты межстрановых сопоставлений структуры занятых свидетельствуют и об избыточной численности управляющего персонала в России, а также нехватке специалистов для обрабатывающих секторов. К слову, в России по итогам 2017 года доля руководителей и законодателей в структуре занятого населения в 1,5 раза превосходит показатели Германии, США и Японии [223].

Учитывая описанные тенденции, наиболее социально благополучными группами в российской экономике в настоящее время следует признать те, которые формируются вокруг государственного управления и обеспечения военной безопасности, финансовой сферы и сырьевого бизнеса. Для всех остальных, далеких от чиновничьего аппарата и олигархической элиты, возможности повышения социального статуса и соответственно личного благополучия, ввиду выстроенной системы nepотизма, весьма ограничены. Этому препятствует и сложившиеся за годы реформ воспроизводственная и институциональная структуры экономики, настроенные, таким образом, чтобы отстаивать интересы, личную выгоду олигархов и чиновников.

Среди наиболее значимых проблем в развитии сферы робототехники в России руководители ВУЗов, НИУ, НПО также признают кадровый вопрос [242]. В целом, проблемой дефицита высококвалифицированных исследователей, инженеров, научных работников обеспокоены не менее 40% работодателей различных сфер деятельности, а те специалисты (выпускники), что имеются в стране не обладают, по их мнению, необходимой квалификацией для выполняемой работы в соответствии с ее характером, поэтому для 80% из них требуется повышение квалификации на начальном этапе или вовсе профессиональная переподготовка [112].

В этой связи императив социальной стабилизации в системе структурной политики государства мы видим в формировании устойчивой социальной группы, к которой относим ученых, исследователей, работников образовательной сферы, изобретателей, предпринимателей-новаторов. Особое внимание при этом уделяя формированию широкого слоя интрапренеров – творческих, креативно мыслящих предпринимателей, способных не только изобретать и продуцировать новые знания и технологии, но и брать на себя ответственность и инициативу по внедрению инноваций, доведению их до практических результатов и использованию в коммерческих целях. Именно эта социальная прослойка должна стать наиболее благополучной, востребованной, социально-могущественной

группой, способной стать социальной основой структурной трансформации экономики.

До сих пор проблема формирования в России устойчивой инновационно-активной социальной группы (ученые, инженеры, работники IT-сферы, специалисты высокотехнологичных услуг, предприниматели-новаторы, специалисты инновационных предприятий и пр.), была вызвана негативной макроэкономической динамикой, являющейся следствием непрекращающихся процессов деиндустриализации, которые фактически лишили ее экономической основы (повышение производительности труда, достойная оплата труда, социальная мобильность, извлечение интеллектуальной ренты) роста социального благополучия. При этом дестабилизация в социальном плане порождает «порочный круг», способствуя разворачиванию дестабилизационных процессов в экономике.

Определяя возможности формирования социальной группы с высоким инновационным потенциалом как социальной основы структурной трансформации российской экономики, мы, прежде всего, исходим из необходимости развития фундаментальной науки, трансфера и коммерциализации инноваций за счет:

1. Выхода отдельных ученых и научных коллективов на место получателей негосударственного финансирования НИОКР, занимаемое сегодня университетами и НИИ, а предприятий, заключающих с ними долгосрочные контракты – на роль получателей налоговых льгот.

В настоящее время такая форма сотрудничества бизнеса и академической среды не получила развития в российской экономике, в силу неразвитости взаимоотношений отдельных ученых с субъектами бизнеса. Между тем опыт США [265] и ряда европейских государств показывает высокую ее эффективность в части увеличения объемов совместных исследований и коммерциализации их результатов. С этой целью требуется формирование федерального перечня научных школ и коллективов, а также законодательное закрепление налоговых льгот и стимулов для предприятий, заключающих с ними контракты на проведение

НИОКР, с тем чтобы последнее стало для бизнеса более выгодным, чем уплата налогов.

2. Развитие интеграции и коллаборации научно-образовательных учреждений со структурами бизнеса, в частности, на основе:

- встраивания в цепочки производства инновационных благ, в которых университеты и научные коллективы фактически выступают «фабрикой научных идей», а фирмы – заказчиками инноваций – преимущественно в форме образования нового предприятия или направления бизнеса по принципу «spin-off» (выделение бизнеса), когда инновационный стартап, создаваемый государственным университетом или НИИ, получает от него право на использование объектов интеллектуальной собственности и технологий, а от бизнеса – инвестиции;

- создания на базе крупных бизнес-структур или объединений корпоративных инновационных университетов в целях упрощения процесса производства и трансфера инноваций. Подобная практика в 2010-х гг. не прижилась в российской экономике, однако, показала высокую эффективность в США, Европе и Японии [313], где были созданы крупнейшие корпоративные университеты (IBM Global Learning, Motorola University, корпоративный университет компании Dymler-Benz, Центр развития персонала компании Wolfsberg и др.), которые в настоящее время представляют собой разветвленную систему внутрифирменного обучения со специализированными курсами, системой филиалов и представительств в различных странах мира, огромным штатом сотрудников и внушительными бюджетами. Корпоративные образовательные и научно-исследовательские структуры, созданные на базе холдинговых компаний и предприятий (в том числе путем слияния с государственными институтами) строго ориентированы на запросы реального сектора экономики, упрощая трансфер необходимых знаний и разработок, а также способствуя эффективному трудоустройству выпускников и получения ими опыта профессиональной деятельности уже на этапе обучения путем непрерывного вовлечения в научно-исследовательский и производственный процессы;

- расширения полномочий деятельности государственных институтов развития, осуществляющих финансирование научно-технических программ и проектов в области фундаментальных исследований и разработок (в рамках их предстоящего реформирования [167]). В частности, введение рейтинговой системы получения средств на осуществление фундаментальных исследований и разработок научно-образовательными и научно-исследовательскими институтами, основанной на публикационной активности учреждения, результативности научных исследований и разработок, а также эффективности взаимодействия с сегментом бизнеса (что может быть оценено через количество договоров на долгосрочное сотрудничество, созданными совместными предприятиями, научными центрами, коммерциализированными инновационными продуктами и пр.). Кроме этого, необходимо существенно расширить круг получателей средств специализированных государственных институтов, к которому, мы полагаем, должна примкнуть сеть корпоративных инновационных университетов.

Таким образом, реализация императива социальной стабилизации в системе структурной политики в российской экономике требует формирования инновационно-активной социальной группы за счет развития новых форм сотрудничества академической среды и реального сектора экономики, обеспечения возможности гибких взаимовыгодных условий взаимодействия конкретного ученого, научно-образовательного учреждения и промышленного объединения, трансформации образовательного процесса.

Раскрытая в диссертации связь типов, принципов, факторов взаимного влияния макроэкономической нестабильности и структурной трансформации экономики утверждает тезис автора о том, что отход от деиндустриализации выступает первоочередным условием преодоления рецессии и стабилизации макропоказателей в долгосрочном периоде. Конечной социально-экономической задачей макростабилизирующей структурной политики является преодоление технологического отставания и повышение качества жизни.

Заключение

Анализ теоретических основ структурной трансформации экономики в условиях макроэкономической нестабильности, их типов, факторно-критериальной основы, форм регулирования в совокупности привел к следующим выводам.

1. Прделанный в диссертации сравнительный анализ научных подходов позволил дополнить теорию структурной трансформации экономики в контексте ее взаимосвязи с макроэкономической нестабильностью, основу которой составили следующие положения:

– обоюдность связи структурной трансформации и макроэкономической нестабильности, которые, будучи двумя частями одного явления более высокого порядка – экономического развития, – находятся между собой в неразрывной причинно-следственной связи. Связь проявляется в том, что структурная трансформация выступает одновременно источником и средством сокращения макроэкономической нестабильности;

– уточненное авторское определение структурной трансформации – как комплекса количественных (макро- и мезоэкономические пропорции) и качественных (эффективность использования факторов производства, формирования новых технологий и институтов, появление новых субъектов) изменений, вызванных преобразованием экономических отношений в процессе становления более прогрессивных форм хозяйствования и целенаправленного государственного регулирования;

– общность принципов структурной трансформации экономики и макроэкономической стабилизации, которая заключается в тесной количественной и качественной связи комплексных изменений структуры экономики и волатильности основных макропоказателей;

– двойственное действие факторов структурной трансформации экономики, которые могут оказывать макростабилизационное и дестабилизационное влияние на национальную экономику, в зависимости от характера их использования в рамках проводимой государством структурной политики.

2. На основе анализа принципов и факторов трансформации структуры экономики во взаимосвязи с макроэкономической нестабильностью представлена типология структурной трансформации, включающая:

– макростабилизирующую структурную трансформацию, допускающую определенную краткосрочную дестабилизацию в ходе позитивных структурных сдвигов, инициированных в рамках структурной политики, направленной на преодоление инерции сложившихся структурных диспропорций экономики. В дальнейшем стабилизирующее действие факторов структурной трансформации экономики призвано снизить ее подверженность внешним и внутренним шокам, стагнации инвестиций и производительности труда, в процессе инновационно-технологической модернизации промышленности, роста доли отраслей с высокой добавленной стоимостью и высокопроизводительных рабочих мест;

– макродестабилизирующую структурную трансформацию, подразумевающую длительную дестабилизацию экономики в результате отхода государства от проведения структурной политики, направленной на преодоление деиндустриальных, технологически деградиционных последствий конъюнктурно-обусловленных негативных структурных сдвигов.

Уточнено определение макроэкономической нестабильности как волатильности макроэкономических показателей, вызванной сочетанием эндогенных (неравновесие рынка, монополии, оппортунизм) и экзогенных (научно-технический прогресс, санкции и эмбарго) сил. Эти силы, дестабилизирующие макроэкономические индикаторы (ВВП, занятость, инвестиции, темпы инфляции и пр.) имеют как рыночно-конъюнктурную (микроэкономическую), так и структурную (макроэкономическую) природу, т.е. формируют краткосрочную или долгосрочную дестабилизацию.

В соответствии с авторским определением макроэкономической нестабильности, в диссертации были выделены два ее типа:

– рыночно-индуцированная макроэкономическая нестабильность, обусловленная периодическими нарушениями равновесия макроэкономических процессов и наличием рыночной неопределенности, вызванной сложным переплетением объективных и субъективных факторов. Она непродолжительна, поскольку ей противодействуют как рыночные механизмы перераспределения ресурсов и вовлечения факторов производства, так и стабилизационные действия государства;

– структурно-индуцированная макроэкономическая нестабильность, вызванная инерционным характером углубления структурных диспропорций, которые формируются в течение длительной структурной трансформации, и проявляющаяся продолжительное время. Преодоление нестабильной динамики основных макроэкономических показателей и выхода на траекторию роста в случае благоприятной внешнеэкономической конъюнктуры, постепенной отмены санкций будет иметь непродолжительный эффект, а для долгосрочной макростабилизации требуются структурно-трансформационные действия.

3. В исследовании представлены сценарии реализации структурно-индуцированной макроэкономической нестабильности в российской экономике, отражающие характер связи ее структурной трансформации и дестабилизационных процессов:

– краткосрочная дестабилизация, имевшая место в российской экономике в 2013-2016 гг., характеризуется спадом ВВП в течение нескольких лет под влиянием структурных проблем, усиливающихся внешними шоками. В дальнейшем при благоприятной внешнеэкономической конъюнктуре может наблюдаться краткосрочное оживление, сменяемое спадом без структурной трансформации экономики на основе существенного роста инвестиций, государственных расходов в научно-технологической сфере и улучшения институциональной среды;

– колебательная дестабилизация, которая несет в себе риски перехода в долгосрочную рецессию, а затем и в стагнацию с более глубоким спадом. Это

неизбежно ухудшит условия структурной трансформации в будущем, в отсутствие регулируемой структурной трансформации, направленной на защиту от внешних шоков за счет изменений, прежде всего, в воспроизводственной системе;

– долгосрочная дестабилизация, переходящая в рецессию, представляет собой более глубокий и затяжной спад макроэкономических показателей, инициированных затяжным характером негативных структурных изменений в условиях повторяющихся внешних шоков, грозящий безвозвратным отставанием от передовых стран мира в уровне социально-экономического и технологического развития;

– пиковая дестабилизация краткосрочного характера – макроэкономические колебания, вызванные внешними шоками и неравновесием спроса и предложения на факторных рынках. В условиях регулируемой структурной трансформации адаптация экономики к действию внешних шоков позволит сменить пиковую дестабилизацию устойчивым позитивным трендом.

Долгосрочная дестабилизация, которая может стать доминирующим трендом в российской экономике в случае оттягивания управляемых структурных преобразований, обусловлена деиндустриальным характером ее структурной трансформации. Деиндустриализация российской экономики в период реформ – сокращение доли промышленности в национальном выпуске, а в ней самой – доли обрабатывающих и высокотехнологичных отраслей, во многом стала следствием образования замкнутых цепей соединения воспроизводственных проблем, трансляции внешних шоков в национальную экономику и изменений в ее структуре, а также обратного влияния макроэкономической нестабильности на структурную трансформацию экономики.

Предложена методика оценки взаимного влияния структурной трансформации экономики на макроэкономическую нестабильность, включающая расчет интегральных индексов.

4. Определено, что в условиях возрастающих внешних шоков, усиления технологических вызовов и воспроизводственных проблем российской экономики необходимо сформировать такую структурную политику, которая позволит

реализовать функцию макроэкономической стабилизации в трех направлениях: усиление противодействия энтропии мировой финансово-хозяйственной системы, создание воспроизводственных основ преодоления макродестабилизации за счет ускорения инновационно-технологического развития, преодоление долгосрочного негативного социального эффекта макроэкономической нестабильности.

Идея такой макростабилизирующей структурной политики основана на развитии экономических отношений в системе воспроизводства материального и человеческого капитала, институционализации прогрессивной структурной трансформации российской экономики, сетевизации научно-производственного взаимодействия и инвестирования, ускорения накопления капитала и модернизации средств производства промышленности.

К основным направлениям макростабилизирующей структурной политики, востребованной в российской экономике, в диссертации отнесены:

– развитие трансфера и коммерциализации инноваций за счет приоритетного налогового стимулирования инновационно-инвестиционных связей фирм и научных школ и коллективов, государственной поддержки «spin-off»-стартапов университетов и НИИ, организации сети инновационных корпоративных университетов, которые, будучи передовыми научно-образовательными центрами частной или смешанной собственности, должны выступить флагманами отраслевого инновационного развития;

– переориентирование инвестиционных ресурсов российской банковской системы с финансирования сферы обращения и сырьевых холдингов на инновационное развитие обрабатывающих отраслей и вовлечение в этот процесс большого числа инновационных фирм – в процессе активизации сетевого участия коммерческих банков в инвестировании инновационных стартапов, основанных на технологии блокчейн, в форме ICO (эмиссии криптовалют), а также рыночных сделок с цифровыми правами собственности в рамках инвестирования в инновационные стартапы в промышленности;

– формирование системы крауд-инвесторов – независимых платформ коллективного финансирования бизнеса, с привлечением средств частных

собственников капитала, ориентирующихся на инвестиции в высокотехнологичных отраслях;

– развитие сетевой формы инвестирования инноваций в промышленности в ходе становления сетевых инновационных экосистем, формирования государственно-частных партнерств кластерно-сетевого типа, позволяющих распределять налоговые льготы не по субъектному, а по проектно-инициативному критерию.

Реализация макростабилизирующей структурной политики требует формирования устойчивой инновационно-активной социальной группы, включающей ученых-исследователей, работников IT-сферы, предпринимателей-инноваторов, менеджеров инновационных компаний.

Таким образом, снижение макроэкономической нестабильности российской экономики является, с одной стороны, императивом ее структурной трансформации и ориентиром структурной политики, с другой – условием выхода на траекторию долговременного роста.

Список литературы

1. Абалкин, Л. И. Конечные народнохозяйственные результаты (сущность, показатели, пути повышения) [Текст] / Л.И. Абалкин. – М.: Наука, 1982. – 402 с.
2. Абузярова, М. И. Методологические основы структурных сдвигов в экономике [Текст] / М.И. Абузяров // Экономические науки. – 2011. – № 4(77). – С. 181-185.
3. Авдотьев, К.А. Макроэкономические условия трансформации российской экономики [Текст] / К.А. Авдотьев // Регион: экономика и социология. – 2004. – №2. – С. 72-77.
4. Аганбегян, А. Г. Инвестиции в стратегии социально-экономического развития // Проблемы модернизации экономики и экономической политики России. Экономическая Доктрина Российской Федерации / Материалы Российского научного экономического собрания (Москва, 19-20 октября 2007 г.) [Текст] / А.Г. Аганбегян. – М.: Научный эксперт, 2008. – 137 с.
5. Аганбегян, А. Г. Нужна ли России смена парадигмы социально-экономического развития? [Текст] / А.Г. Аганбегян // Экономическая политика. – 2012. – № 6. – С. 54-66.
6. Аганбегян, А. Г. Социально-экономическое развитие России: анализ и прогноз [Текст] / А.Г. Аганбегян // Проблемы прогнозирования. – 2014. – № 3. – С. 6-15.
7. Агафонов, В. А. Кластерная стратегия: системный подход [Текст] / В.А. Агафонов // Экономическая наука современной России. – 2010. – № 3(50). – С. 77-91.
8. Аджемоглу, Д. Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты [Текст] / Д. Аджемоглу, Д.А. Робинсон / пер. с англ. Д. Литвинова, П. Миронова, С. Сановича. – М.: АСТ, 2015. – 770 с.
9. Акиндинова, Н. В. Российская экономика: от трансформации к развитию: Национальный доклад по проблемам развития экономики и общества [Текст] / Н.В.

Акиндинова, В.А. Бессонов, Е.Г. Ясин. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2018. – 55 с.

10. Алешко, О. С. Определение перспектив развития черной металлургии на основе международных сопоставлений [Текст] / О.С. Алешко, И.А. Буданов / В Сб.: Использование межстрановых сопоставлений для анализа и прогнозирования структуры экономики СССР. – М.: ИНП АН СССР, 1991. – С. 72-78.

11. Амин, С. Вирус либерализма. Перманентная война и американизация мира [Текст] / С. Амин / пер. с англ. Ш. Нагиба, С. Кастальского. – М.: Издательство «Европа», 2007. – 168 с.

12. Амосов, А. А. Можно ли отложить до 2017 г. поворот к новому индустриальному развитию [Текст] / А.А. Амосов // Экономист. – 2015. – № 3. – С. 3-13.

13. Аналитический центр при Правительстве РФ [Текст]. Социальный бюллетень. Производительность труда в РФ. – 2017. – №9. – 44 с.

14. Балацкий, Е. В. Концепция инклюзивных институтов и ее приложения [Текст] / Е.В. Балацкий // Общественные науки и современность. – 2017. – № 2. – С. 143-156.

15. Балацкий, Е. В. Теория институциональных ловушек и правовой плюрализм [Текст] / Е.В. Балацкий // Общество и экономика. – 2001. – № 10. – С. 84-97.

16. Балацкий, Е. В. Экономический рост в условиях экстрактивных институтов: советский парадокс и современные события [Текст] / Е.В. Балацкий, Н.М. Плискевич // Мир России. – 2017. – № 4. – С. 97-117.

17. Баранов, Э. Ф. Декомпозиционный анализ источников экономического роста на основе таблиц «затраты-выпуск» по России [Текст] / Э.Ф. Баранов, А.В. Елсакова, Е.С. Корнева, Е.А. Старицына // Вопросы статистики. – 2016. – №10. – С. 44-56.

18. Барр, Р. Политическая экономия: в 2-х т.: Т. 1: пер. с фр. [Текст] / Р. Барр. – М.: Международные отношения, 1995. – 752 с.

19. Березной, А. Транснационализация российского бизнеса [Текст] / А. Березной // *Мировая экономика и международные отношения*. – 2011. – № 11. – С. 32-43.
20. Бетелин, В. О Новой технологической революции и готовности к ней экономики России [Текст] / В. Бетелин // *Экономист*. – 2018. – № 2. – С. 3-9.
21. Беттельхейм, Ш. Независимая Индия / пер. с фр. предисл. Г. Г. Котовского; под общ. ред. проф. Р. А. Ульяновского [Текст] / Ш. Беттельхейм. – М.: Прогресс, 1964. – 390 с.
22. Блауг, М. Общее равновесие по Вальрасу // *Экономическая мысль в ретроспективе* [Текст] / М. Блауг. – М.: Дело, 1994. – 687 с.
23. Бобков, В. Н. Социальные структуры и средние классы: взгляд на Россию [Текст] / В.Н. Бобков // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика*. – 2014. – № 4. – С. 28-41.
24. Богатейшие бизнесмены России в мировом рейтинге Forbes [Электронный ресурс] // *Forbes*. – 2018. – 06.03.2018. – URL: <https://www.forbes.ru/milliardery-photogallery/samyebogatye-lyudi-mira358027-bogateyshie-lyudi-rossii-v-mirovom-reytinge> (дата обращения: 10.09.2020).
25. Богомолов, О. Т. Экономическая глобализация: критический анализ (к выходу книги лауреата Нобелевской премии, профессора Джозефа Стиглица – Joseph E. Stiglitz, *Globalization and its Discontents*, 2002) [Текст] / О.Т. Богомолов // *Проблемы прогнозирования*, 2003. – № 4. – С. 22-33.
26. Буданов, И. А. Вовлечение ресурсов сбережения в экономику и развитие воспроизводственных процессов в РФ [Текст] / И.А. Буданов // *Проблемы прогнозирования*. – 2012. – № 5. – С. 29-46.
27. Буклемишев, О. В. Инвестиционная пауза в российской экономике и ее преодоление [Текст] / О.В. Буклемишев // *Журнал Новой экономической ассоциации*. – 2016. – № 1. – С. 160-167.
28. Бутакова, М. М. Промышленность региона: инновационная составляющая структурных изменений [Текст] / М.М. Бутакова, О.Н. Соколова // *Ползуновский вестник*. – 2005. – №2. – С. 154-157.

29. Бюджетный прогноз Российской Федерации на период до 2036 года [Электронный ресурс]. – URL: https://www.minfin.ru/common/upload/library/2019/04/main/Budzhethnyy_prognoz_2036.pdf (дата обращения: 10.09.2020).
30. Вечканов, Г. С. Факторы благосостояния населения [Текст] / Г.С. Вечканов // Вестник ИНЖЭКОНа. Серия экономика. – 2010. – №2(37). – С. 32-41.
31. Воскобойников, В. А. Особенности формирования доходов среднего класса в современной России и пути повышения его платежеспособного спроса [Текст] / В.А. Воскобойников: автореф. дис. ... канд. экон. наук: 08.00.01. – М., 2005. – 19 с.
32. Вулф, М. Сдвиги и шоки: чему нас научил и еще должен научить финансовый кризис [Текст] / М. Вульф. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2016. – 509 с.
33. Гайдар, Е. Т. Экономические реформы и иерархические структуры / Отв. ред. С.С. Шаталин [Текст] / Е.Т. Гайдар. – М.: Наука, АН СССР. Ин-т экономики и прогнозирования науч.-тех. Прогресса, 1990. – 224 с.
34. Гайдар, Е. Т. Наследие социалистической экономики: макро- и микроэкономические последствия мягких бюджетных ограничений [Текст] / Е.Т. Гайдар. – М.: Институт экономики переходного периода, 1999. – 219 с.
35. Гасанов, М. А. Структурные сдвиги в условиях трансформации экономики России и становления инновационного типа развития [Текст] / М.А. Гасанов: дисс. ... д-ра экон. наук: 08.00.01. – Томск: ТГУ, 2012. – 397 с.
36. Гасанов, М. А. Структурная конвергенция в экономике России и ее ограничения [Текст] / М.А. Гасанов, Э.А. Гасанов // Вестник Томского государственного университета. Экономика. – 2014. – № 1 (25). – С. 14-25.
37. Гильфердинг, Р. Финансовый капитал. Исследование новейшей фазы в развитии капитализма [Текст] / Р. Гильфердинг. – М.: Соцэкгиз, 1959. – 506 с.
38. Глазьев, С. Ю. Битва за лидерство в XXI веке. Россия – США – Китай. Семь вариантов обозримого будущего [Текст] / С.Ю. Глазьев. – М.: Книжный мир, 2017. – 352 с.

39. Глазьев, С. Ю. Мировой экономический кризис как процесс смены технологических укладов [Текст] / С.Ю. Глазьев // Вопросы экономики. – 2009. – № 3. – С. 26-38.
40. Глазьев, С. Ю. О задачах структурной политики в условиях глобальных технологических сдвигов. Часть 1 [Текст] / С.Ю. Глазьев // Экономическая наука современной России. – 2017. – № 3. – С. 49-58.
41. Глазьев, С. Ю. О политике опережающего развития в условиях смены технологических укладов [Текст] / С.Ю. Глазьев // Вестник РАЕН. – 2013. – Т. 13. – № 1. – С. 29-35.
42. Глазьев, С. Ю. О стратегии экономического развития России [Текст] / С.Ю. Глазьев // Вопросы экономики. – 2007. – № 5. – С. 30-52.
43. Глазьев, С. Ю. Российская экономика в начале 2020 года: о глубинных причинах нарастающего хаоса и комплексе антикризисных мер [Текст] / С.Ю. Глазьев // Российский экономический журнал. – 2020. – № 2. – С. 3-39.
44. Глазьев, С. Ю. О стратегии развития России до 2020 года [Текст] / С.Ю. Глазьев // Свободная мысль. – 2008. – № 5. – С. 5-20.
45. Голиченко, О. Г. Государственная политика и провалы национальной инновационной системы [Текст] / О.Г. Голиченко // Вопросы экономики. – 2017. – № 2. – С. 97-108.
46. Голиченко, О. Г. Модели развития, основанного на диффузии технологий [Текст] / О.Г. Голиченко // Вопросы экономики. – 2012. – № 4. – С. 117-131.
47. Госсектор экономики: инерция или эффективность [Электронный ресурс] / Официальный сайт Центра стратегических разработок. – URL: <https://www.csr.ru/news/gossektor-ekonomiki-inertiya-ili-effektivnost/> (дата обращения: 10.09.2020).
48. Государственный бюджет СССР на 1990 г. [Электронный ресурс]. – URL: <http://gaidar-arc.ru/file/bulletin-1/DEFAULT/org.stretto.plugins.bulletin.core.Article/file/4084> (дата обращения: 10.09.2020).

49. Григорьев, Л. М. Посткризисная структура экономики и формирование коалиций для инноваций [Текст] / Л.М. Григорьев, С.М. Плаксин, М.Р. Салихов // Вопросы экономики. – 2008. – № 4. – С. 25-43.
50. Гринберг, Р. С. Структурная политика – безальтернативное средство модернизации российской экономики [Текст] / Р.С. Гринберг // Экономика региона. – 2007. – № 3. – С. 9-18.
51. Гриценко, А. А. Институциональная архитектура: объект, теория и методология: В сб.: Постсоветский институционализм / под ред. Р.М. Нуреева, В.В. Дементьева. [Текст] / А.А. Гриценко. – Донецк: Каштан, 2005. – С. 49-74.
52. Губанов, С. С. Кризисные реалии России и их преломление в оценках правительства (анализ статьи Д. Медведева) [Текст] / С.С. Губанов // Экономист. – 2015. – № 10. – С. 3-51.
53. Губанов, С. С. Неоиндустриальная парадигма развития: основы и значения / в кн. Новая индустриализация России: стратегические приоритеты страны и возможности Урала [Текст] / С.С. Губанов. – Екатеринбург, 2018. – С. 27-61.
54. Гуриев, С. М. Экономический механизм сырьевой модели развития [Текст] / С.М. Гуриев, А.С. Плеханов, К.И. Сонин // Вопросы экономики. – 2010. – № 3. – С. 4-23.
55. Гэлбрейт, Д. К. Новое индустриальное общество / [Текст] Д.К. Гэлбрейт пер. с англ. избранное. Антология экономической мысли. – М.: Эксмо, 2008. – 1198 с.
56. Данилов-Данильян, А. В. О негативных экономических процессах 2019 года в России и их сохранении на ближайшее время [Текст] / А.В. Данилов-Данильян // Научные труды Вольного экономического общества России. – 2020. Т. 222. № 2. – С. 118-125.
57. Данилов-Данильян, В. И. Глобальный кризис как следствие структурных сдвигов в экономике [Текст] / В.И. Данилов-Данильян // Вопросы экономики. – 2009. – № 7. – С. 35-40.
58. Делягин, М. Г. Место России в условиях глобализации [Электронный ресурс] / М.Г. Делягин // Наш современник. – 2001. – № 1. – URL: <http://www.nash-sovremennik.ru/p.php?y=2001&n=7&id=4> (последнее обращение 10.09.2020).

59. Дементьев, В. В. Инновации, хозяйственный порядок и экономическая власть [Текст] / В.В. Дементьев // Journal of Economic Regulation (Вопросы регулирования экономики). – 2018. – №4. – С. 22–36.
60. Демченко, С. К. Структурные изменения в потреблении и накоплении и их влияние на макроэкономическую динамику: дис. ... д-ра экон. наук: 08.00.01. [Текст] / С.К. Демченко. – Красноярск, 2009. – 383 с.
61. Дзантиева, Ф. З. Развитие сетевых форм организации межфирменного взаимодействия субъектов предпринимательства: дисс. ... канд. экон. наук: 08.00.05. [Текст] / Ф.З. Дзантиева. – Владикавказ: СКГМИ (ГТУ), 2015. – 156 с.
62. Дзарасов, С. С. Российский кризис: истоки и уроки [Текст] / С.С. Дзарасов // Вопросы экономики. – 2009. – № 5. – С. 69-85.
63. Диденко, Д. В. Инновационное и догоняющее развитие: две стратегии модернизации российской интеллектуалоемкой экономики [Текст] / Д.В. Диденко // Экономическая политика. – 2011. – № 1. – С. 158-169.
64. Доценко, Е. Ю. Структурная инерция как методологический инструмент исследования структурных сдвигов в экономике [Текст] / Е.Ю. Доценко // Экономика и управление инновациями. – 2019. – №1. – С. 4-17.
65. Дубовик, М. В. Влияние макроэкономических шоков на неравенство: современный аспект [Текст] / М.В. Дубовик, Д.А. Сизова, Н.А. Волобуев // Друкерровский вестник. – 2020. – № 4 (36). – С. 46-53.
66. Ездина, Н. П. Неоиндустриальное развитие цифровой экономики и экономики знаний в России в условиях внешних шоков [Текст] / Н.П. Ездина, Е.Ю. Доценко, С.В. Мудрова, Е.В. Бурденко // Проблемы современной экономики. – 2020. – № 4 (76). – С. 29-33.
67. Жиронкин, С. А. Неоиндустриально-ориентированные преобразования российской экономики: дис. ... д-ра экон. наук: 08.00.01. [Текст] / С.А. Жиронкин. – Томск: ТГУ, 2015. – 376 с.
68. Завьялов, Ф. Н. Асимметрия структуры воспроизводства и государственные рычаги ее снижения [Текст] / Ф.Н. Завьялов // Теоретическая экономика. – 2012. – № 1. – С. 38-45.

69. Зельвенский, Ю. Д. Макроэкономическая нестабильность и ее влияние на предпринимательские риски в России: дисс. ... канд. экон. наук: 08.00.05. [Текст] / Ю.Д. Зельвенский. – Томск, 2002. – 177 с.
70. Земцов, С. П. Формирование экономики знаний в регионах России в 1998-2012 гг. [Текст] / С.П. Земцов, В.М. Комаров // Инновации. – 2015. – № 10. – С. 29-36.
71. Зубарев, А. Е. Технологический динамизм экономики и доминирующие инновационные кластеры [Текст] / А.Е. Зубарев, Э.А. Гасанов, М.А. Гасанов // Вестник ТОГУ. – 2011. – № 1 (20). – С. 150-151.
72. Илларионов, А. А. Критерии экономической безопасности [Текст] / А.А. Илларионов // Вопросы экономики. – 1998. – № 10. – С. 35-57.
73. Инновационная Швеция: идеи кроме ИКЕИ / информационный портал ViaFuture [Электронный ресурс]. – URL: <https://viafuture.ru/katalog-idej/shvedskie-innovatsii> (дата обращения: 09.09.2020)
74. Инновациям мешает централизация. Научно-образовательный портал IQ [Электронный ресурс]. – URL: <https://iq.hse.ru/news/177667615.html> (дата обращения: 14.02.2020)
75. Иноземцев, В. Л. Что отличает российскую экономику от советской [Текст] / В.Л. Иноземцев // РБК-Газета. – 2016. – № 022 (2278) (0902). – С. 6-7.
76. Иноземцев, В. Л. Структурирование общественного производства [Текст] / В.Л. Иноземцев // Российский экономический журнал. – 1997. – № 11-12. – С. 65-67.
77. Итуэлл, Дж. Экономическая теория / пер. с англ. [Текст] / Дж. Итуэлл, М. Милгейт, П. Ньюмен. – М.: ИНФРА-М, 2004. – 944 с.
78. Калабеков, И. Г. Россия, Китай и США в цифрах. Справочное издание [Текст] / И.Г. Калабеков. – М.: 2014. – 254 с.
79. Кастельс, М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура [Текст] / М. Кастельс. – М.: ГУ ВШЭ, 2000. – 608 с.
80. Катуков, Д. Д. Сетевые взаимодействия в инновационной экономике: модель тройной спирали [Текст] / Д.Д. Катуков // Вестник Института экономики РАН. – 2013. – № 2. – С. 112-121.

81. Катуков, Д. Д. Институциональная среда глобализированной экономики: развитие сетевых взаимодействий / Научный доклад под ред. Н.В. Смородинской [Текст] / Д.Д. Катуков, В.Е. Малыгин, Н.В. Смородинская. – М.: Институт экономики РАН, 2012. – 45 с.
82. Каячева, Л.В. Дихотомия структурной трансформации экономики и макроэкономической нестабильности [Текст] / Л.В. Каячева, Е.В. Слесаренко // Экономические науки. – 2020. – №9 (190). – С. 7-11.
83. Кейнс, Дж. М. Общая теория занятости, процента и денег. Избранное [Текст] / Дж. М. Кейнс. – М.: Эксмо, 2007. – 960 с.
84. Кирдина, С. Г. Российское лицо эволюционной экономики (заметки с v международного симпозиума «Трансформация экономики и эволюционная теория Й. Шумпетера») [Текст] / С.Г. Кирдина // Terra Economicus. – 2003. – №4(1). – С. 48-54.
85. Клейнер, Г. Б. Эволюция экономических институтов в России [Текст] / Г.Б. Клейнер. – М.: Наука, 2004. – 268 с.
86. Клепач, А. Н. Отток капитала из РФ в 2013 году составит 60 млрд. долларов [Электронный ресурс] / А.Н. Клепач // Российская газета. – 2013. – 08.10.2013 г. – URL: <https://rg.ru/2013/10/08/kapital-anons.html> (дата обращения: 25.02.2020).
87. Клепач, А. Н. Технологические, структурные и финансовые факторы развития российской экономики [Текст] / А.Н. Клепач // Научные труды Вольного экономического общества России. – 2019. – Т. 218. № 4. – С. 94-106.
88. Клинова, М. Глобализация и инфраструктура: новые тенденции во взаимоотношениях государства и бизнеса [Текст] / М. Клинова // Вопросы экономики. – 2008. – № 8. – С. 32-43.
89. Коковихин, А. Ю. Новая индустриализация: разрыв в компетенциях и институты рынка труда [Текст] / А.Ю. Коковихин, Т.А. Кансафарова, Н.В. Шарапова // Журнал экономической теории. – 2018. – №5. – С. 316-324.
90. Колотов, К. А. Неиндустриальное импортозамещение в системе структурных изменений экономики: дисс. ... канд. экон. наук: 08.00.01. [Текст] / К.А. Колотов. – Красноярск: СФУ, 2018. – 173 с.

91. Комков, Н. И. Внешние и внутренние вызовы и перспективы модернизации российской экономики // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие) [Текст] / Н.И. Комков. – 2018. – Т.9. – №1. – С. 12-24.
92. Комков, Н. И. Роль инноваций и технологий в развитии экономики и общества [Текст] / Н.И. Комков // Проблемы прогнозирования. – 2003. – № 3. – С. 24-43.
93. Кондратьев, Н. Д. Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения [Текст] / Н.Д. Кондратьев. – М.: Экономика, 2002. – 767 с.
94. Коновалова, М. Е. Трансформация финансовых институтов в условиях становления цифровой экономики [Текст] / М.Е. Коновалова, О.Ю. Кузьмина // Вестник Самарского государственного экономического университета. – 2018. – № 6(164). – С. 9-13.
95. Кордозо, Ф. Только демократия может укротить рынок [Электронный ресурс] / Ф. Кордозо // Россия в глобальной политике. – 2005. – №5. – URL: https://globalaffairs.ru/number/n_5756 (дата обращения: 10.09.2020).
96. Кострюкова, Л. А. Структурная трансформация российской экономики: теоретико-экономический аспект: дис. ... канд. экон. наук: 08.00.01. [Текст] / Л.А. Кострюкова. – Челябинск, 2007. – 155 с.
97. Кошовец, О. Б. «Экономика» против «экономической системы»: структуралистский анализ: Доклад [Текст] / О.Б. Кошовец, П.А. Ореховский. – М.: Институт экономики РАН, 2018. – 48 с.
98. Красильников, О. Ю. Проблемы структурных преобразований в экономике [Текст] / С.Ю. Красильников // Экономист. – 2001. – № 8. – С. 56-71.
99. Краудинвестинг и его особенности в России [Электронный ресурс] // Блог свободного инвестора. – URL: <https://alphainvestor.ru/kraudinvesting/> (дата обращения: 10.09.2020)
100. Кривошей, В. А. Качество жизни и показатели уровня жизни населения [Текст] / В.А. Кривошей, Н.В. Школкина // Фундаментальные и прикладные исследования кооперативного сектора экономики. – 2013. – № 4. – С. 3-6.

101. Кривцун, Л. А. Формирование институциональной структуры экономики и природа структурных сдвигов [Текст] / Л.А. Кривцун // Научные труды ДонНТУ. Серия: Экономическая – 2005. – Вып. 89-1. – С. 34-44.
102. Кувшинова, О. Хорошо сохранился [Текст] / О. Кувшинова // Ведомости. – 2013. – № 239. – С. 6-7.
103. Кудрин, А. Л. Последствия кризиса и перспективы социально-экономического развития России [Текст] / А.Л. Кудрин, О. Сергиенко // Вопросы экономики. – 2011. – №3. – С. 4-19.
104. Кудрин, А. Л. Новая модель роста для российской экономики [Текст] / А.Л. Кудрин, Е.Т. Гурвич // Вопросы экономики. – 2014. – № 12. – С. 4-36.
105. Кудрину на замену. Что предложат Путину вместо концепции «ленивой экономики» [Электронный ресурс] Интернет-газета Lenta.RU. – URL: <https://lenta.ru/articles/2016/07/26/altereconomy/> (дата обращения: 10.09.2020).
106. Кузнец, С. Современный экономический рост: результаты исследований и размышления: нобелевская лекция [Текст] / С. Кузнец. – СПб.: Гуманистика, 2003. – 106 с.
107. Кузык, Б. Н. Россия-2050: стратегия инновационного прорыва [Текст] / Б.Н. Кузык, Ю.В. Яковец. – М.: Экономика, 2005. – 476 с.
108. Кураков, В. Л. Высокий уровень и качество жизни как стратегическая цель развития социальной сферы [Текст] / В.Л. Кураков // Регионология. – 2003. – № 1-2(42-43). – С. 292-298.
109. Курбатова, М. В. Структура социального капитала предпринимателей в их взаимодействии с региональной властью [Текст] / М.В. Курбатова, С.Н. Левин, Е.С. Каган // Journal of Institutional Studies (Журнал институциональных исследований). – 2013. – Т.5. – № 4. – С. 108-126.
110. Курнышева, И. Р. Трансформация российской экономики: особенности и перспективы [Текст] / И.Р. Курнышева. – М.: РАН Ин-т экономики. Центр инвестиций и инноваций, 2002. – 408 с.
111. Кучуков, Р. А. Безальтернативность плановой неоиндустриализации [Текст] / Р.А. Кучуков // Экономист. – 2015. – № 4. – С. 18-28.

112. Лидеры передовых бизнесов в России считают нехватку квалифицированной рабочей силы главным вызовом для компаний в России [Электронный ресурс]. Информационный портал «Index3000». – URL: <http://index3000.ru/news/slezy-investora/> (дата обращения: 10.09.2020).
113. Лисичкин, В. А. Россия под властью плутократии. История черного десятилетия [Текст] / В.А. Лисичкин. – М.: Алгоритм, 2003. – 290 с.
114. Лист, Д. Ф. Национальная система политической экономии: Пер. с нем. [Текст] / Д.Ф. Лист. – М.: Издательство «Европа», 2005. – 382 с.
115. Ломм, Ж. Социальная политика современной Англии. Избранные фрагменты / В сб.: Зарубежная экономическая мысль XX в. [Текст] / Ж. Ломм. – М.: Начала-Пресс, 1997. – С. 110-115.
116. Лукас, Р. Э. Лекции по экономическому росту [Текст] / Р.Э. Лукас. – М.: Издательство Института Гайдара, 2013. – 288 с.
117. Любимцева, С. В. Законы структурной эволюции экономических систем [Текст] / С.В. Любимцева // Экономист. – 2003. – № 10. – С. 29-40.
118. Малева, Т. М. Средние классы на различных этапах жизненного пути [Текст] / Т.М. Малева, А.Я. Бурдяк, А.О. Тындик // Журнал новой экономической ассоциации. – 2015. – № 3(27). – С. 109-138.
119. Малкина, М. Ю. Экономический рост и структурные сдвиги в российской экономике [Текст] / М.Ю. Малкина // Экономический анализ: теория и практика. – 2015. – № 33(432). – С. 2-14.
120. Малкина, М. Ю. Индекс финансового стресса как обобщающий индикатор финансовой нестабильности [Текст] / М.Ю. Малкина, А.О. Овчаров // Финансовый журнал. – 2019. – №3 (49). – С. 38-54.
121. Малова, Т. А. Конкуренция за мировое лидерство как фактор риска глобальной нестабильности [Текст] / Т.А. Малова // Страховое дело. – 2018. – № 6(303). – С. 3-9.
122. Мальгин, В. А. Средний класс как важнейшее условие модернизации экономики России [Текст] / В.А. Мальгин // Актуальные проблемы экономики и права. – 2011. – № 4. – С. 93-97.

123. Маневич, В. Е. Долговременные макроэкономические процессы и условия роста российской экономики [Текст] / В.Е. Маневич // Вопросы экономики. – 2017. – № 1. – С. 40-63.
124. Маркс, К. Соч. 2 изд. [Текст] / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М.: Политиздат, 1961. – Т. 13. – 630 с.
125. Маркс, К. Капитал: В 3-х т. [Текст] / К. Маркс. – М.: Политиздат, 1986. – 1083 с.
126. Маршалл, А. Принципы экономической науки [Текст] / А. Маршалл. – М.: Издательская группа «Прогресс», 1993. – 350 с.
127. Мау, В. А. На исходе глобального кризиса: экономические задачи 2017-2019 гг. [Текст] / В.А. Мау // Вопросы экономики. – 2018. – № 3. – С. 5-29.
128. Мау, В. А. Экономика и политика в 2019-2020 гг.: глобальные вызовы и национальные ответы [Текст] / В.А. Мау // Вопросы экономики. – 2020. – № 3. – С. 5-27.
129. Мау, В. А. Уроки стабилизации и перспективы роста: экономическая политика России в 2016 году [Текст] / В.А. Мау // Вопросы экономики. – 2017. – № 2. – С. 5-29.
130. Медведев, Д. А. Россия-2024: Стратегия социально-экономического развития [Текст] / Д.А. Медведев // Вопросы экономики. – 2018. – № 10. – С. 5-28.
131. Медведев, П. А. Концепция постепенного перехода к рынку // Рыночная экономика: выбор пути [Текст] / П.А. Медведев, И.В. Нит, И.И. Харланов. – М.: Профиздат. – 1991. – 242 с.
132. Мельник, Л. Г. Экономика и информатизация: экономика информатизации и информатизация в экономике [Текст] / Л.Г. Мельник. Сумы: ИТД «Университетская книга», 2005. – 384 с.
133. Мизес, Л. Либерализм в классической традиции [Текст] / Л. Мизес. – М.: Социум; Экономика, 2001. – 239 с.
134. Мировая экономика: глобальные тенденции за 100 лет [Текст] / под ред. И.С. Королева. – М.: Экономистъ, 2003. – 604 с.

135. Митчелль, У. К. Экономические циклы. Проблема и ее постановка [Текст] / У.К. Митчелль. – М.: Госиздат, 1930. – 226 с.
136. Могилат, А. Н. Прямые иностранные инвестиции в реальный сектор экономики: взгляд с микроуровня и прогноз до 2017 года [Текст] / А.Н. Могилат // Вопросы экономики. – 2015. – № 6. – С. 25-44.
137. Мониторинг социального самочувствия населения. Портал социологических данных Института социологического анализа и прогнозирования РАНХиГС [Электронный ресурс]. – URL: <https://social.ranepa.ru/baza/bi/tag/34-bednost> (дата обращения: 10.09.2020).
138. Морозова, И. Г. Динамика структуры общественного воспроизводства в условиях макроэкономической нестабильности: автореф. дисс. ... канд. экон. наук: 08.00.01 [Текст] / И.Г. Морозова. – Казань, 2009. – 26 с.
139. Наймушин, В. Г. Современные вертикально-интегрированные корпорации как основа возрождения и развития промышленности России [Текст] / В.Г. Наймушин // Экономическая наука современной России. – 2016. – № 1(72). – С. 55-61.
140. Народное хозяйство СССР за 70 лет: юбилейный стат. ежегодник [Текст] / Госкомстат СССР. – М.: Финансы и статистика, 1987. – 765 с.
141. Нарышкин, С. Инвестиционная безопасность как фактор устойчивого экономического развития [Текст] / С. Нарышкин // Вопросы экономики. – 2010. – №5. – С. 16-25.
142. Национальный исследовательский институт «Высшая школа экономики». Раздел: Глобальный инновационный индекс – 2020. – [Электронный ресурс]. URL: <https://issek.hse.ru/news/396120793.html> (дата обращения: 10.09.2020)
143. Нельсон, Р. Р. Эволюционная теория экономических изменений [Текст] / Р.Р. Нельсон, С.Дж. Уинтер. – М.: Дело, 2002. – 536 с.
144. Никифоров, О. История российского предпринимательства [Текст] / О. Никифоров, Н. Боркина, А. Першиков. – М.: Юрайт, 2018. – 270 с.

145. Норт, Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики [Текст] / Д. Норт. – М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. – 180 с.
146. Нуреев, Р. М. Россия: особенности институционального развития [Текст] / Р.М. Нуреев. – М.: ИНФРА-М, 2017. – 448 с.
147. Нуреев, Р. М. Теории развития: новые модели экономического роста [Текст] / Р.М. Нуреев // Вопросы экономики. – 2000. – № 9. – С. 136-157.
148. Обзор децентрализованных крипто-платформ [Электронный ресурс] / «Хабр»: сообщество IT специалистов. – Режим доступа: <https://habr.com/ru/post/310082/> (дата обращения: 10.09.2020)
149. Обзор площадок краудинвестинга в России [Электронный ресурс] / Инвестор Альфа. – URL: <https://alphainvestor.ru/kraudinvesting/> (дата обращения: 10.09.2020)
150. Оверченко, М. Российские компании в рейтинге Financial Times по рыночной капитализации вернулись на 10 лет назад [Электронный ресурс] / М. Оверченко // Ведомости. – 2015. – №306. – URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2015/06/22/597310-rossiiskie-kompanii-v-reitinge-financial-times-po-rinocnoi-kapitalizatsii-vernulis-na-10-let-nazad> (дата обращения: 10.09.2020).
151. Ореховский, П .А Прерывистый тренд развития структурализма: альтернативная традиция экономического анализа (Р. Пребиш, Ю. Яременко, Г. Менш и другие) [Текст] / П.А. Ореховский // Journal of Economic Regulation (Вопросы регулирования экономики). – 2017. – №1. – С. 6-25.
152. Орленко, Л. П. Необходимые условия новой индустриализации и импортозамещения [Текст] / Л.П. Орленко // Экономист. – 2015. – № 4. – С. 29-35.
153. Особенности российских экосистем [Электронный ресурс] // Открытая платформа о цифровых технологиях. URL: <https://ict.moscow/news/russian-ecosystems/> (дата обращения: 10.09.2020)
154. Оценка российских потерь от санкций [Электронный ресурс] // Военное обозрение, 7 февраля 2020. – URL: <https://topwar.ru/167602-geopoliticheskie-sankcii-ih-opasnost-uzhe-pritupilas-v-soznanii-ljudej.html> (дата обращения: 10.09.2020).

155. Перру Ф. Экономика XX века [Текст] / Ф. Перру. – М.: Экономика, 2000. – 326 с.
156. Перспективы развития мировой экономики [Электронный ресурс] / Официальный сайт Международного валютного фонда. – URL: <https://www.imf.org/ru/Publications/WEO/Issues/2019/01/11/weo-update-january-2019> (дата обращения: 10.09.2020).
157. Петраков, Н. Я. Отношения собственности в переходной экономике [Текст] / Н.Я. Петраков // Промышленная политика в Российской Федерации. – 2004. – № 3. – С. 5-11.
158. Пигу, А. Экономическая теория благосостояния [Текст] / пер. с англ. А.Г. Фомотова, М.С. Штернгарц. / под общ. ред. С.П. Аукуционека. – Т.1. – М., «Прогресс». – 1985. – 511 с.
159. Пилипенко, З. А. Шоки и национальные экономические системы: механизм разрушения структурных связей [Текст] / З.А. Пилипенко // Вопросы экономики и права. – 2011. – №10. – С. 55-60.
160. Пилипенко, З. А. Шоки и разрыв причинно-следственных связей в экономических системах [Текст] / З.А. Пилипенко // Экономические науки. – 2010. – № 12. – С. 35-40.
161. Пименов, В. В. Пути развития промышленной политики России в условиях цифровой трансформации [Текст] / В.В. Пименов, А.В. Быстров // Экономист. – 2018. – № 9. – С. 25-33.
162. Показатели мирового развития [Электронный ресурс]. Портал TrendEconomy. – URL: <http://data.trendeconomy.ru/dataviewer/wb/wbd/> (дата обращения: 10.09.2020).
163. Полтерович, В. М. Региональные институты модернизации [Текст] / В.М. Полтерович // Экономическая наука современной России. – 2011. – № 4(55). – С. 17-29.
164. Полтерович, В. М. Стратегии модернизации, институты и коалиции [Текст] / В.М. Полтерович // Вопросы экономики. – 2008. – № 4. – С. 4-24.

165. Послание президента Федеральному Собранию [Электронный ресурс]. – URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/53379> (дата обращения: 10.09.2020).
166. Правительство запускает «импортозамещение 2.0» [Электронный ресурс] // Независимая газета. – URL: https://www.ng.ru/economics/2020-06-04/4_7879_import.html (дата обращения: 10.09.2020)
167. Правительство запустит реформу институтов развития [Электронный ресурс] // Информационный портал РБК. – URL: <https://www.rbc.ru/business/23/11/2020/5fb8ce659a79471e74bd2245> (дата обращения: 10.09.2020)
168. Пребиш, Р. Периферийный капитализм: есть ли ему альтернатива? [Сокр. пер. с исп. под ред. и с предисл. В.В. Вольского, И.К. Шереметьева] [Текст] / Р. Пребиш. – М.: ИЛА РАН, 1992. – 337 с.
169. Приток иностранных инвестиций в Россию опустился до минимума за 10 лет [Электронный ресурс] // Forbes. – 2019. – URL: <https://www.forbes.ru/finansy-i-investicii/376001-pritok-inostrannyh-investiciy-v-rossiyu-opustilsya-do-minimuma-za-10-let> (дата обращения: 10.09.2020).
170. Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2024 года [Электронный ресурс]. – URL: <http://economy.gov.ru/wps/wcm/connect/60223a2f-38c5-4685-96f4-6c6476ea3593/prognoz24svod.pdf?MOD=AJPERES&CACHEID=60223a2f-38c5-4685-96f4-6c6476ea3593> (дата обращения: 10.09.2020).
171. Прозрачное инвестирование [Электронный ресурс]. Финансовый блог InvestProfit. – URL: <https://investprofit.info/venture-russia/> (дата обращения: 10.09.2020).
172. Райзберг, Б. А. Современный экономический словарь [Текст] / Б.А. Райзберг, Л.Ш. Лозовский, Е.Б. Стародубцева. – М.: ИНФРА-М, 2017. – 512 с.
173. Рапопорт, Г. Глобальный экономический кризис 2008-2009: истоки и причины [Текст] / Г. Рапопорт, А. Герц // Вопросы экономики. – 2009. – № 11. – С. 18-31.
174. Распоряжение Правительства РФ № 1632-р от 28.07.2017 «Цифровая экономика Российской Федерации» [Электронный ресурс]. – URL:

<http://static.government.ru/media/files/9gFM4FHj4PsB79I5v7yLVuPgu4bvR7M0.pdf>

(дата обращения: 10.09.2020).

175. Рей, А. И. Факторы устойчивости экономики США как элемента социально-экономической безопасности [Текст] / А.И. Рей // США и Канада: экономика, политика, культура. – 2016. – № 2(554). – С. 88-100.

176. Рейтинг российского бизнеса [Электронный ресурс]. Информационно-аналитическое агентство «РБК». – URL: <https://www.rbc.ru/rbc500/> (дата обращения: 10.09.2020).

177. Рикардо, Д. Начала политической экономии и налогового обложения [Текст] / Д. Рикардо. – М.: Политическая литература, 1955. – 953 с.

178. Родрик Д. Промышленность – основа жизнеспособной демократии [Электронный ресурс] / Д. Родрик // Электронное периодическое издание «Ведомости». – 2011. – URL: https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2011/08/18/proizvodstvennyj_imperativ (дата обращения: 10.09.2020).

179. Рязанов, В. Т. (Не)Реальный капитализм: политэкономия кризиса и его последствий для мирового хозяйства и России [Текст] / В.Т. Рязанов. – Москва: Экономика, 2016. – 693 с.

180. Ряховская, А. Н. Повышение эффективности антикризисных мер Правительства Российской Федерации на 2019-2021 годы [Текст] / А.Н. Ряховская // Экономика. Налоги. Право. – 2019. – № 12(1). – С. 68-75.

181. Савиотти, П. П. Рост потребления и фактор разнообразия: Новейшие исследования западных и российских эволюционистов: Сборник статей (пер. с англ.; предисл. Маевского В.И.) [Текст] / П.П. Савиотти, У. Витт, Б. Лоусби. – М.: Дело, 2007. – 272 с.

182. Сайт компании Hessenmetall [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.hessenmetall.de> (дата обращения: 10.09.2020)

183. Сайт Организации экономического сотрудничества и развития [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.oecd.org> (дата обращения: 10.09.2020).

184. Сайт Счетной палаты РФ [Электронный ресурс] / Выступление Т. Голиковой на Гайдаровском форуме в ходе дискуссии по теме «Эффективность

бюджетных расходов как зеркало госуправления». – URL: <https://ach.gov.ru/news/vystuplenie-tatyany-golikovoj-na-gajdarovskom-forume-v-hode-diskussii-po-teme-effektivnost-byudzheta-32272> (дата обращения: 10.09.2020)

185. Самуэльс, У. Дж. Институциональная экономическая теория. Панорама экономической мысли конца XX столетия [Текст] / У.Дж. Самуэльс. – СПб.: Экономическая школа, 2002. – Т.1. – 352 с.

186. Сатаров, Г. А. Прологомены к последней модернизации в России [Текст] / Г.А. Сатаров // Вопросы экономики. – 2011. – №5. – С. 4-18.

187. Селищева, Т. А. Структурные трансформации и проблемы формирования информационной экономики России [Текст] / Т.А. Селищева. – СПб., 2006. – 477 с.

188. Сенчагов, В. К. Национальная структурная политика – путь к обеспечению экономической безопасности [Текст] / В.К. Сенчагов // Вестник Российской Академии естественных наук. – 2015. – № 5. – С. 64-70.

189. Слесаренко, Е.В. Диспропорции в структуре национальной экономики как угроза экономической безопасности [Текст] / Е.В. Слесаренко, Н.В. Осокина // Экономика и предпринимательство. – 2014. – № 12-3 (53). – С. 175-178.

190. Слесаренко, Е.В. К теоретической концепции экономической политики структурного сдвига [Текст] / Е.В. Слесаренко, Е.А. Таран, С.А. Жиронкин // Путеводитель предпринимателя. – 2019. – № 41. – С. 199-210.

191. Слесаренко Е.В. Основные ориентиры политики структурной модернизации современной России [Текст] / Е.В. Слесаренко // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2018. – Т.14. – № 5 (362). – С. 897-912.

192. Слесаренко, Е.В. Структурная модернизация как основа прогрессивного и безопасного социально-экономического развития российской экономики [Текст] / Е.В. Слесаренко // Актуальные проблемы экономики и права. – 2019. – Т. 13. – № 1 (49). – С. 993-1006.

193. Слесаренко, Е.В. Типология связи структурной трансформации экономики и макроэкономической нестабильности [Текст] / Е.В. Слесаренко // Экономические науки. – 2020. – №10 (191). – С. 32-35.

194. Смит, А. Исследование о природе и причинах богатства народов [Текст] / А. Смит. – М.: Эксмо, 2007. – 956 с.
195. Смородинская, Н.В. Глобализированная экономика: от иерархий к сетевому укладу [Текст] / Н.В. Смородинская. – М.: ИЭ РАН, 2015. – 344 с.
196. Смородинская, Н.В. Сетевые инновационные экосистемы и их роль в динамизации экономического роста [Текст] / Н.В. Смородинская // Инновации. – 2014. – № 7(189). – С. 27-33.
197. Соболев, М.Н. Очерки из истории всемирной торговли [Текст] / М.Н. Соболев. – М.: Экономика, 1991. – 204 с.
198. Солдатских, В. ВЭБ.РФ вновь получил многомиллиардные убытки [Электронный ресурс] / В. Солдатских // Коммерсантъ. – 2019. – №14(307). – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3929966> (дата обращения: 10.09.2020).
199. Статистический бюллетень Банка России [Электронный ресурс]. – 2019. – № 10(317). – URL: http://www.cbr.ru/collection/collection/file/24072/bbs_1910r.pdf (дата обращения: 10.09.2020).
200. Структурная политика в России: новые условия и возможная повестка (Доклад НИУ ВШЭ) [Текст] // Вопросы экономики. – 2018. – № 6. – С. 5-28.
201. Супян, В.Б. Современная социально-экономическая модель США [Электронный ресурс] / В.Б. Супян // Международные процессы. Журнал теории международных отношений и мировой политики. – URL: <http://www.intertrends.ru/seven/003.htm> (дата обращения: 10.09.2020).
202. Суслов, Н.И. Структурные проблемы российской экономики // Проблемы, успехи и трудности переходной экономики (опыт России и Беларуси): сб. [Текст] / Н.И. Суслов. – М.: Московский общественный научный фонд, 2000. – Вып. 16. – С. 28-47.
203. Сухарев, О.С. Реиндустриализация экономики и технологическое развитие [Текст] / О.С. Сухарев // Мир новой экономики. – 2014. – №2. – С.21-28.
204. Сухарев, О.С. Институциональные проблемы обеспечения технологической и промышленной безопасности РФ [Текст] / О.С. Сухарев // Вестник Института экономики Российской академии наук. – 2018. – № 4. – С. 30-44.

205. Сухарев, О.С. К разработке комплексной методики анализа структурных сдвигов в национальной экономике [Текст] / О.С. Сухарев // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2013. – № 13 (202). – С. 56-64.
206. Сухарев, О.С. Расширение позиций нового институционализма в контексте теоремы Коуза [Текст] / О.С. Сухарев // Журнал экономической теории. – 2019. – Т.16. – №2. – С. 249-261.
207. Сухарев, О.С. Уровень и качество жизни населения как критерии измерения результатов экономического развития [Текст] / О.С. Сухарев // Экономический анализ: теория и практика. – 2012. – 47(302). – С. 2-10.
208. Сухарев, О.С. Экономика технологического развития [Текст] / О.С. Сухарев. – М.: Финансы и статистика, 2008. – 481 с.
209. Сэй, Ж.Б. Трактат по политической экономии [Текст] / Ж.Б. Сэй. – М.: Дело, 2000. – 232 с.
210. Татаркин, А.И. Новая индустриализация экономики России [Текст] / А.И. Татаркин, О.А. Романова, Н.Ю. Бухвалов // Вестник УрФУ. Серия экономика и управление. – 2014. – № 3. – С. 13-21.
211. Тиунова, М.Г. Влияние внешних шоков на российскую экономику [Текст] / М.Г. Тиунова // Финансы: теория и практика. – 2018. – № 4. – Т. 22. – С. 146-170.
212. Тихонов, В.В. Условия реализации экономического потенциала среднего класса в процессе рыночных преобразований: автореф. дис. ... канд. экон. наук: 08.00.01. [Текст] / В.В. Тихонов. – Нижний Новгород, 2005. – 23 с.
213. Тишина, В.Н. Особенности сетевых взаимодействий экономических субъектов [Текст] / В.Н. Тишина // Вестник ЮУрГУ. – 2011. – № 41. – С. 90-94.
214. Толкачёв, С.А. Государственная политика поддержки обрабатывающих отраслей промышленности России в условиях международных санкций [Текст] / С.А. Толкачёв, О.О. Комолов // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. – 2019. – Т. 9. – № 6 (42). – С. 72-81.
215. Тоффлер, Э. Шок будущего [Текст] / Э. Тоффлер. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. – 557 с.

216. Трамп пообещал вернуть фразе «Made in USA» былое величие [Электронный ресурс] / «РИА новости». – URL: <https://ria.ru/world/20170126/1486584003.html> (дата обращения: 10.09.2020).

217. Трубицын, Д.В. Ресурсные и территориальные факторы модернизации [Текст] / Д.В. Трубицын // *Мировая экономика и международные отношения*. – 2014. – № 4. – С. 45-46.

218. Туган-Барановский, М.И. Периодические промышленные кризисы. История английских кризисов. Общая теория кризисов [Текст] / М.И. Туган-Барановский. – М.: Наука, 1997. – 573 с.

219. Уильямсон, О. Экономические институты капитализма: фирмы, рынки, «отношенческая» контракция [Текст] / О. Уильямсон. – СПб: Лениздат; CEV Press, 1996. – 702 с.

220. Указ Президента от 7 мая 2012 г. № 596 «О долгосрочной государственной экономической политике» [Электронный ресурс]. – URL: <https://base.garant.ru/70170954/> (дата обращения: 10.09.2020).

221. Указ президента РФ от 13.05.2017 № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41921> (дата обращения: 10.09.2020).

222. Уэбстер, Ф. Теории информационного общества [Текст] / Ф. Уэбстер. – М.: Аспект Пресс, 2004. – 400 с.

223. Федеральная служба государственной статистики (по разделам) [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.gks.ru> (дата обращения: 10.09.2020).

224. Федорова, О.И. Сеть как форма взаимодействия субъектов экономики [Текст] / О.И. Федорова, Т.Н. Сыроваткина // *Экономические отношения*. – 2019. – Том 9. – № 2. – С. 1353-1362.

225. Фетисов, Г.Г. «Голландская болезнь» в России: макроэкономические и структурные аспекты [Текст] / Г.Г. Фетисов // *Вопросы экономики*. – 2006. – № 12. – С. 38-53.

226. Флорид, Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее: пер. с англ. [Текст] / Р. Флорид. – М: Издательский дом «Классика XXI», 2007. – 401 с.

227. Фокус на Индустрии 4.0: как в разных странах поддерживают интеграцию инноваций в промышленный сектор [Электронный ресурс] // Российская газета от 07.08.2020. – URL: <https://rg.ru/2020/08/07/fokus-na-industrii-40-kak-v-raznyh-stranah-podderzhivaiut-integraciiu-innovacij-v-promyshlennyj-sektor.html> (дата обращения: 10.09.2020)
228. Франк, А.Г. Смещение мировых центров с Востока на Запад [Текст] / А.Г. Франк // Латинская Америка. – 1993. – № 2. – С. 3-12.
229. Фридман, М. Монетарная история Соединенных штатов, 1867-1960. [Текст] / М. Фридман, А. Шварц. – К.: Ваклер, 2007. – 880 с.
230. Фурастье, Ж. Технический прогресс и капитализм с 1700 по 2100 год. // Какое будущее ожидает человечество? [Текст] / Ж. Фурастье. – Прага: «Мир и социализм», 1964. – С. 157-159.
231. Хайек, Ф. А. Собрание сочинений. Т. 4: Экономические циклы: часть 1 / пер. с англ. А. Резвова и Гр. Сапова. [Текст] / Ф.А. Хайек. – М., Социум. – 2018. – 463 с.
232. Хаймер, С. Многонациональные корпорации и закон неравномерного развития. [Текст] / С. Хаймер. – М.: Эконом Пресс, 2004. – 366 с.
233. Хансен, Э. Экономические циклы и национальный доход. [Текст] / Э. Хансен. – М: Финансовая академия, 2008. – 466 с.
234. Харрод, Р. К теории экономической динамики. Классики кейнсианства: В 2-х т.: Т. 1: Пер с англ. [Текст] / Р. Харрод, Э. Хансен. – М.: Экономика, 1997. – 364 с.
235. Хикс, Дж. Р. Стоимость и капитал. [Текст] / Дж. Р. Хикс. – М.: Прогресс, 1993. – 488 с.
236. Хоутри, Р. Дж. Деньги и кредит. [Текст] / Р.Дж. Хоутри. – М.: Директмедиа Пабблишинг, 2008. – 363 с.
237. Хохлов, О. А. Приватизация России. [Текст] / О.А. Хохлов. – Нижний Новгород: ООО «Типография «Поволжье», 2005. – С. 56.
238. Цветков, В. А. Циклы и кризисы: теоретико-методологический аспект. [Текст] / В.А. Цветков. – М. / СПб., 2012. – 437 с.

239. Чередниченко, Л. Г. Анализ рыночного хозяйства в контексте эволюционных и воспроизводственных аспектов [Текст] / Л.Г. Чередниченко, Я.С. Ядгаров, В.А. Сидоров // Экономист. – 2016. – №8. – С. 67-77.
240. Шваб, К. Четвертая промышленная революция. [Текст] / К. Шваб. – М.: Бомбора, 2016. – 230 с.
241. Шibaева, Т. А. Инструменты управления кластерно-сетевыми связями в региональной экономике (на примере республики Хакасия): дисс. ... канд. экон. наук: 08.00.05. [Текст] / Т.А. Шibaева. – Красноярск: Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М.Ф. Решетнева, 2019. – 179 с.
242. Шматко, Н. А. Робототехника: потребность организаций в научных кадрах и компетенциях [Электронный ресурс] / Н.А. Шматко, Г.Л. Волкова / Институт статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ. – URL: https://issek.hse.ru/data/2017/05/29/1172143877/NTI_N_53_19052017.pdf (дата обращения: 10.09.2020).
243. Штер, Н. Информация, власть, знание. [Текст] / Н. Штер. – М.: ЛитРес, 2019. – 573 с.
244. Шувалова, О. В. Уровень жизни и качество жизни: факторы и российская специфика [Текст] / О.В. Шувалова // Азимут научных исследования: экономика и управление. – 2018. – Т. 7. – № 1(22). – С. 276-279.
245. Шумпетер, Й. А. Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия [Текст] / Й.А. Шумпетер. – М.: Экономика, 1995. – 540 с.
246. Экономика: толковый словарь: англо-русский [Текст] / Дж. Блэк; общ. ред. И.М. Осадчая; пер. А.В. Щедрин. – М.: ИНФРА-М, Издательство «Весь мир», 2000. – 830 с.
247. Экономисты оценили потери России от санкций [Электронный ресурс] // Информационно-аналитический журнал «РБК». – URL: <https://www.rbc.ru/economics/14/08/2019/5d51780c9a7947cd5eb6eb56> (дата обращения: 10.09.2020)
248. Экономическая безопасность России: общий курс: учебник [Текст] / под ред. В.К. Сенчагова. – М.: Дело, 2005. – 896 с.

249. Эрроу, К. Экономическая трансформация: темпы и масштабы [Электронный ресурс] / К. Эрроу // Реформы глазами российских и американских ученых: Под ред. акад. О.Т. Богомолова. – URL: <http://www.r-reforms.ru/arrow.htm#> (дата обращения: 10.09.2020).

250. Эффективное использование интеллектуальной собственности [Электронный ресурс]. Доклад Центра стратегических разработок. – М.: ЦСР, 2017. – URL: https://csr.ru/wp-content/uploads/2017/10/Intellektualnaya_sobstvennost_doklad.pdf (дата обращения: 10.09.2020).

251. Юдина, Т. Н. Деиндустриализация и новая индустриализация (реиндустриализация): Россия и Китай [Текст] / Т.Н. Юдина // Теоретическая экономика. – 2015. – №1 (25). – С. 76-78.

252. Юсти, И. Г. // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. Т.92. [Текст] / И.Г. Юсти. – СПб.: Изд. Дом «Брокгауз и Ефрон», 1907. – 863 с.

253. Яковец, Ю. В. Стратегия научно-технологического прорыва России / Аналитические материалы. Вып. 7 [Текст] / Ю.В. Яковец, К.К. Колин. – М.: Изд-во «Стратегические приоритеты», 2015. – 51 с.

254. Ясин, Е. Г. Институциональные ограничения модернизации, или приживется ли демократия в России? [Текст] / Е.Г. Ясин // Вопросы экономики. – 2011. – № 11. – С. 4-24.

255. Akindinova, N. Russia's economy: Before the long transition [Text] / N. Akindinova, Y. Kuzminov, E. Yasin // Russian Journal of Economics. – 2016. – Vol. 2. – No. 3. – Pp. 219-245.

256. Andersen, J. B. What are innovation ecosystems and how to build and use them // Innovation management. [Electronic recourse] / J.B. Andersen – 2011. – URL: <https://innovationmanagement.se/2011/05/16/what-are-innovation-ecosystems-and-how-to-build-and-use-them/> (date of access: 10.09.2020)

257. Araújo, E. An investigation into shapes and determinants of deindustrialization processes: theory and evidence for developed and developing countries (1970-2017) [Text] / E. Araújo, P. Costa, E. Araujo, L. Punzo // Proceedings of 48th Conference «ENCONTRO NACIONAL DE ECONOMIA», Madrid, 11 December 2020. – Pp. 1-21.

258. Baldwin, R. Globalisation: The great unbundling(s). In: Globalisation challenges for Europe Ch. 1 [Text] / R. Baldwin. – Helsinki: Secretariat of the Economic Council, Finnish Prime Minister's Office, 2006.
259. Baran, P. The Political Economy of Neo-Colonialism [Text] / P. Baran. – L.: Heinemann, 1975. – 284 p.
260. Bell, D. The coming of post-industrial society. Venture in social forecasting [Text] / D. Bell. – N.Y.: Collman Pub., 1973. – 428 p.
261. Carayannis, E. G. «Mode 3» and «Quadruple Helix»: Toward a 21st Century Fractal Innovation Ecosystem [Text] / E.G. Carayannis, D.F. Campbell // International Journal of Technology Management. – 2009. – Vol. 46. – № 3/4. – Pp. 201–234.
262. Carayannis, E. G. et al. The Quintuple Helix Innovation Model [Text] / E.G. Carayannis et al. // Journal of Innovation and Entrepreneurship. – 2012. – Vol. 1. – № 1. – Pp. 1–12.
263. Chenery, H. B. Structural Change and Development Policy [Text] / H.B. Chenery. – N.Y., Oxford: Oxford University Press for the World Bank, 1979. – 276 p.
264. Clark, C. The Conditions of Economic Progress [Text] / C. Clark. – London: Macmillan, 1940. – 504 p.
265. Corden, M., Neary, J. Booming sector and de-industrialisation in a small open economy [Text] / M. Corden, J. Neary // Economic journal. – 1982. – Vol. 92. – No. 368. – Pp. 825-848.
266. Dasgupta, M. Linking Technological Innovation, Technology Strategy and Organizational Factors [Text] / M. Dasgupta, R. Gupta, A. Sahay // Global Business Review. – 2011. – № 12. – Pp. 261-267.
267. Dementyev, V. V. Profit and Economic Growth [Text] / V.V. Dementyev, A.P. Scherbakov // TERRA ECONOMICUS. – 2017. – Vol. 15. – Issue: 3. – Pp. 75-91 .
268. Diebold, F. X. Macroeconomic volatility and stock market volatility, worldwide [Text] / F.X. Diebold, K. Yilmaz // NBER working paper series. – 2008. – Vol. 14269. – Pp. 22-34.
269. Domar, E. Capital Expansion, Rate of Growth and Employment [Text] / E. Domar // Econometrica. – 1946. – Vol. 14. – No. 2. – Pp. 137–147.

270. Etzkowitz, H. The Dynamics of Innovation: from National Systems and «Mode 2» to a Triple Helix of University–Industry–Government Relations [Text] / H. Etzkowitz, L. Leydesdorff // *Research Policy*. – 2000. – Vol. 29. – №. 2-3. – Pp. 109-117.
271. Frank, A.G. World Accumulation [Text] / A.G. Frank // New York: Monthly Review Press. – 1978. – Pp. 1492-1789.
272. Friedman, M. The Role of Monetary Policy [Text] / M. Friedman // *American Economic Review*. – 1968. – Vol. 58. – № 1. – Pp. 1-17.
273. Friedman, M. The Methodology of Positive Economics / Essays in Positive Economics [Text] / M. Friedman. – Chicago: University of Chicago Press, 1953. – 340 p.
274. Furtado, C. Obstacles to Development in Latin America [Text] / C. Furtado. – N.Y., 1970. – 204 p.
275. Gloor, P.A. Swarm Creativity: Competitive Advantage through Collaborative Innovation Networks. [Text] / P.A. Gloor. – New York: Oxford University Press, 2006. – 212 p.
276. Goodwin, R.M. The Nonlinear Accelerator and Persistence of Business Cycle [Text] / R.M. Goodwin // *Econometrica*. – 1951. – Vol. 19. – No. 1. – Pp. 323-351.
277. Greg, Kaza. The Recession of 2001–2002 in Light of the Misesian Theory of the Business Cycle [Text] / Kaza Greg // В сб.: Маэстро бума. Уроки Японии. – Челябинск: Социум, 2003. – С. 187–222.
278. Grossman, G.M. Trading tasks: A simple theory of offshoring [Text] / G.M. Grossman, E. Rossi-Hansberg // *American Economic Review*. – 2008. – Vol. 98. – No. 5. – Pp. 1978-1997.
279. Gruss, B. Growth accelerations and reversals in emerging market and developing economies: The role of external conditions [Electronic recourse] / B. Gruss, M. Nabar, M. Poplawski-Rebeiro // *IMF Working Paper*. – 2018. – №18(52). – URL: <file:///C:/Users/slekv/Downloads/wp1852.pdf> (date of access: 10.09.2020).
280. Gylfason, T. Natural resources, education and economic development [Text] / T. Gylfason // *European economic review*. – 2001. – Vol. 45. – No 4-6. – Pp. 847-859.
281. Hausmann, R. What you export matters [Text] / R. Hausmann, J. Hwang, D. Rodrik // *Journal of economic growth*. – 2007. – Vol. 12. – No. 1. – Pp. 1-25.

282. International Labour Organization [Electronic recourse]. – URL: <http://www.ilo.org/global/lang--en/index.htm> (date of access: 10.09.2020).
283. Jorion, P. Predicting Volatility in Foreign Exchange Market [Text] / P. Jorion // *Journal of Finance*. – 1995. – Vol. 50 (2). – Pp. 507–528.
284. Kelly, K. New Rules for the New Economy: Twelve Dependable Principles for Thriving in a Turbulent World [Text] / K. Kelly // *Wired*. – 1997. – № 5.
285. Kinda, T. Commodity price shocks and financial sector fragility [Electronic recourse] / T. Kinda, M. Mlachila, R. Quedraogo // *IMF Working Paper*. 2016. – № 16(12). – URL: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/wp/2016/wp1612.pdf> (date of access: 10.09.2020).
286. Kozinsky, L. Technological development of market economy [Text] / L. Kozinsky. – London: Peltzer & Co Pub., 2003. – 204 p.
287. Krugman, P. Domestic Distortions and the Deindustrialization Hypothesis [Electronic recourse] / P. Krugman // *NBER Working Paper*. – 1996. – No. 5473. – 31 p. – URL: https://www.nber.org/system/files/working_papers/w5473/w5473.pdf (date of access: 10.09.2020).
288. Kydland, F. E. Dynamic optimal taxation, rational expectations and optimal control [Text] / F.E. Kydland, E.C. Prescott // *Journal of Economic Dynamics and Control*. – 1980. – №2. – Pp. 79-91.
289. Laffer, A. The Economics of the Tax Revolt [Text] / A. Laffer, G. Samur. – NY: Simmonds' Pub., 1979. – 468 p.
290. Leon, P. Structural Change and Growth in Capitalism: A Set of Hypotheses [Text] / P. Leon. – New York: Cluver Pub., 1967. – 162 p.
291. Lucas, R. On the mechanism of economic development [Text] / R. Lucas. – *Journal of Monetary economics*, 1988. – vol. 22. – Pp. 3-42.
292. Lynch, Allen C. Roots of Russia's Economic Dilemmas: Liberal Economics and Liberal Geography [Text] / Allen C. Lynch // *Europe-Asia Studies*. – 2002. – Vol. 54. – No 1. – Pp. 31-49.

293. Mankiw, G. A contribution to the empirics of economic growth [Text] / G. Mankiw, D. Romer, D. Weil // Quarterly Journal of economics, 1992. – vol. 107. – No. 2. – Pp. 407-437.
294. Mensch, G. Stalemate in Technology – Innovations Overcome the Depression [Text] / G. Mensch. – New York: Ballinger Publishing Company, 1979. – 241 p.
295. Mironov, V. Discovering the signs of Dutch disease in Russia [Text] / V. Mironov, A. Petronevich // Resources Policy. – 2015. – Vol. 46. – Pp. 97-112.
296. Naisbitt, J. Megatrends: Ten New Directions Transforming Our Lives [Text] / J. Naisbitt. – New York: Warner Books, 1984. – 333 p.
297. Nelson, C. R. Trends and Random Walks in Macro-economic Time Series: Some Evidence and Implications [Text] / C.R. Nelson, C.I. Plosser // Journal of Monetary Economics. – 1982. – Vol. 10. – Pp. 139-162.
298. Pack, H. Is there a case for industrial policy? A critical survey [Text] / H. Pack, K. Saggi // World Bank Research Observer. – 2006. – Vol. 21, No. 2. – Pp. 267-297.
299. Pasinetti, L. L. Structural Change and Economic Growth: A Theoretical Essay on the Dynamics of the Wealth of Nations [Text] / L.L. Pasinetti. – Cambridge: Cambridge University Press, 1981. – 300 p.
300. Puja, P. Macroeconomic announcements and implied volatility index: Evidence from India [Electronic recourse] / P. Puja // The Journal of Applied Economic Research. – 2013. – Vol. 7(4). – URL: <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/0973801013500168> (date of access: 10.09.2020).
301. Reich, R. The work of nations. Preparing ourselves for 21st century capitalism [Text] / R. Reich. – New-York, 1992. – 188 p.
302. Roch, F. The adjustment to commodity price shocks in Chile, Colombia, and Peru [Electronic recourse] / F. Roch // IMF Working Paper. – 2017. – 17(208). – Access mode: <https://www.imf.org/~media/Files/Publications/WP/2017/wp17208.ashx> (date of access: 10.09.2020).
303. Sakai, Ando Indexing Structural Distortion: Sectoral Productivity, Structural Change and Growth [Electronic recourse] / A. Sakai, B.N. Koffie // IMF Working Papers. – 2017. – September 19. – URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WP/Issues/>

2017/09/19/Indexing-Structural-Distortion-Sectoral-Productivity-Structural-Change-and-Growth-45251 (date of access: 10.09.2020).

304. Singer, H. W. Manufactured Exports of Developing Countries and their Terms of Trade since 1965 [Text] / H.W. Singer, P. Sarkar // World Development. – 1991. – № 19. – Pp. 333-340.

305. Solow, R.M. A Contribution to the Theory of Economic Growth [Text] / R.M. Solow // The Quarterly Journal of Economics. – 1956. – February Vol. 70. – No.1. – Pp. 65-94.

306. Sosa, S. External shocks and business cycle fluctuations in Mexico: How important are U.S. factors? [Electronic recourse] / S. Sossa // IMF Working Paper. – 2008. – № 08(100). – URL: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/wp/2008/wp08100.pdf> (date of access: 10.09.2020).

307. Stiglitz, Joseph E. Globalization and its Discontents. W.W. Norton & Company [Text] / J.E. Stiglitz. – NY, L, 2002. – 282 p.

308. Stijns, J. Natural resource abundance and human capital accumulation [Text] / J. Stijns // World development. – 2006. – Vol. 34. – No. 6. – Pp. 1060-1083.

309. Suslova, E. Human capital, industrial growth and resource curse [Text] / E. Suslova, N. Volchkova // New economic school working paper. – 2007. – No. 13. – Pp. 65-85.

310. Tewes, T. Ein einfaches Model einer monetaren Konjunkturerechnung [Text] / T. Tewes // Weltwirtschaftliche Archiv. – 1966. – № 96. – Pp. 56-72.

311. The Atlas of Economic Complexity [Electronic recourse]. – URL: https://atlas.media.mit.edu/en/profile/country/rus/#Economic_Complexity_Ranking (date of access: 10.09.2020).

312. The Business Cycle Dating Committee's general procedure for determining the dates of business cycles [Electronic recourse]. – URL: <http://www.nber.org/cycles/recessions.html> (date of access: 10.09.2020).

313. Thorp, H. Engines of Innovation: The Entrepreneurial University in the Twenty-First Century [Text] / H. Thorp, B. Goldstein. – UNC-Press, 2010. – 181 p.

314. Warwick, K. Beyond industrial policy: Emerging issues and new trends [Text] / K. Warwick // OECD Science, Technology and Industry Policy Papers. – 2013. – No. 2. – Pp. 56-63.
315. Wicksell, K. Value, capital and rent [Text] / K. Wicksell. – London: George Allen & Unwin LTD., 1954. – 180 pp.
316. World Economic Forum [Electronic recourse]. The Global Information Technology Report 2015, 2015. – URL: http://www3.weforum.org/docs/WEF_GITR2015.pdf (date of access: 10.09.2020).

Индексы промышленного производства в России, % к предыдущему году

Таблица А.1

Индексы промышленного производства в России, % к предыдущему году

Вид экономической деятельности	Годы											
	2000	2005	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
Всего по промышленности	108,7	105,1	107,3	105,0	103,4	100,4	101,7	96,6	101,6	100,8	103,5	102,3
1. Добывающая отрасль	106,4	101,4	103,8	101,8	101,0	101,1	101,4	100,3	102,7	102,0	103,8	102,5
2. Обработывающие производства, в том числе:	110,9	107,6	110,6	108,0	105,1	100,5	102,1	94,6	100,5	100,2	103,6	102,6
– производство пищевых продуктов	105,3	106,6	103,2	103,9	104,1	100,6	102,5	102,0	103,1	105,6	103,6	103,6
– текстильное и швейное производство	124,9	103,6	108,8	100,8	100,7	104,3	97,5	88,3	104,6	107,1	104,6	98,5
– производство кожи, изделий из кожи и производство обуви	107,6	100,2	119,9	105,7	98,1	95,6	97,2	88,6	104,4	104,3	95,7	99,4
– обработка древесины и производство изделий из дерева	114,1	107,1	113,4	110,2	96,2	108,0	94,7	96,6	102,8	102,2	114,4	104,3
– целлюлозно-бумажное производство; издательская и полиграфическая деятельность	118,0	103,6	103,1	106,5	105,8	94,8	100,4	93,7	105,1	104,7	107,9	101,7
– производство кокса и нефтепродуктов	102,4	104,4	106,0	103,8	103,1	102,3	105,7	100,3	98,3	100,6	102,6	102,2
– химическое производство	115,2	104,1	110,6	109,5	104,1	105,4	100,1	106,3	106,3	104,3	103,9	102,7
– производство резиновых и пластмассовых изделий	126,1	116,4	124,4	111,4	112,8	105,9	107,5	96,3	106,3	104,2	101,3	101,0
– производство прочих неметаллических минеральных продуктов	110,6	104,9	114,5	107,4	110,7	98,0	101,8	92,2	94,0	102,5	100,4	104,2
– металлургическое производство и производство готовых металлических изделий	115,3	107,0	112,4	107,0	104,8	100,0	100,6	93,5	99,0	96,4	100,6	101,6
– производство машин и оборудования	105,7	99,7	115,2	111,1	102,7	96,6	92,2	88,9	99,3	102,5	102,4	105,8

Продолжение таблицы А.1

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
– производство компьютеров, электронных и оптических изделий	125,0	133,2	118,9	111,9	106,4	99,0	99,5	92,1	100,6	92,7	103,0	113,2
– производство транспортных средств и оборудования	110,7	107,1	127,2	117,2	110,3	102,2	108,5	91,5	100,5	112,9	109,6	101,3
3. Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	104,0	100,9	102,2	100,2	101,3	97,5	99,9	98,4	101,7	100,1	102,5	97,4

Источник: составлено автором по данным [223]

Приложение Б

Показатели динамики воспроизводственной структуры российской экономики

Таблица Б.1

Показатели динамики воспроизводственной структуры российской экономики

Показатель	Годы															
	1995	1998	2000	2005	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17
Валовое накопление, млрд. руб.	363,4	393,5	1365,7	4338,7	10526,1	7344,7	10472,6	14735,8	16730,2	16915,9	17614,6	18622,1	20132,0	22189,2	22764,5	24862,4
Валовое накопление, в процентах к ВВП	25,4	14,9	18,7	20,1	25,5	18,9	22,6	24,4	24,5	23,1	22,2	22,4	23,4	24,1	21,9	22,7
Валовое накопление основного капитала, млрд. руб.	301,1	424,6	1232,0	3836,9	9200,9	8535,7	10014,3	12953,0	14689,2	15925,6	17115,1	17325,8	18910,5	20571,1	21452,1	23087,2
Валовое накопление основного капитала, в процентах к ВВП	21,1	16,1	16,9	17,7	22,3	22,0	21,6	21,5	21,5	21,8	21,6	20,8	21,9	22,3	20,6	21,1
Валовое сбережение, млрд. руб.	396,8	508,1	2641,6	6603,0	12452,2	8187,5	12206,2	17659,2	18970,3	18114,9	19751,9	22333,0	21871,8	23962,3	30050,3	29172,3

Продолжение таблицы Б.1

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17
Валовое сбережение, в процентах к ВВП	27,8	19,3	36,1	30,5	30,2	21,1	26,3	29,3	27,8	24,8	25,0	26,9	25,4	26,0	28,9	26,7
Разница между валовым сбережением и накоплением	2,4	4,4	17,4	10,4	4,7	2,2	3,7	4,9	3,3	1,7	2,8	4,5	2,0	1,9	8,3	5,6
Инвестиции в основной капитал, млрд. руб.	266,9	407,1	1165,2	361,1	8781,6	7976,0	9152,1	11035,6	12586,0	10065,7	10376,8	10496,3	11282,5	12256,3	17782,0	19318,8
Инвестиции в основной капитал, в процентах к предыдущему году (в сопоставимых ценах)	89,9	88,0	117,4	110,2	109,5	86,5	106,3	110,8	106,8	100,8	97,3	89,9	99,8	104,4	105,4	101,7
Инвестиции в основной капитал, в процентах к ВВП	18,7	15,5	15,9	16,4	21,3	20,6	20,6	20,7	20,9	21,2	20,5	20,0	21,2	21,5	20,0	20,6

Источник: рассчитано автором по данным [223]

Структура инвестиции в основной капитал по отраслям экономики в России

Таблица В.1 – Структура инвестиции в основной капитал по отраслям экономики в России, %

Вид экономической деятельности	Годы						
	1995	2000	2005	2009	2014	2018	2019
1	2	3	4	5	6	7	8
Инвестиции в основной капитал, всего	100	100	100	100	100	100	100
в том числе:							
Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство	3,9	3,2	4,0	4,1	3,8	4,4	4,3
Добыча полезных ископаемых	14,2	18,1	13,9	14,0	15,4	18,2	17,0
Обрабатывающие производства	14,8	16,3	16,4	14,5	15,0	14,7	14,5
из них:							
- производство пищевых продуктов					1,4	1,5	1,5
- производство напитков	2,9	3,8	3,1	2,0	0,3	0,2	0,2
- производство табачных изделий					0,1	0,1	0,1
- производство текстильных изделий	0,3	0,2	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1
- производство одежды					0,1	0,03	0,03
- производство кожи и изделий из кожи	0,03	0,02	0,03	0,02	0,1	0,03	0,02
- обработка древесины и производство изделий из дерева и пробки, кроме мебели, производство изделий из соломки и материалов для плетения	0,5	0,6	0,6	0,4	0,4	0,4	0,4
- производство бумаги и бумажных изделий					0,3	0,5	0,6
- деятельность полиграфическая и копирование носителей информации	0,6	0,8	0,7	0,4	0,1	0,1	0,1
- производство кокса и нефтепродуктов	1,5	1,9	1,4	2,1	3,5	2,5	2,9
- производство химических веществ и химических продуктов	1,4	1,4	1,6	1,4	1,6	2,8	2,4
- лекарственных средств и материалов, применяемых в медицинских целях	-	-	-	-	0,3	0,2	0,3
- производство резиновых и пластмассовых изделий	0,3	0,3	0,5	0,4	0,3	0,3	0,3
- производство прочей неметаллической минеральной продукции	1,0	0,8	1,3	1,4	1,0	0,6	0,5
- производство металлургическое					1,5	1,8	1,8
- производство готовых металлических изделий, кроме машин и оборудования	2,6	3,1	3,8	3,1	0,3	0,7	0,6
- производство компьютеров, электронных и оптических изделий	0,7	0,6	0,5	0,4	0,4	0,4	0,3
- производство электрического оборудования					0,2	0,2	0,2
- производство машин и оборудования, не включенных в другие группировки	0,7	0,8	0,9	0,7	0,6	0,3	0,4
- автотранспортных средств, прицепов и полуприцепов					0,9	0,8	0,6
- производство прочих транспортных средств и оборудования	1,6	1,4	0,9	1,1	0,8	0,8	0,9
Обеспечение электрической энергией, газом и паром; кондиционирование воздуха	7,6	6,0	6,8	8,5	7,9	6,0	5,5

Продолжение таблицы В.1

1	2	3	4	5	6	7	8
Водоснабжение; водоотведение, организация сбора и утилизации отходов, деятельность по ликвидации загрязнений	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	1,2	0,9	1,0
Строительство	4,5	6,4	3,6	3,5	3,4	3,6	3,4
Торговля оптовая и розничная; ремонт автотранспортных средств и мотоциклов	2,0	2,7	3,6	3,3	4,0	4,1	4,1
Транспортировка и хранение	12,6	21,2	24,5	26,8	18,9	17,0	16,9
Деятельность гостиниц и предприятий общественного питания	0,8	0,8	0,4	0,5	0,8	0,6	0,6
Деятельность в области информации и связи	-	-	-	-	3,0	3,4	4,1
Деятельность финансовая и страховая	2,5	0,8	1,4	1,2	1,2	2,0	2,1
Деятельность по операциям с недвижимым имуществом	25,3	15,2	16,8	15,0	16,0	14,8	15,1
Деятельность профессиональная, научная и техническая	-	-	-	-	2,3	3,4	3,6
Деятельность административная и сопутствующие дополнительные услуги	3,2	1,5	1,6	1,7	0,9	1,0	1,7
Государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное обеспечение					1,7	1,7	1,5
Образование	1,8	1,3	1,9	1,8	1,7	1,5	1,8
Деятельность в области здравоохранения и социальных услуг	2,5	2,6	2,6	2,3	1,4	1,4	1,5
Деятельность в области культуры, спорта, организации досуга и развлечений	4,3	3,9	2,5	2,8	1,3	1,2	1,2
Предоставление прочих услуг					0,1	0,1	0,1

Источник: составлено автором по данным [223]

Приложение Г

Показатели динамики состояния основных фондов в России

Таблица Г.1

Показатели динамики состояния основных фондов в России

Показатель	Годы															
	1995	1998	2000	2005	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Средний возраст транспортных средств по всем отраслям экономики, лет	-	-	-	-	12,2	12,4	11,9	11,8	11,4	11,3	11,4	11,1	10,8	10,6	10,9	10,5
Средний возраст машин и оборудования по всем отраслям экономики, лет	-	-	-	-	11,2	11,2	11,1	11,2	11,5	11,2	11,2	11,2	11,3	11,4	11,6	11,8
Индексы изменения стоимости основных фондов в процентах к предыдущему году (в сопоставимых ценах), %	100,1	99,6	100,5	101,9	103,6	103,3	103,0	104,0	104,3	104,1	103,7	103,2	103,9	103,8	102,8	102,5
Удельный вес полностью изношенных основных фондов, %	-	-	15,1	13,4	13,2	13,0	13,5	14,5	14,1	14,6	14,9	15,7	16,9	17,9	17,8	18,0
Степень износа основных фондов, %	38,6	42,3	39,4	43,6	45,3	45,3	47,1	47,9	47,7	48,2	49,4	47,8	48,1	47,3	47,5	47,8
Обновление основных фондов, %	1,6	1,1	1,4	3,0	4,4	4,1	3,7	4,6	4,8	4,6	4,3	3,9	3,7	4,4	4,5	4,3

Источник: рассчитано автором по данным [223]

Международные сопоставления изменений отраслевой структуры ВВП

Таблица Д.1

Международные сопоставления изменений отраслевой структуры ВВП, в
процентах к итогу

Страна	Год	Доля отрасли экономики в ВВП, %								
		Материальное производство				Производство услуг				
		все го	в том числе:			всего	в том числе:			
			сельс кое хозяй ство	промыш ленность	стро ител ьство		транспо рт и связь	торгов ля	финансо вые услуги	проч ие услу ги
США	1900	30,7	9,1	18,4	3,2	69,3	9,5	21,1	4,2	34,5
	1950	23,0	4,3	16,8	1,9	77,0	4,8	20,0	4,7	47,5
	2000	30,7	1,8	22,6	6,3	69,3	2,1	19,0	4,9	43,3
	2015	21,9	1,4	16,6	3,9	78,1	21,9		30,4	25,8
Великобрит ания	1900	28,0	2,2	20,4	5,4	72,0	11,5	20,0	6,5	34
	1950	38,5	1,8	28,6	8,1	61,5	9,9	19,8	5,5	26,3
	2000	29,7	1,4	22,6	5,7	70,3	5,7	20,3	2,0	42,3
	2015	20,5	0,6	13,5	6,4	79,5	24,6		32,6	22,3
Германия	1900	25,1	7,4	13,5	4,2	74,9	9,3	18,6	4,7	42,3
	1950	32,2	5,3	21,6	5,3	67,8	8,1	19,8	4,7	35,2
	2000	40,9	2,4	31,2	7,3	59,1	7,2	19,5	4,2	28,2
	2015	31,5	0,8	25,9	4,8	68,5	20,2		26,0	22,3
Япония	1900	31,3	17,3	11,3	2,7	68,7	6,7	20,0	1,3	40,7
	1950	24,7	11,0	10,4	3,3	75,3	5,9	20,3	1,4	47,7
	2000	31,2	2,1	23,6	5,5	68,8	3,7	26,1	3,6	35,4
	2015	27,5	1,2	20,4	5,9	72,5	25,0		16,3	31,2
Китай	1900	34,3	28,6	5,0	0,7	65,7	7,1	28,6	1,4	28,6
	1950	42,8	32,1	9,3	1,4	57,2	7,1	26,8	1,8	21,5
	2000	39,2	12,0	22,8	4,4	60,8	4,0	21,1	1,5	34,2
	2015	53,5	9,7	36,9	6,9	46,5	15,7		19,3	11,5
Россия	1900	41,3	13,7	23,3	4,3	58,7	11,3	18,7	1,0	27,7
	1950	42,8	7,6	27,6	7,6	57,2	8,6	12,4	1,0	35,2
	1970	90,1	16,1	63,5	10,5	9,9
	1980	87,4	14,2	63,6	9,6	12,6
	1990	87,2	16,3	60,5	10,4	12,8
	2000	62,0	5,0	45,0	12,0	38,0	5,5	11,5	1,0	20,0
	2019	39,3	3,5	29,8	6,0	60,7	9,4	24,4	4,1	22,8

Источник: рассчитано автором по данным [134, 223]

Справка о внедрении результатов от Министерства труда и занятости населения
Кузбасса

**МИНИСТЕРСТВО
ТРУДА И ЗАНЯТОСТИ НАСЕЛЕНИЯ
КУЗБАССА
(МИНТРУД КУЗБАССА)**

Ленина пр., 141-г, г. Кемерово, 650060
тел., факс (384 2) 53-98-33, 35-68-64
e-mail: kanc@ufz-kemerovo.ru
http://www.ufz-kemerovo.ru

27.04.2021 № 1776
На № _____ от _____

Справка

о внедрении результатов диссертационного исследования соискателя
Кузбасского государственного технического
университета имени Т.Ф. Горбачева
Слесаренко Екатерины Владимировны

Министерство труда и занятости населения Кузбасса сообщает, что основные выводы и результаты диссертационной работы Слесаренко Екатерины Владимировны «Структурная трансформация экономики в условиях макроэкономической нестабильности» на соискание ученой степени кандидата экономических наук, а также отдельные положения предложенной концепции структурной политики государства, ориентированной на долгосрочную макростабилизирующую трансформацию экономики, представляют интерес для разработки программных и стратегических документов в сфере занятости населения, а также стабилизации и дальнейшего развития рынка труда.

Представленные в диссертации предложения по формированию устойчивой социальной группы с высоким научно-инновационным потенциалом в целом призваны содействовать развитию занятости специалистов высшей квалификации и развитию экономических отношений в высокотехнологичном сегменте рынка труда.

Министр

А.С. Гришин

Справка о внедрении результатов от Министерства сельского хозяйства и
перерабатывающей промышленности Кузбасса

**МИНИСТЕРСТВО
СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА
И ПЕРЕРАБАТЫВАЮЩЕЙ
ПРОМЫШЛЕННОСТИ КУЗБАССА
(Минсельхоз Кузбасса)**

650000, г. Кемерово, Кузнецкий пр-т, 22-А
т. 36-33-78, факс 36-27-41
E-mail: depselhoz@mail.ru
Официальный Web-сайт: www.mcx42.ru

От 11.05.2021 № 401-09/1702

на № _____

Справка

о внедрении результатов диссертационного исследования соискателя
Кузбасского государственного технического
университета имени Т.Ф. Горбачева
Слесаренко Екатерины Владимировны

Министерство сельского хозяйства и перерабатывающей промышленности Кемеровской области сообщает, что основные выводы и результаты диссертационной работы Слесаренко Екатерины Владимировны «Структурная трансформация экономики в условиях макроэкономической нестабильности» на соискание ученой степени кандидата экономических наук, а также отдельные положения предложенной концепции структурной политики государства, ориентированной на долгосрочную макростабилизирующую трансформацию экономики, имеют определенный интерес для разработки стратегических документов в области регулирования перерабатывающей промышленности и стабилизации производственной сферы.

Значимым потенциалом реализации в деятельности Министерства обладают авторские предложения по развитию экономических отношений в воспроизводственной системе в ходе становления сетевой формы инвестиционно-инновационных и производственных связей, а также по формированию сетевых инновационных экосистем в промышленности.

С уважением,
министр сельского хозяйства и
перерабатывающей промышленности
Кузбасса

А.В. Ариткулов

Справка о внедрении результатов от Министерства экономики и
регионального развития Красноярского края

МИНИСТЕРСТВО
экономики и регионального развития
Красноярского края

Ленина ул., д.123а, г. Красноярск, 660009
Телефон: (391) 249-34-80
Факс: (391) 265-21-36
E-mail: econ@econ-krsk.ru
ОКОГУ 23155, ОГРН 1052466187784
ИНН/КПП 2466133419/246601001

от 4 МАЙ 2021 № 85-458

СПРАВКА

о внедрении результатов диссертационного исследования Слесаренко Екатерины Владимировны на соискание ученой степени кандидата экономических наук по специальности 08.00.01 – Экономическая теория

Диссертационное исследование соискателя Слесаренко Е.В. выполнено на актуальную тему. Отдельные положения и выводы исследования применимы в работе органов исполнительной власти регионального уровня.

Уточнение ведущей роли государства как субъекта управляемых структурных преобразований, лежащих в основе стабилизации экономики, определение сценариев реализации структурно-индуцированной макроэкономической нестабильности в российской экономике и путей ее снижения, формирование социальной группы с высоким инновационным потенциалом за счет стимулирования коллективных взаимодействий субъектов науки и предпринимательства будет способствовать усилению инновационного характера трансформации экономики промышленных регионов России.

Результаты диссертационного исследования могут быть признаны целесообразными к использованию в работе органов исполнительной власти Красноярского края.

Начальник отдела
анализа и прогнозирования
доходного потенциала

Е.В. Старкова

**Справка о внедрении результатов от ФГБОУ ВО «Кузбасский государственный
технический университет им. Т.Ф. Горбачева»**

МИНОБРНАУКИ РОССИИ
федеральное государственное
бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
**«КУЗБАССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени Т.Ф.ГОРБАЧЕВА» (КузГТУ)**
Весенняя ул., д. 28, г. Кемерово, 650000
тел./ факс: (384-2) 39-69-60, факс: (384-2) 68-23-23
<http://www.kuzstu.ru> e-mail: kuzstu@kuzstu.ru
ОКПО 02068338 ОГРН 1024200708069
ИНН / КПП 4207012578 / 420501001

19.04.2021 № 06/6 - 1031

На № _____ от _____

В диссертационный совет Д 900.006.11
при ФГАОУ ВО «Крымский
федеральный университет имени В.И.
Вернадского»

СПРАВКА

**о внедрении результатов диссертационного исследования
Слесаренко Екатерины Владимировны
в учебный процесс**

Результаты диссертационного исследования старшего преподавателя кафедры финансов и кредита ФГБОУ ВО «Кузбасский государственный технический университет имени Т.Ф. Горбачева» Слесаренко Екатерины Владимировны, представленной на соискание ученой степени кандидата экономических наук по специальности 08.00.01 Экономическая теория внедрены в учебный процесс при преподавании дисциплин «Экономическая теория», «Российская экономика», «Макроэкономическое регулирование национальной экономики», «Современные проблемы национальной экономики». Данные дисциплины преподаются студентам, магистрантам и аспирантам направлений подготовки 38.03.01 Экономика, профиль 03 Экономика предприятий и организаций (бакалавриат), 38.04.01 Экономика, профиль 01 Экономика инноваций (магистратура), 38.06.01 Экономика, профиль 08.00.01 Экономическая теория (аспирантура).

В соответствующих разделах рабочих программ вышеуказанных дисциплин используются следующие научно-методические разработки диссертационного исследования Слесаренко Е.В.:

1. Методологический подход к анализу взаимного влияния макроэкономической нестабильности и структурной трансформации национальной экономики.

2. Типология макроэкономической нестабильности в трансформационной экономике, включающая структурно-индуцированный и рыночно-

Продолжение Приложения К

индуцированный типы.

3. Направления макростабилизационной структурной политики, включающие развитие экономических отношений в воспроизводственной системе в ходе становления сетевой формы инвестиционно-инновационных и производственных связей.

Директор Института экономики
и управления ФГБОУ ВО
«Кузбасский государственный технический
университет имени Т.Ф. Горбачева»
к.э.н., доцент

Н.В. Кудреватых

Подпись Н.В. Кудреватых
ЗАВЕРЯЮ
ученый секретарь совета
Э.В. Хейминок
« 19 » 04 2021

